ЯРОСЛАВ ДОМБРОВСКИЙ

В. Дьяков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ярослав Домбровский — человек по-настоящему замечательный, имевший очень интересную и поучительную судьбу. Автор, рассказывая о своем герое, пользовался такими источниками, которые воссоздают максимально близкий к действительности облик исторических событий середины XIX века: патриотические манифестации в Варшаве, восстание в Царстве польском, покушение на русского царя Александра II, Парижская коммуна. Герой книги — непосредственный участник описываемых событий.

- В. Дьяков
  -
  - ОТ АВТОРА
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯРОСЛАВА ДОМБРОВСКОГО
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

В. Дьяков

ЯРОСЛАВ ДОМБРОВСКИИ

ОТ АВТОРА

Рассказывая о своем герое, я пользовался только фактами, зафиксированными в таких источниках, которые воссоздают максимально близкий к действительности облик исторических событий и воспроизводят подлинный аромат эпохи. Мне хотелось, чтобы его жизнеописание складывалось главным образом из подлинных документов того времени, о котором идет речь, из писем и мемуаров тех лиц, которые были участниками или свидетелями событий. В книге нет ни одной созданной воображением ситуации, ни одной выдуманной детали, ни одного сочиненного мной диалога.

Герой книги — человек по-настоящему замечательный, имевший очень интересную и поучительную судьбу. Этот человек обладал цельной натурой и блестящими разносторонними способностями. Его жизненный путь является единственным в своем роде сплавом редкого по постоянству, целеустремленности и самоотверженности служения высоким идеям с такими головокружительно смелыми поступками, которые возможны, казалось бы, лишь в приключенческих романах У меня не было нужды подхлестывать развитие сюжета или драматизировать изложение, так как в повествовании и без того достаточно боевых схваток и острых политических дискуссий, опасных конспиративных поездок и тайных сходок революционеров, длившейся месяцами «игры в прятки» с полицейскими ищейками и изнурительной борьбы против самых искусных царских следователей, удачных и неудачных побегов из тюрьмы или из ссылки.

В этом смысле мне было легко. Что касается затруднений, то они были связаны либо с излишком, либо с нехваткой материала для той мозаики, с помощью которой создавался портрет героя. Имеющиеся источники распределяются, к сожалению, очень неравномерно, и нужного материала сохранилось местами гораздо больше, чем может вместить текст, а местами — значительно меньше, чем необходимо для полной ясности изображения. Однако мне кажется все-таки, что в целом материала хватило и портрет получился. Впрочем, об этом лучше судить читателю.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ЖИТОМИР И БРЕСТ. ВОСПИТАНИЕ, ДОМУЧИВШЕЕ ДО ПОНИМАНИЯ СВОБОДЫ

Следуя укоренившейся традиции, можно было бы во имя занимательности начать книгу с какого-нибудь из многочисленных приключений Домбровского, а потом посредством более или менее искусной реминисценции возвратиться к предшествующему периоду. Но каждый человек начинает совершать подвиги только после того, как появится на свет и пройдет через несмышленый детский возраст. Поэтому мы лучше не будем нарушать естественного хода событий.

Ярослав Домбровский родился в городе Житомире в 1836 году. Его отец Виктор Домбровский был архивариусом в губернском дворянском собрании и к концу жизни имел очень небольшой чин титулярного советника. Он происходил из шляхетского рода, переселившегося на Украину из центральной части Польши, Семья, к которой принадлежал Виктор Домбровский, имела довольно древнюю генеалогию и замысловатый герб, но существовала на то, что могли заработать ее члены. Мать Ярослава — Софья — происходила из полонизовавшейся и обедневшей ветви курляндских дворян Фалькенгагенов-Залеских. Некоторое состояние и известность приобрел лишь ее брат Петр, который, окончив Кременецкий лицей, начал было чиновничью карьеру в Петербурге, но после польского восстания 1830–1831 годов эмигрировал и жил в Лондоне, Париже, Берлине, Дрездене, занимаясь научными, издательскими и коммерческими делами.

Вот, собственно, и все, что мы знаем о раннем детстве и происхождении Домбровского. Неизвестен точно даже день его рождения: текста метрической записи пока обнаружить не удалось, а имеющиеся источники разноречивы. В литературе чаще всего приводится дата — 13 ноября, она представляется в настоящее время наиболее обоснованной.

Тем, кто знает теперешний Житомир — благоустроенный город Советской Украины с населением около 120 тысяч человек, с развитой промышленностью, многочисленными учреждениями культуры и учебными заведениями, — трудно представить, каким он был полтора столетия назад. Прежними остались, пожалуй, одни живописные обрывы и скалы на берегах Тетерева и Каменки,

у слияния которых еще в IX веке был основан город, да считанное число старых построек, являющихся памятниками архитектуры и поэтому бережно сохраняемых житомирцами. Все же остальное стало совершенно иным.

С 1804 года Житомир являлся центром большой и плодородной Волынской губернии. Его население в 1825 году составляло около 13 тысяч, а в середине XIX века достигло примерно 18 тысяч человек. К этому времени в городе было 14 маленьких кирпичных заводов и около десятка кустарных мастерских, которые тогдашняя статистика громко именовала фабриками: экипажными, свечными, мыловаренной. В городе находилась единственная на всю губернию гимназия, причем учителей в ней было 20, а учащихся — 459. Зато город имел около 200 различных лавок, в том числе одну книжную, товары которой состояли «большей частью из учебных книг и отрывочных периодических сочинений». Официальная, парадная жизнь города сосредоточивалась отчасти на Бердичевской, а в основном на Киевской улице, по которой проходило Киево-Брестское шоссе и где располагалась резиденция губернатора. Что касается простых людей, то им гораздо больше были знакомы торговые заведения на Бердичевской и особенно базарная площадь, заполнявшаяся в дни ярмарок шумливой и живописной толпой. Население города было многонациональным: преобладали украинцы, поляки, евреи. Последние имели право жить в районе Чудновской улицы, где большинство из них ютились в бедных и грязных лачугах.

Воссоздать домашнюю обстановку, в которой проходило детство Домбровского, помогают воспоминания В. Г. Короленко. Отец Короленко был житомирским уездным судьей и немногим отличался от отца Домбровского но возрасту и служебному положению. Можно даже предполагать, что эти семьи знали друг друга. Мать Короленко была полькой. Как и мать Домбровского, она происходила из культурной, но неимущей шляхетской семьи. Наверное, к воспитанию детей она относилась примерно так же, как и мать Домбровского.

Самое раннее из детских впечатлений Короленко связано с семейной прогулкой по сосновому бору в окрестностях Житомира. «Здесь, — вспоминал он, — меня положительно заворожил протяжный шум лесных верхушек». Описывая последующие годы, Короленко рассказывает: «Свободное время мы с братом отдавали бродяжеству: уходя веселой компанией за реку, бродили но горам, покрытым орешником, купались под мельничными шлюзами, делали набеги на баштаны и огороды». Можно не сомневаться, что и Домбровский в свое время купался в Тетереве и Каменке, гулял по их берегам, ходил к высокой скале,

названной в честь казака Сокуля, заглядывал в прохладную темноту пещер на обрывистых берегах и с интересом слушал рассказы взрослых о том, что эти пещеры служили жилищем еще доисторическому человеку. Конечно же, маленькому Ярославу были знакомы такие, предместья Житомира, как Смолянка, Русская слободка, Хинчанка, Закаменка, конечно, ему приходилось гулять с родителями по главным улицам города, бывать на застроенной богатыми особняками Большой Вильской, ходить по Купальной, Лютеранской, Жандармской и по Девичьему переулку. Как и Короленко, Домбровский определенно бывал в сохранившемся до наших дней кафедральном костеле.

В. Г. Короленко вспоминает, что его рано начали волновать взаимоотношения поляков с украинцами и русскими. То же можно сказать о Домбровском. Среди родных и знакомых семьи Домбровских были участники бурных событий 1831 года, были и те, кто подвергался репрессиям за связь с участниками польских патриотических организаций более позднего времени. Ярослав знал их имена и не раз слышал рассказы о повстанческой борьбе и деятельности конспираторов.

В те годы большая часть учащихся житомирской гимназии была поляками — детьми помещиков и неимущей шляхты, очень многочисленной на Волыни. Гимназистами были тогда Аполло Коженёвский, впоследствии прославившийся как поэт и драматург, Тадеуш Бобровский — старший брат одного из будущих руководителей повстанцев 1863 года, Стефана Бобровского. Житомирскую гимназию кончал Зыгмунт Сераковский, ставший позже выдающимся деятелем польского и русского освободительного движения. В 1846 году гимназическое начальство обнаружило у его младшего брата Игнация письма «неблагонадежного» содержания, полученные им от Зыгмунта, выпущенного из гимназии в 1843 году и поступившего в Петербургский университет. Началось расследование. Оно показало, что среди гимназистов уже много лет идут споры о том, в чем заключается патриотический долг польской учащейся молодежи. При этом в качестве примера, нередко приводили Зыгмунта Сераковского, который еще в гимназические годы отличался высокими патриотическими побуждениями я, готовя себя к революционной деятельности, одновременно старался как можно лучше учиться, хотя это было нелегко из-за необходимости зарабатывать средства существования себе и брату. Зыгмунта Сераковского некоторые сверстники не любили за нетерпимость к богатым лентяям и резкое осуждение тех, кто предавался развлечениям, даже не помышляя о служении родине.

Существо одной из такого рода дискуссий директор

житомирских училищ изложил следующим образом: «Когда умер в житомирской гимназии ученик 5-го класса Виорковский, то многие из товарищей жалели об этом и причину смерти приписывали большому прилежанию его в науках, откуда вывели общее заключение: не надо сверх сил учиться; а некоторые стали утверждать, что лучше бы вовсе не учиться. [Игнаций] Сераковский начал доказывать противное, что лучше умереть, нежели быть неуком и не иметь никакого уважения в обществе, и что только тот, кто отличается в науках, может быть вполне полезным и себе и отечеству. «Напротив, — сказал Прушинский, — это люди самые ненадежные. Недалеко пример: твой брат. Он постоянно получал награды и отличался перед всеми, а из него всегда будет пустой человек — просто дурак и нетерпим в обществе». Оскорбленный Сераковский начал было спорить с большим жаром, но звон колокольчика на утреннюю молитву прекратил прения». Интересно, что, получив письмо с описанием этого спора, Зыгмунт Сераковский написал младшему брату: «Ты превосходно защищал свое дело в диспуте с товарищами, чувствует подросток, что разовьет себе крылья, что своему взлету поможет».

Ярослав Домбровский не учился в гимназии и в те годы был еще слишком мал для того, чтобы участвовать в подобных дискуссиях. Но он наверняка слышал нашумевшую историю о смерти гимназиста Виорковского, знал о поднявшихся вокруг нее разговорах, о следствии над «неблагонадежными» учениками гимназии и об установлении над ними особого надзора. Нет ничего невозможного и в том, что, проходя мимо стоявшего на высоком берегу дома богатого помещика Альбина Петровского, он встречал иногда жившего там в репетиторах Зыгмунта Сераковского или его брата Игнация. Домбровский в то время не был знаком с Сераковскими, но общие знакомые у них, конечно, были.

Короленко о себе, своей сестре и братьях рассказывает: «Читать все мы выучились как-то незаметно. Нам купили вырезанную польскую азбуку, и мы, играя, заучивали буквы. Постепенно перешли к чтению неизбежного «Степки-растрепки», а затем мне случайно попалась большая повесть польского писателя, кажется, Коженёвского, «Фомка из Сандомира» […]. Книга […] очень хорошая: в ней рассказывалось о маленьком крестьянском мальчике […]. Я и теперь храню благодарное воспоминание и об этой книге и о польской литературе того времени. В ней уже билась тогда струя раннего, пожалуй, слишком наивного народничества, которое, еще не затрагивая прямо острых вопросов тогдашнего строя, настойчиво проводило

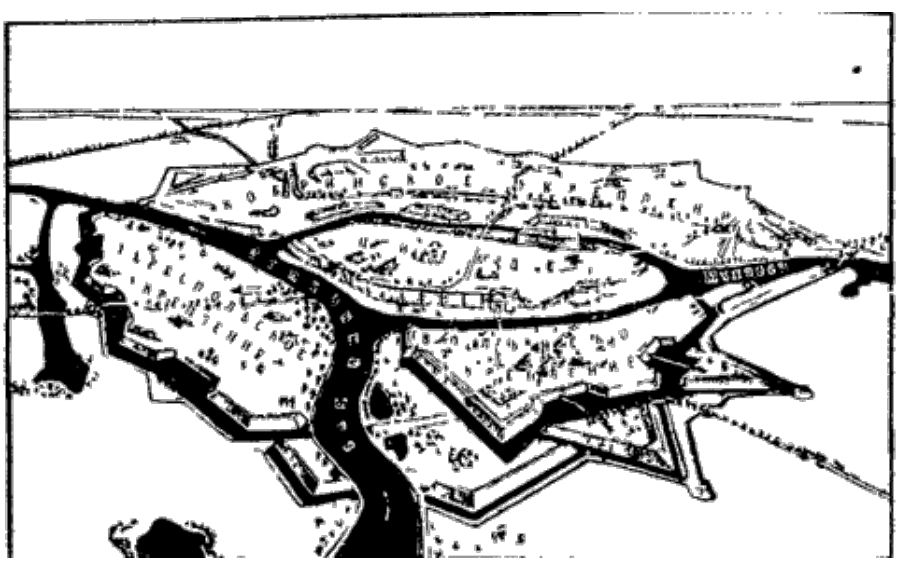
идею равенства людей…» «Первая театральная пьеса, которую я увидел в своей жизни, — говорится у Короленко в другом месте, — была польская и притом насквозь проникнутая национально-историческим романтизмом».

Современная Польша и ее старые, отживающие традиции представали перед маленьким Домбровским, как и перед Короленко, не только в виде разрезной азбуки, первых прочитанных книг, первого посещения театра, но и в виде живых людей, известных чуть ли не всему Житомиру. Одним из них был владелец того дома, в котором снимала квартиру семья Короленко. «Хозяин нашего дома, — вспоминает В. Г. Короленко, — был поляк, которого величали «пан коморник» (землемер). Это был очень старый человек, высокий, статный (несмотря на некоторую полноту), с седыми усами и седыми же волосами, подстриженными в кружок […]. По воскресеньям [он] надевал роскошный цветной кунтуш синего или малинового цвета, с вылетами (откидные рукава), какой-нибудь светлый жупан, широкие бархатные шаровары и рогатую конфедератку, перепоясывался роскошным поясом, привешивал кривую саблю и шел с молитвенником в костел […]. В те годы старопольский костюм вышел уже из употребления или даже был запрещен. Но богатый и своенравный коморник не уступал новым обычаям, жил и сошел в могилу, верный себе и своему времени. И когда я теперь вспоминаю эту характерную, не похожую на всех других людей, едва промелькнувшую передо мной фигуру, то впечатление у меня такое, как будто это само историческое прошлое Польши, родины моей матери, своеобразное, крепкое, по-своему красивое, уходит в какую-то таинственную дверь…»

Беззаботное детство длилось у Ярослава недолго; в девять лет мальчику пришлось оставить дом. Из-за стесненных материальных обстоятельств семейный совет решил отдать его на казенное содержание в Брестский кадетский корпус. Заблаговременно были посланы в Петербург необходимые документы. Наконец настал день отъезда. По много раз исхоженным улицам повозка выехала на шоссе, миновала самые дальние из знакомых мальчику мест. Перед ним прошли, вероятно, как раз те нее картины, которые несколько позже врезались в намять Короленко. «Мы миновали, — читаем в «Истории моего современника», — православное кладбище, поднявшись на то самое возвышение дороги, которое казалось мне чуть не краем света […]. По сторонам тянулись заборы, пустыри, лачуги, землянки, перед нами лежала белая лента шоссе […]. Мне было жутко и приятно. Мир, открывшийся передо мной, был нов и неожидан, или, вернее, я смотрел на него с новой и

неожиданной точки зрения. Белые облака лежали на самом горизонте, не закрытом домами и крышами. Навстречу попадались чумацкие возы с скрипучими осями, двигались высокие еврейские балагулы, какие-то странники оглядывались на нас с любопытством и удивлением».

По численности и пестроте населения Брест был примерно таким же городом, как Житомир; в середине прошлого века в нем жило примерно 18 тысяч человек, причем половину из них составляли евреи, а остальные были белорусами, поляками, русскими. Брест вырос, как и Житомир, на месте одного из древнейших славянских поселений, он так же стоял у слияния двух рек — Западного Буга и Мухавца. В Бресте было 250 лавок и 7 винных погребов, торжки по воскресным дням, средам и пятницам, а также две ежегодные ярмарки, и, несмотря на это, справочник констатировал, что «торговля города но бедности жителей незначительна и заключается в обыкновенной продаже контрабандных товаров, покупаемых на аукционах в Брестской таможне». К достопримечательностям Бреста относились, между прочим, две православные церкви, одна синагога и несколько зданий закрытых католических и униатских монастырей.



План Брестской крепости.

Город Брест и окрестности не могли понравиться Ярославу: после живописного Житомира в Бресте, расположенном на заболоченной кое-где равнине, все ему должно было показаться слишком плоским и скучным. Впрочем, воспитанников кадетского корпуса выпускали за ворота не часто. Большую часть года они проводили в казармах, а летние месяцы — в лагере,

расположенном в дремучем лесу примерно в 10 верстах от города. По словам очевидца, место там было красивое, но, по-видимому, нездоровое, так как воспитанники часто болели лихорадкой.

Кадетский корпус помещался на территории Брест-Литовской крепости. Ее строительство началось сразу после восстания 1830–1831 годов и продолжалось несколько десятилетий. Это та самая крепость, которая в реконструированном виде приняла на себя первый удар фашистских полчищ в июне 1941 года. По книгам и личным впечатлениям сейчас едва ли не каждый у нас знает о советских людях, героически защищавших Брестскую крепость, знает названия основных ее частей: Цитадель, Тереспольское, Кобринское и Волынское укрепления.

Брестский кадетский корпус до 1853 года занимал переоборудованные здания Бернардинского монастыря, расположенные в самой южной части крепости — в Волынском укреплении. Бывший воспитанник корпуса О. Еленский, находившийся в нем почти одновременно с Домбровским, в своих воспоминаниях пишет: «Прекрасное и обширное здание корпуса […] перестроено было из старинного […] монастыря, в котором, как нам рассказывали, были заседания брестской унии. Расположено оно было в центре крепости, на берегу реки Мухавца, окруженное со всех сторон крепостными валами и постройками, из амбразур которых выглядывали пушки. Фасадом своим здание выходило на искусственную высокую гору с укрепленной башней, на которой в торжественные дни и во время пребывания высочайших особ вывешивали огромной величины императорский штандарт, желтый с черным двуглавым орлом. Сзади главного здания расположены были каменные флигеля, в которых помещались квартиры директора, инспектора, офицеров, учителей и казармы для служительской роты, состоящей при корпусе. На дворе, окруженном флигелями, разбит был сквер, куда нас не пускали, а ходили мы гулять на плац перед главным зданием».

Вскоре Домбровский хорошо изучил и территорию корпуса и расположение основных его помещений. Сохранились детальные планы этих помещений, сделанные в год прибытия Домбровского в корпус. С их помощью мы можем совершить мысленную экскурсию по всему трехэтажному зданию, в котором Домбровский провел многие годы.

Поднявшись по широким ступеням главного входа, мы попадаем в вестибюль, где слева расположена комната дежурного по корпусу офицера, а справа — швейцарская. Двигаясь дальше, оказываемся в длинном коридоре, на противоположной стороне

которого, прямо против вестибюля, расположены цейхгаузы, управа от них — несколько классных комнат, а слева — учительская, буфет, кухня и кладовая, В левом конце коридора располагались с одной стороны гимнастический и танцевальный залы, а с другой — столовая, корпусной музей, библиотека и физический кабинет. Правое крыло первого этажа занимали рекреационный зал и спальня гренадерской роты с умывальной и так называемым резервом, занятым шкафами для редко используемых вещей. Во втором этаже над цейхгаузами располагалась корпусная церковь, над библиотекой — читальня, а все остальное место занимали классы, спальни, умывальные и резервы: в правом крыле 1-й, а в левом — 2-й мушкетерской роты. На третьем этаже все левое крыло занимал лазарет, а в правом располагалась та самая неранжированная рота, в которой вместе со всеми самыми младшими воспитанниками оказался Домбровский.

Служба в царской армии, нелегкая во все времена, была особенно тяжелой в николаевскую эпоху. Николай I, начавший свое царствование с беспощадной расправы над декабристами и правивший страной на протяжении трех десятилетий, установил в армии жестокую палочную дисциплину. Вкус к ней будущим офицерам начинали прививать с самых первых шагов их на военном поприще. В Брестском кадетском корпусе режим был тяжелее обычного, а офицеры и преподаватели чаще, чем в других местах, применяли розги. Это объяснялось тем, что три четверти воспитанников корпуса имели польское происхождение, а каждого поляка царские власти считали «мятежником», даже когда имели дело о ребенком.

Домбровскому пришлось убедиться в этом очень скоро и, если можно так выразиться, на самом высоком уровне. Через несколько дней после его приезда в Брест корпус посетил проездом сам царь. В длинной шеренге воспитанников неранжированной роты он обратил внимание на смышленое лицо одного из стоявших на левом фланге мальчиков, которому в спешке забыли остричь светлые вьющиеся волосы. Царь остановился, поднял его на руки и спросил о фамилии и происхождении. Услышанные в ответ слова: «Домбровский, поляк», вызвали у Николая I вспышку гнева; он резко опустил маленького кадета на пол, тот ушибся и потерял сознание. Случай этот описан в воспоминаниях жены Домбровского. По ее словам, происшедшее запечатлелось в памяти Ярослава на всю жизнь. «…Было это, — пишет она, — первым зерном ненависти ко всякому насилию; зерно начало развиваться значительно позднее».

За первым «зерном» последовали десятки других. Изнуряющая зубрежка, бездушная муштра и разнообразнейшие, в том числе телесные, наказания постепенно делали свое дело. Многие из воспитанников, сломленные духовно, превращались в недалеких, но послушных, ни над чем не задумывающихся слуг царизма. Зато других, говоря словами Огарева, «узкое, тупое, нечеловеческое воспитание домучило до понимания свободы». Так было с Домбровским. Он не получил отвращения к ученью и военному делу и не потерял вкуса к дисциплине как таковой, но возненавидел николаевские порядки в армии и очень хорошо почувствовал цену свободе.

Приказы и журналы воспитательного комитета Брестского кадетского корпуса за 40-е и 50-е годы прошлого века пестрят фамилиями воспитанников, подвергшихся наказаниям за детские шалости, за леность в занятиях, за неопрятность, непослушание, курение, драки, за грубость по отношению к товарищам, учителям, воспитателям, за многие другие проступки. Наказания тщательно учитывались, о них ежемесячно доносили в Петербург, и один из великих князей, ведавший военно-учебными заведениями, нередко сам интересовался деталями проступка, давал свои рекомендации относительно наказания. Так, в 1850 году сверстники Домбровского воспитанники Гаврилов и Повало-Швейковский нарисовали на классной доске карикатуру, изображавшую нелюбимого кадетами преподавателя немецкого языка Ланкенау, за что первый получил двое суток ареста «в уединенной комнате» (то есть в самом обычном карцере), а второй — 20 ударов розгами. Вскоре после сообщения об этом из Петербурга поступил запрос о том, что именно нарисовали наказанные. Директор корпуса генерал Гедьмерсен собственноручно подготовил секретное донесение: рисунок изображал преподавателя «довольно похоже», но «в карикатурно-смешном виде», «с большим носом, с огромной бородавкой на левом ухе (у господина Ланкенау действительно довольно большой нос и небольшая бородавка), с кривыми ногами и в пальто с поднятым до ушей воротником». Взвесив полученные сведения, петербургское начальство на этот раз признало наказание правильным. Но бывали случаи, когда великий князь или начальник его штаба высказывали свое несогласие, причем чаще всего наказание признавалось ими слишком мягким.

Провинившихся воспитанников ставили в угол или к стене, оставляли вовсе без обеда или лишали только сладкого, не разрешали прогулок, запрещали увольнения в отпуск для встреч с родными и знакомыми, снижали балл по поведению, записывали на черную доску и так далее. Но самым впечатляющим

воспитательным средством признавались розги.

О. Еленский (он был на два года моложе Домбровского и прибыл в корпус в 1850 году) в первый же день своей кадетской жизни наблюдал, как в присутствии осматривавших корпус великих князей Михаила Николаевича и Николая Николаевича наказывали сбежавшего из Бреста воспитанника. Утром хмурого пасмурного дня корпус поротно вывели на плац, в центре которого стояла скамейка, а возле нее лежал ворох розог. Наказываемого привели в арестантской куртке, прочитали конфирмацию, потом под бой барабанов долго секли у всех на виду. Наутро Еленский, мать которого еще не уехала, долго плакал и упрашивал ее не оставлять его в корпусе.

В другом месте своих воспоминаний Еленский описал постоянно преследовавшее воспитанников гнетущее чувство оттого, что их в любое время могут за что-либо наказать. «Сколько даровитых и симпатичных юношей, — заявляет он, — пропало на моих глазах под гнетом таких одуряющих отношений». По словам Еленского, был в корпусе даже такой случай, когда незаслуженное телесное наказание толкнуло воспитанника на самоубийство: он вскрыл себе вены прямо в цейхгаузе, где обычно производились порки.

Тогдашняя воспитательная система в значительной мере держалась на телесных наказаниях. Поэтому в корпусе едва ли можно было найти принципиальных противников их применения. Но выделялись несколько извергов, которые особенно охотно пользовались розгами. Их люто ненавидели все воспитанники. Об одном из них — штабс-капитане Фишере — Еленский вспоминал: «Это был человек злой, мстительный, окружавший себя шпионами и льстецами, дерзкий и жестокий с кадетами, хитрый и увертливый перед начальством». Еще в Бресте, то есть тогда, когда в корпусе был Домбровский, воспитанники либо жаловались на Фишера за более чем неблаговидные поступки, либо пытались воздействовать на него злыми шалостями. После переезда корпуса в Москву (1853 г.) помещения воспитанников оказались на втором этаже над квартирами офицеров. Воспользовавшись этим, кадеты днем и ночью устраивали страшный шум над жильем Фишера до тех пор, пока виновников не застали на месте преступления и не выпороли. Позднее — в 1859 году — почти вся подчиненная Фишеру рота взбунтовалась и во время «высочайшего» смотра принесла на него жалобу царю; только после этого начальство признало невозможным держать его среди «воспитателей юношества» и дало указание «без шуму предоставить ему возможность переменить род службы».

Подбор преподавателей и воспитателей в корпусе не был

блестящим. Лишь один из тех, кто вел основные предметы, имел законченное университетское образование. По подсчетам Еленского, среди 30 офицеров, имевших воспитательные функции, большинство составляли немцы — уроженцы прибалтийских губерний и лишь 5–6 были русскими, «из числа которых Васильев охотнее говорил по-немецки, нежели по-русски». Но все-таки общий уровень преподавания не был низким, а некоторые учителя, в частности историки Таборовский и Единевский, ботаник Данилов, некоторые другие преподаватели увлекали воспитанников своим предметом и оставили о себе хорошие воспоминания. «Насколько мне помнится, — пишет Еленский, — кадеты, особенно высших классов, читали довольно много, особенно по части истории […]. Доставали Лоренца, Беккера, Маркевича, Бантыш-Каменского на русском языке, Лелевеля, Немцевича и других — на польском. Надзор за чтением был очень слаб, по крайней мере мы его в Бресте не чувствовали».

В отношении увлечения воспитанников историческими сочинениями свидетельству Еленского, пожалуй, можно поверить. Что же касается надзора за чтением, то тут мемуарист не точен. Надзор очень даже существовал, только осуществлялся он скрытыми методами. Об этом свидетельствует, в частности, разосланная в 1850 году секретная директива относительно «Исторических чтений из книг Ветхого завета», использовавшихся до этого в качестве учебного пособия. Замечено, говорилось в директиве, что текст пособия содержит «подробности о жизни Иосифа Прекрасного, несовместимые с детским возрастом»; вследствие сего строго предписывалось «отобрать все экземпляры этого издания».

Театра в Бресте не было, гулянья и другие развлечения были очень редким явлением. Старшие воспитанники могли на праздники взять увольнительные к знакомым в город или поехать к помещикам Райским, которые жили в нескольких верстах от города и, имея чуть не дюжину дочерей, через директора приглашали к себе до двадцати годных в женихи воспитанников сразу. Младшие же во время праздничного затишья затевали экспедиции в самые далекие уголки корпусной территории. Наиболее смелые отваживались пробираться в подвал. Шли разговоры, что по ночам там слышались какие-то стоны, бродили духи с факелами, слышался звон цепей. Духов никому видеть не удавалось, а цепи звенели в корпусе не только ночью, но и днем, так как для хозяйственных работ, в том числе для очистки так называемых ретирадных мест, использовались арестанты. Они ходили под конвоем и были закованы в кандалы. Одетые в серые куртки, с бритыми наполовину головами, арестанты пугали

кадетов, будоражили их воображение. По меткому отзыву Еленского, использование арестантов для работ в корпусе «было непедагогично, но зато, должно быть, очень выгодно» для корпусного начальства.

Итоговые и промежуточные отметки Домбровского за время обучения в Брестском кадетском корпусе пока неизвестны. Но по ряду упоминаний в различных документах можно судить, что он был среди успевающих воспитанников, имевших устойчивые оценки в 7–8 баллов при двенадцатибалльной системе. 20 марта 1853 года Домбровский, сдавая экзамен по древней истории, повысил оценку с 9 до 10 баллов; 14 апреля того же года на экзамене по тригонометрии он получил 7 баллов (ранее было 6). За время пребывания в корпусе взысканий у Ярослава, кажется, не было, а среди воспитанников, заслуживших различные поощрения, его фамилия встречалась неоднократно. В 1848 году ему трижды был повышен балл по поведению; в 1849 году он был отмечен в приказе «за очень хорошее поведение, нравственность и прилежание к наукам». В 1851–1853 годах, имея чин ефрейтора, Домбровский не раз получал поощрения «за благонравие и усердное исполнение своих обязанностей», «за примерное поведение и заботливость о своих подчиненных». По итогам каждого месяца воспитательный комитет устанавливал фамилии лучших учеников для записи на красную доску. В их число Домбровский, судя по имеющимся данным, не попадал; не фигурировал он и на черной доске, куда записывались фамилии самых неспособных, нерадивых и недисциплинированных воспитанников.

В Брестском корпусе обучались одновременно 400 воспитанников. Вновь прибывшие сначала попадали в неранжированную роту (командиром роты во время пребывания в ней Домбровского был сравнительно добродушный и знающий офицер штабс-капитан Ольдерогге). Затем, по мере овладения премудростями маршировки, воспитанников переводили в строевые роты, среди которых первое место занимала гренадерская рота «его императорского высочества наследника цесаревича», названная так в честь будущего царя Александра II. Этой ротой командовал упоминавшийся выше Фишер. Поступавшие в корпус новички были разного возраста и неодинакового уровня знаний; да и последующие их успехи были различными. Поэтому переводы из одного подразделения в другое были частым явлением. В результате Домбровскому за годы, проведенные в Бресте, пришлось в классах, в казарме или в строю близко соприкасаться не с одним десятком воспитанников. Именно здесь он встретился и подружился с многими из будущих

участников революционного движения, в частности с П. Адамовичем, Т. Владычанским, В. Гейнсом, Н. Голиневичем, Э. Коверским, В. П. Колесовым, Б. Люгайло, Я. Подбельским, Е. Рыдзевским и другими.

За восемь лет, которые Домбровский провел в Бресте, он не только вырос и получил довольно солидный запас общеобразовательных знаний, но и значительно продвинулся вперед в политическом развитии. Этому содействовали внеклассное чтение, вовсе не ограничивавшееся рекомендациями начальства, беседы со старшими товарищами и со взрослыми, напряженная обстановка в стране, которая, несмотря на все ухищрения воспитателей, не могла не отражаться на настроениях кадетов. Материалы для размышлений и споров давали некоторые уроки по истории и литературе, а с 1852 года — проводившиеся один раз в неделю после занятий литературные вечера с обязательным посещением. Еленский описал их следующим образом: «Читал учитель русского языка высших классов Тюрин. По чьему распоряжению, нам это было неизвестно, но для своих чтений он выбирал в течение первых двух лет, когда мне пришлось слушать, произведения или совсем неизвестных, или очень мало известных авторов. Обыкновенно это были повести из времен борьбы поляков с казаками: времена Хмельницкого, Остраницы, Наливайки и других, где поляки представлялись изуверами. Сознаюсь откровенно, что это только развивало в нас чувство раздражения и задор, а зачастую способствовало к нежелательным спорам с русскими товарищами, которые, к счастью, всегда оканчивались миролюбиво».

Мысли о несовершенстве существующих порядков, о необходимости ликвидации крепостничества и о восстановлении независимости Польши стали особенно часто занимать воспитанников Брестского кадетского корпуса в 1848 году. Весной этого года до них дошла весть о тех революционных событиях во Франции, Австрии, Пруссии и других европейских странах, которые не случайно известны под названием «весны народов». Революция вплотную подошла к границам Российской империи. Царское правительство до предела закрутило все гайки внутри страны и еще раз приняло на себя позорную роль «жандарма Европы». С помощью провокатора Антонелли царизм разгромил тогда тайное общество Петрашевского, жестоко расправился с конспиративными организациями в Варшаве и Вильно, без пощады подавляя малейшие проявления свободомыслия у своих подданных. В то же время царская армия была двинута на запад, что имело решающее значение для разгрома венгерских революционных сил и содействовало

восстановлению прежних порядков в ряде стран Европы.

Все это не могло остаться незамеченным в корпусе хотя бы потому, что еще до начала венгерского похода Брестская крепость была приведена в оборонительное состояние, а но шоссе в сторону Варшавы почти ежедневно двигались войска или обозы. Но дело не ограничилось разговорами об этом.

Многие поступки старших воспитанников стали приобретать явно политическую окраску. В начале 1848 года один из них — Августинович, подхватив распространившийся в городе ложный слух о том, что в Орле действуют поджигатели польского происхождения, заявил, что поляков не следует выпускать в офицеры, так как и они, мол, могут поступать так же. Эти разговоры вызвали в кадетской среде ряд инцидентов. Начальствующие лица, сами не чуждые полонофобству, вынуждены были лишить Августиновича унтер-офицерских лычек и сбавить ему балл за поведение.

Не успели улечься страсти от этого происшествия, как всплыла целая серия других, гораздо более опасных с точки зрения начальства проступков. Встречая на тайном сборище Новый год, группа кадетов за бутылкой вина и с сигарами вела разговоры на политические темы. Другая группа рассуждала о том, что солдатам в царской армии хлеба и то дают недостаточно; при этом некоторые воспитанники пытались даже заговаривать на эту тему с рядовыми из служительской роты. Воспитанник Керсновский с явным намеком говорил своему товарищу о том, что Николая I называют «белым царем», а на портрете лицо у него почему-то темное; было замечено, что когда во время вечерней молитвы доходило до обязательных пожеланий здоровья царю, Керсновский демонстративно замолкал. Участились случаи столкновений воспитанников друг с другом на национальной почве. «Из этого, — говорится в донесении одного из командиров роты, — вышли между некоторыми из них споры, и тогда унтер-офицер Костомаров объявил в классах корпусному Священнику, что есть глупые толки между воспитанниками, но он не хочет их передавать капитану до тех пор, пока не узнает что-либо важное».

В феврале — марте 1848 года выяснилось, что воспитанник Савицкий, во-первых, декламирует при всяком удобном случае и распространяет в списках запрещенные польские стихи, заученные им наизусть еще в гимназии, а во-вторых, рассказывая об отречении от престола шведского короля, уверяет, будто «это преобразование скоро последует и в прочих державах». Товарищ Савицкого — воспитанник Конашевский, принесший в корпус весть о короле при возвращении из «домового отпуска», который он провел в Варшаве, старался как можно большему числу лиц

рассказать о том, что в Варшаве на царя «сыплются критики и карикатуры». Кроме этого, Конашевский пытался доказать, что царские офицеры по своему культурному уровню ниже любого французского солдата, обосновывая такой вывод ссылкой на одного знакомого майора, которому даже слово «республика» было неизвестно.

Однако наибольший резонанс получило «дело» унтер-офицеров Якова Костомарова и его товарища Яна Станевича. Весьма неприятное для директора корпуса и его ближайшего помощника — инспектора классов, это «дело» велось в глубочайшей тайне, почти без документации, из-за чего и известно о нем далеко не все. Вот как повествует о «страшном» проступке Костомарова один из немногих имеющихся документов — дополнение к приказу директора по Брестскому кадетскому корпусу от 16 марта 1849 года:

«Воспитанник Гренадерской его императорского высочества наследника цесаревича роты Костомаров подал господину] инспектору классов сочинение, в котором ясно выразились: дурная его нравственность, самонадеянность, доходящая до дерзости, и самая черная неблагодарность. В сочинении этом он позволил себе дерзкие выражения против начальников и воспитателей, к которым, кроме доверенности, признательности и уважения, он не должен был питать ничего другого. Этого мало: воспитанник Костомаров был столь безумен и дерзок, что осмелился сомневаться в таинствах религии — священных и драгоценных для каждого человека. Мысль изложить эти сомнения, основанные, впрочем, на совершенной глупости воспитанника Костомарова, в сочинении, которое он должен был подать своему начальнику, есть верх дерзости и непростительной самонадеянности. При вопросах, сделанных ему мною и г[осподином] инспектором классов, он, оправдывая себя, старался запутать других изворотами очень неблагородными. Он говорил, что в сочинении этом он только выставил общий дух безнравственности всех воспитанников и их неуважительные разговоры о своих начальниках и воспитателях. Тогда как по следствию, и в чем я был уверен заранее, ничего подобного не оказалось. Наконец, он уверял меня, что сочинения этого не знают его товарищи и что оно написано им прямо набело, только в одном экземпляре. Но и это вышла неправда: другой экземпляр находился у воспитанника той же роты Жолкевского. Жолкевский вместо того, чтобы показать его дежурному по роте офицеру или своему ротному командиру, передал на сохранение унтер-офицеру неранжированной роты Липинскому 1-му, который, со своей стороны, тоже не сделал того, что от него требовали

обязанность хорошего воспитанника и звание унтер-офицера, то есть не представил этого сочинения своим ближайшим начальникам, а спрятал в резерве — на шкафу, в надежде, что там оно не будет никем отыскано.

Утверждая мнение созванного мною воспитательного комитета для обсуждения предосудительных этих поступков, предписываю: воспитанника Костомарова за дерзость, ложь и клевету посадить под арест впредь до приказания. Жолкевского, как уже замеченного в других предосудительных поступках, наказать телесно перед ротою и отделить от роты; а унтер-офицера Липинского 1-го сместить с унтер-офицерского звания, сбавить три балла за поведение, и как по летам он не может оставаться в неранжированной роте, то перевести его в 1-ю мушкетерскую роту».

Были приняты все меры для того, чтобы в интересах петербургскою и местного начальства поскорее замять эту историю. По словам директора корпуса генерала Гельмерсена, именно вследствие этого расследование не приобрело «никакого политического вида, дабы сим не родить в воспитанниках идеи, что их увлечения могут быть опасными». Между тем «поступки» названных воспитанников явно имели политическую подоплеку. Это подтверждается, с одной стороны, дальнейшей судьбой провинившихся (некоторые из них стали впоследствии активными участниками революционного движения), а с другой стороны, свидетельствами польских источников, показывающими, что Костомаров, Липинский, Станевич и некоторые другие воспитанники являлись участниками конспиративного кружка, возглавляемого преподавателем истории Таборовским. Этот кружок был, вероятно, составной частью Союза литовской молодежи, который возник в Вильно в 1846 или 1847 году под руководством братьев Далевских и, объединив польскую учащуюся, ремесленную, мелкочиновничью молодежь в западных губерниях, а отчасти и за ее пределами, просуществовал до весны 1849 года.

Генерал Гельмерсен и его патроны в Петербурге не очень интересовались наличием тесных связей между союзом и обнаруженной в корпусе группой «вольнодумцев». Но они понимали серьезность положения и постарались поскорее избавиться от «неблагонамеренных» воспитанников. Костомаров был выписан в юнкера и отправлен для продолжения службы в расквартированную около Бреста резервную бригаду. Он некоторое время приходил под окна корпуса и пытался передать письма товарищам. Узнав об этом, Гельмерсен потребовал, чтобы его перевели в подразделение, расположенное подальше от

города. Другой «провинившийся», Болтуц, вместе с братом был отправлен в Минск к родителям якобы за неуспеваемость, хотя отметки у братьев были вовсе не Плохие, а аттестовало их начальство весьма похвально. Что касается Яна Станевича, то его (вместе с братом Иеронимом и их однокашником Издебским) быстренько Сплавили из Бреста для продолжения обучения в Петербург. Оттуда Ян Станевич «за дурное поведение» был отправлен в Оренбургские батальоны. Там он встретился с З. Сераковский, который из студентов Петербургского университета был «определен» в солдаты, так как пытался бежать за границу для участия в революции 1848 года. Сераковский тоже был связан с Союзом литовской молодежи.

Учитывая обстановку, опираясь на результаты следствия по делу петрашевцев и польских конспиративных организаций, разгромленных в те годы, товарищ министра народного просвещения царской России — известный мракобес князь Ширинский-Шихматов в октябре 1849 года разработал секретную инструкцию о надзоре за преподаванием политических наук в высших учебных заведениях. В этом документе, первую страницу которого украшает собственноручная резолюция царя «Совершенна справедливо», говорилось о том, что «в настоящее смутное время […] более нежели когда-либо надлежит ограждать […] юношество от чуждых нам понятий о мнимом превосходстве республиканского или конституционного правления, об ограничении монархической самодержавной власти, о равенстве всех состояний и тому подобного». Руководители ведомства «народного затемнения» не случайно нашли необходимым послать копию секретной инструкции в военно-учебные заведения.

Домбровский, конечно, не видел ни секретной инструкции, одобренной царем, ни препроводительного письма, в котором директору Брестского кадетского корпуса предписывалось, «чтобы смысл сей инструкции соблюдаем был при преподавании политических наук» во вверенном ему заведении. Разумеется, не знал он и о тех соображениях, которые, «творчески» развивая инструкцию, Гельмерсен в начале 1850 года секретно сообщил в Петербург. Но Домбровский, как и другие воспитанники, не мог не заметить того, что в соответствии с «инструкцией» и «соображениями» преподаватели и воспитатели стали: а) чаще беседовать с ними, стараясь внушить верноподданнические чувства; б) усилили и без того строгий надзор за чтением; в) стали тщательнее контролировать получаемые и отправляемые письма; г) чуть не каждую неделю перерывали столы, в которых хранились тетрадки воспитанников; д) строго разбирали все

письменные сочинения, следя за тем, чтобы в них не было недозволенных мыслей и «тому подобного». Когда разгромили группу Костомарова — Станевича, Домбровскому исполнилось только 12 лет. Едва ли он мог быть связан с кем-либо из ее участников, но имена их, конечно, знал, кое-что из их мыслей усвоил, судьбой их интересовался и чему-то на их примере научился.

В кадетские годы Домбровский был энергичным, общительным, легко увлекающимся подростком, которого уже тогда внимательно слушали сверстники. О. Еленский по этому поводу вспоминал: «Когда я поступил в корпус, Домбровский был уже в высших классах […]. Он был маленького роста, с откинутыми назад русыми волосами, умными и чрезвычайно красивыми глазами. Часто мы собирались вокруг него, чтобы послушать его рассказы. Речь у него лилась свободно и отличалась красотою; он фантазировал, заносился на седьмое небо, мечтал о Кавказе, о бранных подвигах и приходил в отчаяние от своего маленького роста. Часто, рассуждая между собою, мы пророчили ему блестящую будущность…»

Участник одного из революционных офицерских кружков начала 60-х годов, Еленский впоследствии перешел на сугубо верноподданнические позиции. Поэтому в своих воспоминаниях, написанных в преклонном возрасте, он сокрушался по поводу того, что Домбровский, если бы не вступил на революционный путь, сделал бы блестящую карьеру на царской службе. Осуждая антиправительственную деятельность своего бывшего однокашника по корпусу, мемуарист восклицает: «Я думаю, никому не придет в голову винить за Домбровского Брестский корпус». Но факты опровергают это одностороннее и пристрастное суждение. Брестский этап не прошел бесследно в жизни Домбровского, он внес свою лепту в подготовку из него как будущего военного специалиста, так и будущего профессионального революционера,

ГЛАВА ВТОРАЯ
ПЕТЕРБУРГ И КАВКАЗ. ФОРМИРОВАНИЕ ОППОЗИЦИОННЫХ НАСТРОЕНИИ

Июльским утром 1853 года из ворот Брестской крепости выехала вереница подвод. На передних сидели офицеры, остальные были заняты возбужденно переговаривавшимися между собой кадетами, а затем под охраной нижних чинов двигались повозки с дорожными вещами и съестными припасами. За день до этого во всех ротах Брестского корпуса был торжественно зачитан приказ о переводе 33 старших воспитанников, в том числе и Домбровского, для продолжения образования в специальные классы Дворянского полка, находившегося в Петербурге. Другой приказ, отданный в день отъезда, назначал для сопровождения выпускников капитанов Берта и фон Бутлера, младшего лекаря Асмуса, фельдшера Никифорова, «дядьку» Анания Осипова, унтер-офицера Фридриха Буйкевича и рядового Индрика Норица. В большой крытой повозке рядом с Домбровским сидели его товарищи по корпусу и будущие соратники по революционной борьбе Ян Подбельский и Михаил Келлер.

Ехали всю дорогу на лошадях. Для сопровождающих это была очень долгая и утомительная поездка. А кадеты были довольны: прекрасная летняя погода, отсутствие строгого режима, надоевшего за долгие годы корпусной жизни, сознание, что сделан заметный шаг в сторону самостоятельной, взрослой жизни, превращали для них этот почти двухнедельный переезд в веселую и приятную прогулку. Им все было ново и интересно: маленькие городишки с полосатыми будками у шлагбаумов, неизменными церквами и кабаками, тюрьмами и казармами; нищие деревушки и крестьянские избы с провалившимися соломенными крышами; возвышавшиеся в стороне от дороги помещичьи усадьбы, окруженные зеленью парков и добротными хозяйственными постройками. Навстречу попадались то запряженные одрами крестьянские телеги, то подрессоренные купеческие брички, то несущиеся во весь опор фельдъегерские возки, то громоздкие, украшенные гербами кареты, в окнах которых виднелись лоснящиеся физиономии господ с бакенбардами а-ля Николай I, старушечьи чепчики или модные женские шляпки. Особенное внимание будущих офицеров

привлекали, конечно, движущиеся на юг колонны войск: пехота, кавалерия, пушки, понтоны и обозы, обозы, обозы. То были части русской армии, перебрасываемые на театр военных действий — ведь примерно за месяц перед этим началась Крымская война 1853–1856 годов. Вид насквозь пропылившихся, понурых солдатских шеренг и молодцевато гарцующих вдоль дороги офицеров, иногда почти такого же возраста, как они сами, волновал воспитанников. Одних он наводил на размышления о том, какие перемены и несчастья принесет стране новая война, а в других возбуждал честолюбивые надежды на возможность принять участие в бою, совершить подвиги, заслужить награды и отличия.

Но вот подошел к концу последний день поездки, и путешественники оказались в Петербурге, а затем добрались до расположения Дворянского полка. Приказ, отданный по полку в воскресенье 9 августа 1853 года, гласил: «Прибывших из Александровского Брестского кадетского корпуса нижепоименованных воспитанников зачислить налицо прикомандированными…» А далее шел список, в котором одиннадцатым по счету был назван Ярослав Домбровский.

В Дворянском полку, переименованном позже сначала в Константиновский кадетский корпус, а затем — Константиновское военное училище, завершали образование воспитанники провинциальных кадетских корпусов, в которых не преподавались военные дисциплины. Здесь же подготавливались к экзаменам на офицерский чин выпускники гимназий, недоучившиеся студенты, лица, имеющие домашнее образование, и другие. Новая обстановка существенно отличалась от того, к чему Домбровский привык в Бресте.

В Дворянском полку преобладали воспитанники старших возрастов, съезжавшиеся почти из всех кадетских корпусов. При Домбровском там были еще и дети лет десяти-двенадцати, но большинство все-таки составляли Юноши в возрасте от 17 до 20 лет, которые изучали в специальных классах только военные дисциплины и проводили много времени на строевых и тактических занятиях. Они не без основания чувствовали себя взрослыми. Однако это не очень меняло положение дел и даже не гарантировало их от телесных наказаний. В мае 1854 года, например, два восемнадцатилетних воспитан вика Дворянского полка получили по 20 ударов розгами: Козлянинов — за то, что, «надев отпускную форму и пристроившись к увольняемым в отпуск, ушел со Двора, не имея на то права», а Харкевич — за подделку отпускного билета. Этот случай, вызвавший возмущение кадет, не встретил одобрения и в Главном штабе военноучебных

заведений: узнав о происшедшем, высокое начальство изволило «выразить мысль, что вообще телесных взысканий взрослым воспитанникам назначать не следует». Видимо, именно поэтому общее число телесных наказаний в полку снизилось в 1854 году до одиннадцати.

Проступки воспитанников Дворянского полка часто отстояли довольно далеко от невинных детских шалостей, хорошо знакомых Домбровскому по Бресту. В полку было немало великовозрастных шалопаев, которые имели деньги и, подражая своим старшим товарищам — офицерам, пытались вести разгульную жизнь, спешили изучить многочисленные «злачные» места, существовавшие в Петербурге. Однажды они силой ворвались в кондитерскую, где подавались кофе и ликеры. Были воспитанники, тайно снимавшие в городе квартиры для встреч с «женщинами легкого поведения». Многие играли в карты и пьянствовали. Генерал Воронец, командовавший Дворянским полком, старался скрыть или как-то оправдывал пойманных на месте преступления, а высшее начальство смотрело на это сквозь пальцы. На одной из ведомостей о провинившихся кадетах против смягчающей формулировки Воронца «воспитанник 2-й роты Побуковский употребил горячительный напиток» начальник Главного штаба военно-учебных заведений генерал Ростовцев не без чувства юмора написал: «Называли бы все настоящим именем!»

Такой же примерно была реакция на иные проявления «гусарства» молодежи. Их, конечно, старались не оставлять безнаказанными, но гораздо большее беспокойство вызывали у начальства воспитанники, которые слишком много читали, интересовались не только «дозволенной» литературой и слишком часто размышляли над некоторыми серьезными вопросами, считавшимися совсем лишними для царского офицера. Домбровский, судя по всему, относился именно к этой части кадет еще в Бресте.

Период Крымской войны, особенно ее последние годы, был временем пробуждения политического сознания в различных слоях общества и усиления оппозиционных настроений в столице и на периферии Российской империи. Война велась неудачно, царизм все более обнаруживал свою неспособность обеспечить надежную оборону страны, феодально-крепостнический строй все отчетливее выявлял свою полную несостоятельность как в экономической, так и в политической сфере. В 1855 году по стране прокатилась волна крестьянских выступлений.

Наиболее крупные из них были связаны с обманутыми надеждами на то, что добровольно вступившие в ополчение

крепостные крестьяне получат по возвращении домой «вольную» от своих помещиков.

Все чаще высказывалось недовольство в так называемом «образованном обществе». По рукам во множестве ходили оппозиционные сочинения, написанные стихами и прозой, адресованные царю и общественному мнению.

Военная молодежь, в том числе, разумеется, и Домбровский, хорошо знала тогдашнюю «потаенную» поэзию, начиная с запрещенных цензурой вольнолюбивых произведений Пушкина, Лермонтова, Рылеева и кончая стихами, написанными в годы войны Добролюбовым и Лавровым. «Потаенная» поэзия, особенно ее новинки, распространялась, естественно, без подписей, и Домбровский, не раз слушавший лекции Лаврова по артиллерии, не мог знать, что этот респектабельный офицер, известный профессор является в то же время автором распространявшихся в списках стихотворений «Пророчество», «Русскому царю», «Русскому народу». Добролюбова Домбровский тогда знать не мог, но его стихи «О нынешней войне» и «На похороны Николая I» ему, вероятно, были знакомы.

Позиция двух названных авторов совпадала лишь отчасти. Оба они резко критиковали существующие порядки, но Добролюбов считал, что Русь может достигнуть свободы только «назло царям», тогда как Лавров скорее был склонен надеяться, что Николая Палкина образумит призыв быть «не капралом, а русским праведным царем», что он проведет необходимые реформы. У нас нет сведений о том, какая из двух позиций была более по душе Домбровскому. Возможно, что он тогда еще не обращал внимания на разницу между ними и с одинаковым удовольствием читал как зовущие к борьбе, хотя и слишком выспренние строки Лаврова:

Проснись, мой край родной, изъеденный ворами,
Подавленный ярмом,
Позорно скованный бездушными властями,
Шпионством, ханжеством.
От сна, невежества, от бреда униженья,
От лени вековой Восстань!.. —

так и чеканный, обращенный к народу призыв Добролюбова:

Вставай же, Русь, на подвиг славы, —
Борьба велика и свята!..
Возьми свое святое право
У подлых рыцарей кнута…

Смерть Николая I в феврале 1855 года ознаменовалась не только объявленным по всей стране длительным трауром, но и новой волной запрещенных стихотворений. Одно из них, написанное в форме эпитафии для памятника царственному покойнику, гласило:

Не знаю, как и почему,
Кому пришла охота
Поставить памятник тому,
Кто стоит эшафота.

В стихотворных размышлениях по случаю смерти царя, написанных Добролюбовым, говорилось о грядущей революции. Она, писал Добролюбов, вспыхнет, когда истощится терпение простых людей, и, начавшись,

…Не пощадит тирана род несчастный,
И будет без царя блаженствовать народ.

Большое число антиправительственных стихотворений было связано с поражением царизма в Крымской войне.

Широкое распространение получили, в частности, два стихотворения, посвященные неудачам русских войск в 1854–1855 гг. под Севастополем: 8 сентября («Как восьмого сентября…») и 4 августа («Как четвертого числа…»). Автор первого из них неизвестен, а второе написал Л. Н. Толстой. Впрочем, эти стихи могли стать известными Домбровскому только после отъезда из Петербурга. А вот стихотворение-прокламацию М. Карлина, написанную в первые дня войны, он почти наверняка видел или слышал в Петербурге. Стихотворение осуждало войну, доказывало, что она не нужна народу, который и так «изнеможден» и «страдает от налогов». Иногда, пишет Карлин, рассуждая о тяготах войны, ропщут на бога.

Но бог ни в чем не виноват,
А тот, кто здесь во имя бога,
Он заставляет нас страдать,
Безумно властвуя в чертогах.
Он слышит плач, он слышит стон
И гордо пишет манифесты:
— Вперед! За веру, честь и трон,

Поможем сватушке иль тестю… —
Да черт бы взял его родню!
Какое до других нам дело?
Нам прежде родину свою,
И долг, и честь спасать велели.
Зачем губить в чужих полях
Цвет нашей русской молодежи?
Мы лучше выметем весь прах,
Весь сор, что дома нас тревожит.

«Потаенная» литература была представлена не только стихами, но и рядом впечатляющих прозаических произведений, которые, вероятно, также были знакомы Домбровскому. С 1854 года распространению антиправительственных сочинений начала помогать Вольная русская типография, созданная Герценом в Лондоне. В августе 1855 года появился первый выпуск «Полярной звезды». Кое-какую пищу для размышлений Домбровский и его товарищи находили в легальных периодических изданиях, в частности в «Отечественных записках» и «Современнике», где с 1854 года начал сотрудничать Чернышевский. Читали они также зарубежные издания — французские и немецкие, а воспитанники польского происхождения — польскую художественную литературу, ходившие по рукам журналы и газеты польской революционной эмиграции. Вообще книги, журналы, газеты составляли их основную духовную пищу.

Это видно из написанных позже заметок ровесника Домбровского и его будущего соратника по петербургскому подполью — Владислава Коссовского (он с 1851 до 1856 года учился в Артиллерийском училище, которое располагалось тоже в Петербурге). В приводимом ниже отрывке Коссовский пишет о студентах столичного университета, но его слова вполне могут быть отнесены N старшим воспитанникам военно-учебных заведений. «Молодые люди, — писал он, — желавшие выучиться чему-нибудь, являясь в аудиторию, вместо живой науки выслушивали затверженные долгой практикой тезисы и взгляды на жизнь и общество, выработанные когда-то за границей, а переработанные на известный лад в цензурных комитетах; чем ближе какой-нибудь вопрос касался современного быта, чем интереснее и поучительнее был какой-нибудь период — тем тщательнее его обезображивали, искажали, старались обойти или целиком выпускали.

Почуяв интуитивно всю несостоятельность старых профессоров, дельная и трудолюбивая молодежь от них

отвернулась, она старалась пополнить пробелы университетского изложения собственными стараниями, пыталась доставать источники, на которые так охотно ссылаются профессора, и увидели, что щедро расточаемые с кафедры цитаты часто имели на самом деле другой смысл и значение, чем тот, который старались придать им профессора; кредит профессоров пал, вера в авторитет рушилась, и из этих развалин выработалось одно убеждение, один символ студенческой веры, что время, проведенное в аудиториях, потеряно безвозвратно, что час домашнего, добросовестного труда приносит более пользы, нежели целых три лекции, прослушанные в аудитории…»

Наряду с описанным у Коссовского типом профессора-ретрограда, действующего в полном соответствии с той декретной инструкцией, которую в 1849 году сочинил князь Ширинский-Шихматов, среди университетских пре подавателей, как и среди преподавателей военно-учебных заведений, начали появляться люди нового поколения, сторонники либеральных и даже революционно-демократических идей. В Дворянском полку во время пребывания в нем Домбровского таким преподавателем был Г. Е. Благосветлов, который несколько позже стал известным публицистом, сотрудником герценовского «Колокола», человеком, близким к первой «Земле и воле», редактором прогрессивного журнала «Русское слово». Он преподавал русский язык и словесность, то есть предмет, которого в специальных классах не было. Из этого следует, что Домбровский не мог бывать на его уроках. Однако трудно предположить, чтобы он не знал о нашумевшей истории увольнения Благосветлова, о «высочайшем» повелении ни в коем случае не принимать его на службу по учебному ведомству. Увольнение было связано с преподавательской деятельностью, хотя его непосредственная причина до сих пор остается неясной. «9 апреля [1855 года] в 5 часов, — сообщал Благосветлов в одном из своих писем, — я произнес два слова, сгубившие мою карьеру и едва не погубившие меня самого. В 7 часов вечера того же 9 апреля доносчик сообщил мои слова Д.[1], а наутро их услышал государь и произнес свой справедливый и короткий суд». В списке лиц, находившихся под секретным надзором, в 1855 году против фамилии Благосветлова сделана пометка, что он был внесен в список «по неблагонадежности и неспособности преподавать воспитанникам ученье в выражениях приличных». Разумеется, речь шла о выражениях, относящихся к царю и к существующим порядкам, и можно не сомневаться, что они стали известны почти всем воспитанникам Дворянского полка.

На формирование взглядов Домбровского влияли не только

нелегальная и подцензурная литература, не только преподаватели и воспитатели, но и кадетская среда, в которой он проводил большую часть времени. С этой точки зрения судьба была очень благосклонна к Домбровскому. Она свела его в Дворянском полку с многими умными и благородными юношами, ставшими вскоре активными участниками революционного движения. Всех их невозможно перечислить. В выпуске 1854 года первым по успеваемости шел В. А. Обручев, который впоследствии был близок к Чернышевскому и Добролюбову, а в 1861 году попал под арест и оказался на каторге как главный распространитель нелегального издания «Великорус». Вместе с В. Обручевым получили первый офицерский чин В. Липинский, В. А. Щелкан, Ц. И. Краснопевцев, Ч. Плавский, З. Хмеленский, Ф. Ф. Гиргас и другие революционеры-шестидесятники. Через год после них вместе с Домбровским надели офицерские мундиры такие его будущие соратники по революционной борьбе, как Э. Коверский, П. Брандт, М. Нарбут, П. С. Худяков, Я. Подбельский, Г. И. Михель. Младшими товарищами Домбровского, выпущенными из полка в 1856 году, были А. Лабунский, А. А. Потебня, П. Н. Семичев, А. Снежко-Блоцкий. Совершенно очевидно, что все они в Дворянском полку не только познакомились, но во многих случаях и подружились между собой. Ведь в юношеском возрасте, да еще в бтенах закрытого военно-учебного заведения, дружеские отношения завязываются легко и быстро, а сохраняется такая дружба нередко на всю жизнь.

Почти все, кто был назван выше, стали позже участниками военно-революционных кружков и в начале 60-х годов подверглись репрессиям со стороны царизма. Но некоторые из тех, с кем воспитывался Домбровский в Дворянском полку, сказались репрессированными гораздо раньше, причем за «преступления», соучастником которых мог бы быть и он, если бы оставался кадетом. Одновременно с Домбровским в 1853 году в Дворянский полк поступил А. Тур, а на следующий год туда был зачислен С. Гурьянов; в 1854 году из Орловского и Полтавского кадетских корпусов в Дворянский полк перевелись Я. Жидкевич и В. Миршевцев. В 1857 году, то есть уже после отъезда Домбровского, всех их вместе с несколькими другими воспитанниками признали виновными в хранении и распространении «непозволительных» стихов и подвергли довольно строгим наказаниям. Можно предполагать, что Домбровский не только был знаком с этими воспитанниками, но и пользовался так или иначе собранными у них произведениями «потаенной» поэзии и прозы.

Он вполне мог видеть и ту записную книжку с запрещенными

сочинениями, которая была отобрана в 1858 году у воспитанника П. И. Семевского, брата будущего редактора «Русской старины» М. И. Семевского, учившегося вместе с Домбровским. Впрочем, записные книжки или тетради с произведениями «потаенной» литературы в то время вовсе не были редкостью, особенно в Петербурге, да еще среди учащейся молодежи. Довольно значительное число таких книжек и тетрадок, появившихся в годы Крымской войны и старательно пополнявшихся в последующие годы, дошло до наших дней. Имел ли что-либо подобное Домбровский, точно неизвестно. Возможно, что имел, и, уж во венком случае, он не раз видел рукописные собрания запрещенных сочинений у своих товарищей и знакомых.

На протяжении двух лет, проведенных в Дворянском полку, Домбровский числился во 2-м специальном классе 5-й дворянской роты (в той же роте, между прочим, числился третий из братьев Семевских — Александр, который позднее арестовывался за участие в освободительном движении). Весной 1855 года в этой и других ротах, где были специальные классы, начались выпускные экзамены. Сохранилась ведомость, в которой зафиксированы все оценки, полученные экзаменующимися. Домбровский получил из двенадцати возможных по закону божьему 12 баллов; по русскому и одному из иностранных языков (вероятно, французскому) — 10; истории — 11; статистике — 7; по законоведению, математике, химии, тактике, артиллерии и двум видам черчения (топографическому и артиллерийско-фортификационному) — 10; фортификации, строевой службе и поведению — 9. Общая сумма баллов, как подсчитано в ведомости, равнялась у него 147, средний балл «по наукам» (то есть без учета балла по поведению) составлял 9,12. Для сравнения отметим, что у М. И. Семевского — одного из лучших в выпуске — общий балл был 216, у одного из слабейших — будущего историка кавказских войн В. В. Потто — 126; вообще же максимум достигал 228, минимум находился где-то около 110 баллов.

При назначении выпускников на службу отметки играли существенную роль наряду, разумеется, со связями, родословной и состоянием. Лучшие по успеваемости и наиболее состоятельные назначались в гвардию или прикомандировывались к столичным военно-учебным заведениям для продолжения образования и даже для подготовки к «замещению должности» преподавателей. Следующую группу выпускали в артиллерию; затем шли инженерные войска, кавалерия и пехота. Усвоившие «курс наук» хуже всех, попадали в корпус внутренней стражи. Домбровский оказался двадцать первым среди назначенных в артиллерию; это

значит, что он, хотя и не был в числе первых, все же по успеваемости входил в треть наиболее хорошо подготовленных воспитанников своего выпуска.

В один прекрасный день выпускникам торжественно Начитали «высочайший» приказ о производстве их в первый офицерский чин. Приказ начинался обычной формулой: «Его императорское величество в присутствии своем в Санкт-Петербурге июня 11-го дня 1855 года соизволил отдать следующий приказ…» Далее перечислялись все, кто «производится по экзамену» из такого-то учебного заведения в такую-то войсковую часть. О Домбровском говорилось, что он из унтер-офицеров Константиновского кадетского корпуса (так с марта 1855 года стал называться Дворянский полк) производится в прапорщики находившейся на Кавказе 19-й полевой артиллерийской бригады, В ту же бригаду получили назначение И. Епифанов, В. А. Жданов и И. Татаринов, в соседнюю — 20-ю бригаду — был назначен Карганов. Двое из них, а именно Жданов и Карганов, приняли впоследствии участие в освободительном движении.

Переход на иную ступеньку общественной лестницы, приобретение всех прав самостоятельного человека сопровождались радостной суетой и многими хлопотами. После десяти лет регламентированной до мелочей жизни в кадетском корпусе и Дворянском полку независимое положение офицера, новый, с иголочки, мундир и первое а жизни собственное жалованье, особенно заметное для таких, как Домбровский, у которых почти никогда не было даже карманных денег. Мало у кого из выпускников все это не вызывало приятного головокружения, не порождало радужных надежд и грандиозных планов, мало кто не забыл на время о том, что независимость младшего офицера царской армии весьма относительна, жалованье — невелико, а расчеты на блестящую карьеру при отсутствии протекции более чем эфемерны. Вероятно, дань юношеским иллюзиям отдал и Домбровский, получивший офицерский чин в 19 лет. Тем более что он считал военное дело своей специальностью и не мог не мечтать о ратных подвигах, о применении на практике тех знаний, которые приобрел за годы ученья. Поэтому свое назначение на Кавказ Домбровский воспринял с радостью.

По сохранившимся документам можно подробно проследить за перемещениями Домбровского в столь памятное для него лето 1855 года. Вторая половина июня ушла на экипировку, приобретение дорожных вещей и всего того, что необходимо для уезжающего за тридевять земель молодого офицера. В

понедельник 27 июня к 10 часам утра Домбровского вместе с другими уезжающими на Кавказ офицерами вызвали за получением документов в штаб инспектора всей артиллерии, которым был один из великих князей. Следующая неделя ушла на завершение сборов и прощальные визиты преподавателям и знакомым; наверное, не обошлось без нескольких пирушек, которыми новоиспеченные прапорщики в эти дни должны были по традиции отметить свое производство. А в среду 6 июля их уже не было в Петербурге. Приказ, отданный в этот день директором Константиновского кадетского корпуса и включавший среди других фамилию Домбровского, гласил: «Отправляемых к местам служения произведенных из воспитанников сего корпуса 11-го минувшего июня ниже сего поименованных офицеров из списка корпуса исключить».

До Москвы ехали веселой гурьбой в поезде недавно открывшейся, первой в России Николаевской железной дороги. Маленькие, словно игрушечные, вагончики, паровоз с неуклюжим колбообразным котлом и закопченной трубой, проложенный через леса и болота рельсовый путь были для того времени чудом техники. Расположившись довольно свободно, офицеры не уставали восторгаться быстротой движения и тем, что трясло гораздо меньше, чем на столь привычном для тогдашних пассажиров гужевом транспорте. А время от времени кто-нибудь из записных шутников, которые всегда находятся в большой группе военных, особенно молодых, бросал взгляд в сторону паровоза и под общий хохот повторял слова услышанной где-то частушки:

> До чего народ доходит —
> Самовар в упряжке ходит.

В Москве сделали небольшую остановку. Вместе походили по первопрестольной, осмотрели Кремль и храм Василия Блаженного. Потом некоторые посетили те кадетские корпуса, в которых учились раньше: 1-й и 2-й. Московские, Александринский сиротский. Домбровский с несколькими своими старыми товарищами побывал в переведенном сюда Брестском кадетском корпусе. Кроме этого, он навестил семейство Хшонстовских — своих родственников по отцу, постоянно живших в Москве.

От Москвы пришлось перейти на обычный способ передвижения, и веселая компания распалась, так как по одному тракту на перекладных трудно было ехать всем сразу. Вместе с несколькими другими офицерами Домбровский доехал до

Ставрополя, где располагался штаб 19-й полевой артиллерийской бригады. После короткой передышки он отправился далее на юг к месту дислокации. 2-й легкой батареи этой бригады. Тут ему мог сопутствовать, пожалуй, только И. Татаринов, получивший назначение в ту же батарею. 22 июля 1855 года Домбровский, как свидетельствует его формулярный список, прибыл к месту расположения батареи и вскоре предстал перед ее командиром подполковником Быстроглазовым.

Станица Урупская[2], где располагались штаб и зимние квартиры батареи, имела в начале 60-х годов прошлого века около 330 дворов и являлась одним из укрепленных пунктов так называемой Кубанской линии.

На протяжении нескольких десятилетий, когда царизм вел кровопролитную войну за покорение горцев Северного Кавказа, такие линии были построены вдоль всего Кавказского хребта — от Кизляра до Новороссийска.

Линии образовывали казачьи станицы, соединенные между собой постоянно охраняемыми дорогами и служившие базами для регулярных частей Кавказской армии.

Из войск, расквартированных в линейных станицах, и из казаков каждую весну создавались отряды, состоящие из пехотных, кавалерийских и артиллерийских подразделений и предназначенные для активных действий в более или менее отдаленных горных районах. К осени отряды расформировывались, а входившие в него подразделения возвращались к своим частям на зимние квартиры.

Домбровский прибыл на Кавказ, когда бои развертывались в основном в его западной части, то есть там, где находилась Кубанская линия. Судя по записям в формулярном списке, Домбровский не раз включался в состав боевых отрядов. Единороги и пушки его батареи вместе со стрелками из Ставропольского или других пехотных полков при поддержке одной или нескольких казачьих сотен действовали на территории современного Краснодарского края, Карачаево-Черкесской и Адыгейской автономных областей. Отряды, как правило, продвигались по речным долинам, разрушая аулы горцев и создавая укрепления, дававшие возможность удерживать захваченную территорию.

Вот запись в формулярном списке Домбровского о его участии в «походах и делах» на протяжении 1855 года: «3 ноября стычки и перестрелки с горцами у станицы Новоалексеевской, 12 ноября — близ поста Родниковского вверх по р. Лабе. 13 ноября расположение отряда для рубки леса между Лабою и Ходзом; 23 ноября движение отряда от р. Ходза к р. Песфиру; 29 ноября

роспуск отряда на зимовые квартиры». Следующий, 1856 год в записи об участии в боях почему-то не фигурирует; не исключено, что это просто ошибка иисаря, копировавшего формулярный список.

В 1857 году Домбровский участвовал в боевых действиях с 21 апреля по 1 декабря. В формулярном списке говорится; «Сбор отряда у устья Большого Тигеня для постройки станицы Отрадной; с 6 по 11 ноября того Же года движение отряда, собранного из войск Лабинской линии для действия против могошевцев, причем были стычки и перестрелки 8, 10 и 11-го чисел при рубке леса и истреблении аулов на р. Песфире. 1857 года за отличие, оказанное им в деле против горцев во время летних экспедиций, всемилостивейше награжден единовременно 122 рубля 50 копеек серебром». «1858 года, — гласит далее текст формулярного списка, — с 25 апреля по 1 июля в Тигеньском отряде при постройке станицы Спокойной; 26 мая при рубке леса за р. Большой Тигень был в перестрелке. С 12 августа по 1 декабря в Адагумском отряде». А в конце еще добавлено: «Ранен и в плену у неприятеля не был. Особых поручений по высочайшим повелениям и от своего начальства не имел. Всемилостивейших благоволений и всемилостивейших рескриптов не получал».

Последние фразы вовсе не принижают боевых заслуг Домбровского — они вписаны потому, что отвечают на вопросы, обязательные при заполнении формулярных списков. Как офицер он был, несомненно, на хорошем счету у начальства. Это подтверждается цитировавшейся записью о денежной награде и тем, что в 1858 году Домбровский получил чин подпоручика. В июне этого же года «по случаю нового преобразования артиллерии на Кавказе» его перевели в заново создаваемую 3-ю горную батарею. Для зимних квартир этой батарее была отведена находящаяся недалеко от Новороссийска станица Крымская. Там Домбровский и провел последний год своего пребывания на Кавказе.

Формулярный список, из которого почерпнуты приводимые данные, освещает лишь то, что интересовало различные инстанции военного ведомства. О духовном росте Домбровского, о его взглядах и интересах из этого документа, естественно, ничего узнать нельзя. В воспоминаниях жены Домбровского рассказывается о том, что на Кавказе он первое время вел обычную для тамошнего офицера жизнь: в свободное от походов время пил, играл в карты и влюблялся чуть ли не в каждую из встречавшихся женщин. Дело однажды дошло до того, что несколько заядлых картежников предложили устроить в его квартире нечто вроде постоянного игорного притона. Это

отрезвило Домбровского. Он не только порвал со своими бывшими приятелями, но и навсегда получил отвращение к картам и всякому «гусарству». Вообще его отношение к окружающему изменилось; он стал очень много читать, одно время даже бросил курить, чтобы больше денег оставалось на книги.

Воспоминания Домбровской говорят лишь о внешних проявлениях того важного переворота, который произошел в мировоззрении ее будущего мужа во время службы на Кавказе. Внутреннее содержание процесса, его истоки л результаты при нынешнем состоянии источников раскрыть нелегко. Однако, имея ряд косвенных данных и зная, каким Домбровский возвратился с Кавказа, можно все-таки составить довольно точное представление о направлении и ходе его идейной эволюции.

В формировании мировоззрения Домбровского первостепенную роль продолжала играть «потаенная» литература. Тетрадки, куда переписывались ее произведения, были почти у каждого из молодых офицеров. Некоторые коллекционировали преимущественно эротические стихи, но чаще всего тетрадки заполнялись политическими текстами антиправительственного содержания. Заполучив такую тетрадку, Домбровский жадно на нее набрасывался. Быстро перелистывая страницы, он убеждался, что некоторые произведения видел еще в Дворянском полку. Но часто попадались и неизвестные ему вещи.

Вот, например, стихотворение, озаглавленное «Шарманка». В нем самодержавное Российское государство изображается в виде старой шарманки, на которой последние представители династии Романовых играют только три надоевшие мелодии: о боге, царе и отечестве. Тридцать лет крутил дребезжащую шарманку Николай I; Александр II подновил ее только снаружи.

А внутри осталось так,
Даже стало хуже!
Сам он видит, что она
Уж пришла в негодность,
Что в ней лопнула струна,
Певшая народность,
Что охрипла в ней давно
Песни православия,
Что поправить мудрено
Хрип самодержавия.

Очень понравились Домбровскому заключительные строки стихотворения, доказывающие Александру II, что необходимы

решительные перемены в полученном от отца наследстве, что нужно взяться за починку государственного механизма, иначе дело может дойти до революционного взрыва. О Николае I автор «Шарманки» пишет так:

«Ведь починка — труд большой,
А на век мой станет,
Да и внутрь шарманки той
Вряд ли кто заглянет», —
Так шарманщик рассудил,
Видно, что дубина,
И шарманку ту взвалил
Он на плечи сына.

А потом речь шла «о благополучно царствующем государе императоре»:

Сын справляет день и ночь
Старую работу,
Хоть вертеть ему невмочь,
Да и не в охоту.
В том труде не быть пути,
Так и жди — порвется,
И уж как ты ни верти,
А чинить придется.
Благо есть теперь досуг
Взяться бы за разум.
Хуже будет, если вдруг
Распадется разом,
Если ты под звук заснешь
Льстивого напева
Иль, забывшись, повернешь
Справа да налево.

Если владелец тетрадки был уроженцем Царства Польского, то в ней непременно можно было найти несколько запрещенных стихотворений на польском языке, С особым удовольствием Домбровский перечитывал всегда известное стихотворение А. Мицкевича «К русским друзьям». Вперемежку с польскими текстами всегда шли русские стихи или проза. Как-то Домбровскому попалось, например, прозаическое произведение, озаглавленное «Права русского народа». Об этой вещи он слышал раньше, но видел ее впервые. Первый раздел назван «Права

дворянства». «В знак особенной благодати поступать с малолетства в казенную собственность физически, нравственно и морально», — прочитал в нем Домбровский, и ему сразу вспомнились Брестский кадетский корпус и энтузиаст рукоприкладства штабс-капитан Фишер, а потом и те два восемнадцатилетних юноши, которых не где-нибудь, а в Дворянском полку выпороли при всем честном народе. «Поступать на службу, — говорилось дальше о правах дворян, — если примут, выходить в отставку, если выпустят». И снова в памяти Домбровского всплывали судьбы офицеров, которых он знал лично, о которых слышал от сослуживцев. В таком же сатирическом духе, талантливо и со знанием жизни говорилось дальше о «правах», а точнее, о бесправии чиновников, духовенства, купечества, мещан, крестьян и солдат.

Развертывая связку журналов, полученных от только что вернувшегося из отпуска сослуживца, Домбровский прежде всего отыскивал тоненькие, сложенные вдвое номера «Колокола». Развертывая знакомые тонкие листы, вспомнил рассказы о том, где они приобретаются. В Петербург и Москву герценовские издания пачками привозили из-за границы; последние номера «Колокола» можно было купить на улице у бродячих букинистов-мешочников, которые отваживались продавать такие издания чуть ли не на глазах у полицейских. В первых номерах «Колокола» за 1859 год печаталась статья Герцена «Россия и Польша», которая, несомненно, привлекла внимание Домбровского. «Я убежден, — писал Герцен, — что с Крымской войны Россия входит в новую эпоху развития…» И несколько ниже: «Польша, как Италия, как Венгрия, имеет *неотъемлемое полное* право на государственное существование, *независимое* от России».

Регулярно читал Домбровский и очередные номера «Современника».

Этот журнал офицеры часто выписывали в складчину, а читали его не только подписчики, но и многие из их друзей. Особое внимание читателей журнала привлекали в те годы произведения Чернышевского, который, по меткому определению В. И. Ленина, умел и «подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*». С интересом читались статьи Добролюбова: они имели, как правило, литературно-критический характер, но так или иначе затрагивали острейшие политические вопросы, заставляя читателя думать о несовершенстве существующих порядков, о необходимости их изменения. По обыкновению Домбровский тщательно просматривал раздел «Заграничные известия». Здесь помещались анонимные международные обзоры, писавшиеся нередко так, чтобы критикой

в адрес турецких, китайских или иных зарубежных властителей вызвать критические размышления о политике царизма.

Когда в руки Домбровского попадала книга «Полярной звезды», он не раскрывал ее, не полюбовавшись сначала изображенными на обложке профилями казненных декабристов, не перечитав подпись: «Пестель, Рылеев, Бестужев, Муравьев, Каховский» и набранный на титульном листе эпиграф из Пушкина «Да здравствует разум!». Внимательно прочитывал он очередные главы «Былого и дум» Искандера (Герцена). Читал также стихи Рылеева, Бестужева, Пушкина, Языкова, Огарева и других авторов, а также «Разбор донесения следственной комиссии» но делу декабристов и «Взгляд на тайное общество» декабриста М. Лунина.

Из специальных журналов Домбровский, вероятно, выделял «Военный сборник». Этот довольно скучный прежде журнал в 1858 году, когда его редакторами стали Чернышевский, Обручев и Аничков, приобрел совершенно иной облик. Он начал печатать статьи, глубоко и критически анализирующие состояние вооруженных сил России, намечающие задачи и определяющие содержание необходимых преобразований. Конечно, как подцензурный орган, журнал об одном не мог писать вовсе, о другом писал лишь в завуалированной форме. Но при Чернышевском, а отчасти и потом, журнал, несомненно, оказывал революционизирующее воздействие на своих читателей, в основном, разумеется, офицеров. Не случайно об одном из будущих друзей Домбровского и его соратнике по революционной борьбе начальство писало: «Либерализм его, пропитанный духом «Военного сборника» 1858 года, обнаруживался весьма резко».

За время Пребывания в Кавказской армии Домбровский горько разочаровался в тех целях, которые царизм преследовал в войне с горцами, и в тех средствах, с помощью которых эти цели осуществлялись. Наивная романтика отвлеченного, стоящего вне политики воинского подвига, охватившая его сразу после производства в офицерский чин, постепенно испарилась. Домбровский понял, что царизм выступает по отношению к горцам в роли захватчика, поработителя, угнетателя, то есть примерно в такой же роли, какую он играл на польских землях.

Существенное значение имело также прямое или опосредствованное соприкосновение молодого офицера с рядом ветеранов польского и русского освободительного движения, сосланных Николаем I на Кавказ, где почти непрерывно шли бои и где «вольнодумцы» скорее всего могли найти гибель в бою за совершенно чуждое им дело. Во время пребывания Домбровского в Кавказской армии только в 19-й пехотной дивизии, с частями

которой действовала 19-я артиллерийская бригада, находились декабрист А. Н. Сутгоф, участники восстания 1830–1831 годов Ф. Вояковский и М. Важинский; бывший Виленский студент JT. Корытовский, являвшийся членом одной из конспиративных организаций, созданных Шимоном Конарским во второй половине 80-х годов; минский гимназист Э. Ленкевич, отданный в солдаты в 1851 году за разрезание […] портрета государя императора». В других частях, действовавших на Кавказе, служили А. Кузьмин-Караваев, который, будучи офицером царской армии, пытался в 1838 году освободить из тюрьмы замечательного польского революционера Ш. Конарского; петрашевцы Н. А. Момбелли, Н. Т. Гагарин, В. А. Головинский и десятки участников польского освободительного движения 30—50-х годов. Хотя источников, фиксирующих наличие контактов Домбровского с кем-то из политических ссыльных, пока нет, можно с уверенностью говорить о том, что о многих из них он слышал, а с некоторыми и встречался лично. Это, конечно, не могло пройти для него бесследно.

Конец 50-х годов был решающим этапом в формировании мировоззрения Домбровского. В эти годы созрели и оформились две наиболее характерные черты его внутреннего облика. Во-первых, это проходящее через всю его жизнь стремление как можно совершеннее овладеть военным делом, которое он считал своей единственной настоящей специальностью; во-вторых, крепнувшая из года в год ненависть к тому социальному, национальному, религиозному гнету, который испытывали польский народ и другие народы Российской империи. Сначала явно превалировала первая черта, но постепенно решающая роль стала переходить ко второй.

Решение поступить в Военную академию созрело у Домбровского в 1858 году. Оно, с одной стороны, открывало путь к военным знаниям, с другой — давало возможность, переехав в Петербург, оказаться в самом центре общественного движения, переживавшего тогда период подъема. За последние полтора года службы на Кавказе Домбровский все свободное время посвящал подготовке к вступительным экзаменам. В июле 1859 года пришел долгожданный вызов на экзамен в академию, и после коротких сборов Домбровский отправился в путь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
СНОВА ПЕТЕРБУРГ. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРУЖОК ГЕНШТАБИСТОВ

В формулярном списке Домбровского есть такая запись: «Отправлен в Николаевскую академию генерального штаба для образования в высших военных науках 1859 года июля 30. Прибыл августа 12, зачислен в оную 1859 года декабря 15». Следовательно, подготовка к экзаменам и сами экзамены заняли четыре месяца: с середины августа до середины декабря. За это время экзаменующиеся успели не только подружиться друг с другом, но узнать преподавателей академии и освоиться с ее порядками.

Что же представляло собой это учебное заведение? Сто лет тому назад ни в русской армии, ни в армиях крупнейших западноевропейских держав не было генеральных штабов как высших военных учреждений, а существовала так называемая «служба генерального штаба». В нее зачислялись наиболее образованные и знающие офицеры, предназначенные для замещения руководящих должностей в штабах, начиная от штаба дивизии и выше. В целом они составляли своего рода мозговой трест армии, на который возлагалось: заблаговременное изучение вероятных театров военных действий, оценка сил и средств противника, составление планов стратегического развертывания, текущее планирование боевых операций и конкретное руководство ими. Именно служба генерального штаба создала, между прочим, многотомное «Военно-статистическое обозрение Российской империи», являющееся очень важным историческим источником и ценным географическим, этнографическим и экономикостатистическим трудом огромного масштаба (он состоит из нескольких десятков томов с сотнями таблиц, схем и т. д.).

В России подготовка офицеров генерального штаба осуществлялась сначала через специальное отделение Военной академии, а затем была создана Академия генерального штаба. Ее выпускники на какое-то время «причислялись к генеральному штабу» и лишь после испытательного срока «переводились в генеральный штаб». Это, однако, вовсе не значило, что после этого они зачислялись в какое-то одно учреждение и должны были находиться в столице и сидеть под одной крышей.

Напротив, как первые, так и вторые находились в разных концах страны, служили в штабах почти всех существовавших дивизий, корпусов, армий, а отчасти занимали командные, преподавательские и иные должности во многих городах России, являлись так называемыми военными агентами (атташе) в зарубежных столицах.

Термин «высшие военные науки», примененный в формулярном списке Домбровского, не был преувеличением: Академия генерального штаба не только действительно давала высшее образование, но являлась самым важным и самым трудным из существовавших тогда военно-учебных заведений. Хотя срок обучения в академии был двухгодичным, ее слушатели получали подготовку, не уступающую университетской по некоторым гуманитарным дисциплинам и математике, а по специальным предметам их знания были на уровне лучших западноевропейских академий, в частности знаменитой в те годы французской. На рубеже 50-х и 60-х годов XIX века в академию ежегодно принималось несколько десятков человек (не свыше 70). Всего офицеров генерального штаба насчитывалось около 500 человек, при общей численности офицерского корпуса русской армии примерно в 30 тысяч. Высоко оценивая революционный потенциал офицерского состава, Огарев в одном из своих конспиративных документов особо выделил как наиболее реальный резерв освободительного движения: «генеральный штаб и Военная академия — 460 офицеров».

Еще до начала приемных экзаменов Домбровскому был объявлен «высочайший» приказ о производстве его за отличия на Кавказе в чин поручика. Среди слушателей академий (кроме Академии генерального штаба, в Петербурге находились Артиллерийская и Инженерная академии) и в частях столичного гарнизона он встретил массу старых друзей и знакомых. Бывший воспитанник Брестского кадетского корпуса Ян Станевич после пятилетней службы в Оренбургском корпусе получил офицерский чин и «всемилостивейшее» прощение; теперь он кончал ту академию, в которую поступал Домбровский; а младший брат Яна — Иероним Станевич здесь же держал вступительные экзамены. Домбровский и Иероним Станевич вместе с Фердинандом Варавским и Михалом Гейденрейхом, быстро подружившись, решили поселиться вместе. Сравнительно недалеко от академии нашли просторную квартиру, в которой расположились так, что каждый имел свою отдельную комнату, а самая просторная комната, оставшаяся свободной, служила общей гостиной. Все четверо жили только на офицерское жалованье, большая часть которого уходила на оплату жилья и питание. Несмотря на

недостаток времени и средств, один день недели предназначался для приема друзей и знакомых. В этот день квартира заполнялась военной и студенческой молодежью, в гостиной появлялись чай и незамысловатые закуски. Несколько раз менялось местонахождение общей квартиры, отчасти менялся и состав группы, но уклад жизни оставался тем же.

Учился Домбровский с большим интересом и настойчивостью. На выпускных экзаменах он получил высокие оценки и оказался в числе одиннадцати выпускников, отнесенных к первому разряду; правда, в их числе он был предпоследним. При двенадцатибалльной системе оценок за годовые сочинения (нечто вроде дипломных работ по основным предметам) ему поставили 10 баллов. Средний балл по основным специальным предметам у него был выше одиннадцати (тактика—11, стратегия и военная история — 11,7, военная администрация — 12, военная статистика — 11,6, геодезия, топография и съемки—11,7). По вспомогательным военным и по общеобразовательным дисциплинам оценки оказались несколько ниже: фортификация — 10, артиллерия — И, русский язык — 10,5, политическая история — 9,5, иностранный язык — 9; в среднем это составило 10 баллов. «За отличные успехи в науках» Домбровский был в декабре 1861 года произведен в чин штабс-капитана.

Экзамены проводились публично и проходили в просторном зале академии с 29 сентября по 24 октября 1861 года. Они начинались в 10 часов утра в состояли преимущественно из защиты положений заранее приготовленных годовых сочинений по соответствующему предмету. В экзаменационные комиссии входили видные представители тогдашней военной науки: М. И. Богданович, А. И. Беренс, М. И. Драгомиров, Г. А. Леер, В. М. Аничков, А. И. Макшеев. В зале, кроме академического начальства и доброжелателей экзаменующихся, присутствовало каждый раз несколько генералов — из департамента генерального штаба и других составных частей военного министерства, из гвардейского корпуса, царской свиты и т. д. Бывали даже члены царской семьи. Изредка появлялся бывший профессор академии, а ныне товарищ (то есть заместитель) военного министра Д. А. Милютин, которого Домбровский знал как начальника главного штаба Кавказской армии. Престарелый патрон Милютина, николаевский служака Н. О. Сухозанет только числился военным министром — фактически он исполнял должность наместника Александра II в Царстве Польском и находился в Варшаве. Многие из присутствующих знали, что замена Сухозанета уже предрешена, и заранее относились к Милютину как к министру.

Лекции в академии, домашние занятия, полевые ноездки,

выполнение иных служебных обязанностей составляли лишь одну, постепенно уменьшающуюся часть жизни Домбровского. Все больше времени и сил отнимала у него теперь революционная деятельность. Сразу же по приезде в Петербург он установил связи с подпольщиками и в короткий срок занял среди них видное место. В этом не было ничего удивительного, во-первых, потому, что Домбровский внутренне был вполне подготовлен к этому, а во-вторых, в связи с тем, что многие активные деятели подполья были либо его старыми приятелями по Брестскому кадетскому корпусу, либо кавказскими знакомыми, либо вновь приобретенными в Петербурге друзьями.

Их перечень целесообразнее всего, пожалуй, начать с Зыгмунта Сераковского, кончавшего гимназию в Житомире, учившегося с 1845 года в Петербургском университете и приезжавшего на летние каникулы 1847 года в Вильно, где он познакомился с руководящими деятелями Союза литовской молодежи. Возвратившись из оренбургской ссылки в 1856 году, Сераковский на следующий год поступил в Академию генерального штаба.

Там вместе со своими ближайшими друзьями Я. Савицким, Я. Станевичем, В. Добровольским, К. Левицким, В. К. Гейнсом, Н. Д. Новицким Сераковский организовал революционный кружок офицеров-генштабистов. Один из мемуаристов, впоследствии довольно известный военный историк генерал М. А. Домонтович, настроенный весьма реакционно и потому видевший многое в извращенном свете, следующим образом описывал появление Сераковского среди будущих слушателей академии: «Я жил тогда в Петербурге и, сидя по целым дням дома, готовился к поступному экзамену […]. Раз […] ко мне утром зашел […] армейский офицер и назвал себя прапорщиком Сераковский, тоже собирающимся поступить в академию и желающим получить от меня какие-то записки[3]. Оказалось, что его ко мне направил бывший мой товарищ по корпусу Савицкий — тогда уже офицер гвардейского генерального штаба, а впоследствии замешайный в польское восстание и эмигрировавший в Галицию. Сераковский […] залпом и без передышки передал мне всю свою биографию, выставил себя мучеником и жертвой деспотизма времен Николая I, говорил о наступлении иного времени […], а затем, прощаясь со мной, с пафосом добавил: «Я украинец с правого берега Днепра, а вы — левого! Крепко-крепко жму вам руку».

О.последующем Домонтович рассказывает так: «Поступив в академию, Сераковский как-то сразу сумел войти в доверие и даже сблизиться с некоторыми из молодых профессоров, искавших популярности. К стыду последних, следует заметить,

что они не только оказывали явное предпочтение Сераковскому, но и были пристрастны в оценке других офицеров академии. Руководствуясь указаниями и отзывами Сераковского и его приятелей, даже такие, по-видимому, независимые люди, как [Н. Н.] Обручев, делали несправедливости и, считая фразерство признаком развития и способностей, выдвигали таких будущих проходимцев, как Гейнсы, Новицкие и иные. Этого было достаточно, чтобы увеличить число приятелей Сераковского, сделавшегося центром и силой в его выпуске». Приведенный текст, если не обращать внимания на явно пристрастный тон и отбросить не соответствующие действительности оценки мемуариста, показывает, во-первых, что, создавая кружок генштабистов, Сераковский старался войти в контакт с возможно большим числом офицеров, во-вторых, что он пользовался весьма значительным авторитетом как среди слушателей, так и среди преподавателей академии. Примерно в это время Н. А. Добролюбов писал одному из своих приятелей: «Я бы тебе целую коллекцию хороших офицеров показал». «Это, — пояснял впоследствии Чернышевский, — были два кружка: один состоял из лучших офицеров (слушателей) Военной академии, другой — из лучших профессоров ее. Николай Александрович был близким другом некоторых из замечательнейших людей обоих кружков».

По своим убеждениям Домонтович был весьма далек от «хороших офицеров»; что касается кружка из слушателей академии, то он наблюдал за его возникновением со стороны и потому обратил внимание главным образом на внешние приметы происходящего. Но и они весьма любопытны. «Ближайшими помощниками Сераковского в академии, — пишет Домонтович, — были: Станевич, его товарищ по ссылке в оренбургских степях, Добровольский и Левицкий. Станевич, бывший кадет, по своему образованию, конечно, был несравненно ниже Сераковского, но, бесспорно, обладал большим умом, революционной выдержкой, житейским тактом и характером. Вечно молчаливый и сосредоточенный, он, так сказать, был скрытой волей готовящейся смуты, тогда как Сераковский — только пиротехником и музыкантом революционных страстей. Добровольский […], примкнувши к клике Сераковского, […] скоро усвоил себе либеральный жаргон и, с грехом пополам произнося прудоновскую фразу: «La propriété c'est la vol»[4], начал слыть «подающим большие надежды» и требующим внимания и поощрения […]. Пресловутый Владимир Левицкий — из той мелкой, забитой и голодной белорусской шляхты, которая дала нам достаточное число видных сановников на всех поприщах государственной службы, в особенности же военной […].

Говорили […], что Сераковский и другие [руководители] польской справы сделали Левицкого очень уж убогим и, не желая выставлять в первые ряды, оставили его в резерве на будущее время…»

Совершенно в иной тональности написаны воспоминания активного участника кружка генштабистов Новицкого, который тоже был впоследствии генералом, но не отрекся от идеалов молодости, не стал оплевывать то время, когда он общался с Чернышевским, Добролюбовым, Шевченко и был одним из «хороших офицеров». Новицкий с большой симпатией отзывался как о Сераковском, так и о созданном им офицерском кружке. «Одним из сокурсников моих, — пишет Новицкий, — был Зыгмунт Игнатьевич Сераковский […]. Большой, открытый лоб, большие серо-голубые живые и искрящиеся глаза, необыкновенные нервность и подвижность, страстная речь […] и, наконец, самый даже костюм, носимый с небрежностью людей, настолько поглощенных какою-либо мыслью, что они едва знают, во что и как одеты, — таков был общий вид Сераковского, с первой же встречи невольно привлекший мое внимание к нему. Позже, хорошо познакомившись с ним, я нашел в нем горячего польского патриота, мечтавшего, впрочем, не о старой, а о новой Польше — Польше будущего, и — что меня особенно изумляло в нем — не ставившего, подобно многим своим соотечественникам, которых я знавал, своей «ойчизны» в передовом углу всего человечества, а отводившего ей лишь место равноправного члена в среде других славянских народностей. Это был положительно умный, очень образованный, много знавший, видевший и испытавший человек…»

Сераковский имел связи с широкими кругами польской и русской интеллигенции столицы. У него были знакомые в Академии художеств и в университете, в Инженерной, Артиллерийской и Католической академиях, в Медико-хирургической академии и в кадетских корпусах, во многих частях петербургского гарнизона и в военном министерстве. Он был деятельным членом редакции польской газеты «Слово», пятнадцать номеров которой вышло в первые месяцы 1859 года, печатался в «Морском сборнике» и в других специальных военных журналах, довольно длительное время регулярно сотрудничал в «Современнике», где Чернышевский поручал ему подготовку «Заграничных известий». «Сераковский, — говорится в воспоминаниях Новицкого, — имел во всех слоях петербургского общества обширнейшее знакомство, постоянно, бывало, то сам делая, то принимая визиты других в своей квартиренке, по обстановке и чистоте больше всего напоминающей бивак […]. Тут

бывали поэты, писатели, редакторы, художники, артисты, попы, патеры и муллы, помещики […], книгопродавцы и владетели типографий, высокопоставленные гражданские и военные чины, профессора и студенты, офицеры всех родов оружия, путешественники, доктора, сибиряки и оренбуржцы, бывшие политическими ссыльными и не бывшие ими […]. Помнится, в какой-то праздник я захожу к Сераковскому и — представьте мое узумление! — встречаю у него Н. Г. Чернышевского, которого я мгновенно же узнал в числе пяти или шести других посетителей. Оказалось, что Николай Гаврилович был с несколько запоздалым визитом у Сераковского, неоднократно уже посещавшего его, почему он и очень извинялся пред последним, ссылаясь на недосуг».

Все это интересно для нас потому, что по приезде в Петербург Домбровский стал одним из ближайший друзей и единомышленников Сераковского, жившим в той же среде, имевшим примерно такие же вкусы и пристрастия. К приезду Домбровского у кружка генштабистов уже появилось несколько «дочерних» организаций, из которых особенно активными были кружок военных инженеров, состоявший в основном из слушателей Инженерной академии, а также руководимый Лавровым кружок в Артиллерийской академии, который назывался еще «кружком чернышевцев», так как участники его считались наиболее ярыми последователями Чернышевского. Между тремя названными и многими неназванными кружками существовала тесная связь. Поэтому как инженерных, так и артиллерийских офицеров можно было часто встретить у генштабистов на так называемых литературных вечерах, которые проводились обычно в квартире Домбровского и его товарищей. Конечно, это были не светские рауты, а полулегальные собрания революционной организации, хотя повестка дня не намечалась заранее, протоколов не ***велось*** и голосований, как правило, не проводилось. Собравшиеся (их бывало иногда до 30–40 человек) расходились по комнатам или большой группой располагались в гостиной, чтобы обменяться новостями, поговорить о прочитанной книге, поспорить о путях освобождения человечества, помечтать о той поре, когда не будет тиранов и рабства, когда удастся покончить с нищетой и бесправием.

«Обыкновенно, — рассказывает один из участников собраний, — разбирались различные вопросы, и там все выходило на сцену: история, права, проекты, образование, восстание, организация и т. д.». Аналогичным образом описывает собрания другой их участник — уже упоминавшийся выше В. Коссовский: «С молодым поколением совершился какой-то переворот {…].

Соберется кружок знакомых, и начинаются толки не о городских сплетнях, не о породистых рысаках, а о каком-нибудь вновь вышедшем сочинении, о событиях, совершившихся в политическом мире, о политической экономии, финансах и тому подобном. Хоть сколько-нибудь достаточный человек непременно имел у себя два-три журнала, несколько вновь вышедших замечательных сочинений и считал их едва ли не лучшим угощением для гостей и товарищей. Молодежь разбирала все, судила обо реем — одним словом, сделалась какая-то повальная умственная горячечная работа».

Время было действительно бурное. На Васильевском острове в аудиториях Петербургского университета тоже не раз собирались многолюдные студенческие собрания, произносились речи, принимались решения. Но собрания генштабистов имели свою специфику. «Наши сходки, — вспоминает Новицкий, — […] отличались от студенческих не только немноголюдностью, но и своим характером. Исследование и изучение военного дела во всех его разветвлениях и элементах […], а также общенаучные вопросы были всегда главнейшим содержанием этих сходок, хотя, само собой разумеется, не обходилось при этом без разговоров и горячих дебатов и по поводу подымавшихся и сильно волновавших тогда все русское общество вопросов […]. Да, бился, сильно бился тогда общественный пульс и в нас».

Первоначально кружки объединяли почти всех оппозиционно настроенных офицеров и некоторых близких к ним гражданских лиц. Но по мере нарастания социально-экономических противоречий, в результате сложившейся в 1859 году революционной ситуации, усиливалась идейно-политическая поляризация их участников. Одни верили в неизбежность революционной ломки феодально-крепостнического строя, невозможность мирным путем восстановить независимое польское государство и стремились создать хорошо законспирированную подпольную организацию, готовящую восстание. Другие не хотели и не могли пойти дальше критических разговоров и обоснования необходимости реформ со стороны самого царского правительства. На них активные силы, разумеется, не могли рассчитывать, и ядро подпольной организации создавалось втайне от них. Постепенно конспиративная часть кружков росла численно и крепла организационно. А легальные или полулегальные формы либо исчезали, либо оставались, играя роль прикрытия для нелегальной деятельности.

Если бы Домбровский захотел в середине 1861 года окинуть мысленным взором тот петербургский отряд революционных

борцов, в создании которого он принял деятельное участие, то получилась бы следующая картина. В петербургском гарнизоне существовало почти два десятка кружков; в каждом из них десять-двадцать, иногда тридцать человек (выделялся лишь кружок генштабистов, число участников которого приближалось к сотне). Кружки имели связи друг с другом, хотя, конечно, и в идейном и в организационном отношениях степень единства их была еще не очень велика. В большинстве своем членами кружков являлись офицеры, отчасти юнкера, готовящиеся к производству в офицерский чин, или старшие воспитанники военно-учебных заведений; было немного студентов и вообще гражданских лиц: во всех кружках их, наверное, набралось, бы около десяти человек. По возрасту преобладали сравнительно молодые люди, но вовсе не зеленая молодежь. Домбровскому тогда исполнилось 24 года, а большинство участников кружков было не моложе, пожалуй, даже старше его. Поручики, штабс-капитаны и капитаны составляли в кружках примерно половину; немало в них было офицеров, недавно получивших чин прапорщиков и подпоручиков, но зато кружки включали и более пятнадцати подполковников и полковников. Суммируя имевшиеся сведения, Домбровский мог бы с удовлетворением отметить, что ни один кружок не замыкался в национальных рамках. В некоторых преобладали поляки, в других — неполяки (русские, украинцы, белорусы и представители других народов Российской империи). Точно определить сложившееся соотношение было трудно, но удельный вес уроженцев Польши и западных губерний среди участников организаций составлял, по-видимому, 55–60 процентов. Это, между прочим, служило важным аргументом в тех случаях, когда Домбровскому приходилось высказываться против националистических настроений у поляков и проявлений шовинизма у русских.

Примерно три четверти участников петербургских кружков составляли учащиеся военно-учебных заведений. Как это ни парадоксально, столичные академии, военные училища, кадетские корпуса, части образцовых войск, царскосельская офицерская школа не только давали в те годы пополнение для офицерского корпуса Царской армии, но и «готовили кадры» армейских революционеров. Побывавшие в Петербурге участники революционных кружков, приехав к месту службы, создавали новые кружки, через которые в ряды борцов против царизма вливались свежие силы.

Постепенная активизация петербургских офицерских кружков была теснейшим образом связана с нарастающим общественным подъемом в стране, с ростом крестьянского движения, со все

усиливающимся брожением в Польше. Первое время антиправительственные настроения участников кружков не претворялись в сколько-нибудь определенные планы и намерения. Заметный перелом произошел в конце 1860 года. К этому времени относятся два события, в которых Домбровский принял самое деятельное участие.

Участники кружков, в особенности поляки, внимательно следили за манифестациями, начавшимися в Варшаве с июня 1860 года. Выло очевидно, что события развиваются и могут привести к революционному взрыву. Нужно было уяснить, какие общественные силы поддерживают публичные выступления, разобраться в программе и тактике тех организаций, которые их готовят. И самое главное — необходимо было решить, как относиться к организаторам манифестаций, к тому курсу на подготовку восстания, который провозглашали некоторые из них. Кто-то предложил послать во время рождественских каникул своего представителя в Варшаву для выяснения обстановки и установления контакта с конспиративными организациями. На одном из собраний кружка генштабистов состоялись выборы. Вот как описаны они в показаниях слушателя Инженерной академии Васьковского: «…Мы собрались у офицера Каплинского (Артиллерийской академии); там предложена была складка по 4 рубля серебром с человека с тем, чтобы на эти деньги послать кого-либо из нас в Варшаву. И там же начались выборы: кого послать? Варавский […] подсказывал, как мне, так и прочим там бывшим, фамилию Домбровского, который и был выбран и поехал в Варшаву для того, чтобы войти в связи с Центральным комитетом. В Варшаве Домбровский прожил, кажется, две недели, и по возвращении […] у него опять было собрание…

Домбровский и до описанного собрания намеревался совершить поездку в Варшаву, чтобы повидать родственников. Собранные Товарищами деньги пополнили его сбережения, а их поручение вполне соответствовало его собственным планам. Поездка была очень интересной и полезной. В памяти Домбровского она отпечаталась особенно ярко потому, что он именно в эти Дни впервые увидел столицу Польши и установил контакт с действовавшими в ней конспиративными организациями. Возможно, что еще в этот приезд, будучи у своих кузин — сестер Петровских, Домбровский если не познакомился, то услышал о Пелагии Згличинской, которая стала впоследствии его женой. По возвращении из Варшавы в январе 1861 года Домбровский выступил как решительный сторонник развертывания конспиративных организаций и подготовки к восстанию. Его горячие речи на собраниях кружков не проходили

бесследно: число сторонников решительных действий неуклонно росло.

В конце 1860 года произошло событие, непосредственно затронувшее многих участников петербургских кружков и оказавшее несомненное влияние на их состав и политическую активность. От подпоручика Инженерной академии Никонова начальство потребовало, чтобы он извинился перед одним из преподавателей за «неуместное объяснение» с ним (преподаватель был поклонником николаевских методов воспитания и не отличался корректностью в обращении со слушателями). Никонов отказался Принести извинения, хотя ему пригрозили исключением. Его решение было поддержано всеми слушателями, которые единодушно решили уйти из академии, если угроза об отчислении Никонова будет приведена в исполнение. Никонова все-таки исключили. В тот же день начальник академии получил от всех обучающихся офицеров рапорты с просьбой об отчислении. Под действием угроз и уговоров начальства 11 рапортов было взято назад, а остальные 115 офицеров остались непоколебимыми. Было назначено следствие, готовилась судебная расправа. Однако, испугавшись общественного мнения, царь решил замять дело: офицеры, не взявшие рапортов, были наказаны административным порядком (по приказу генерал-фельдцехмейстера великого князя Михаила Николаевича).

Несмотря на принятые царизмом меры, «история» в Инженерной академии наделала много шуму. Приказ великого князя был быстро доставлен в Лондон, и «Колокол» опубликовал его 3(15) февраля 1861 года, В предисловии к публикации, озаглавленном «Сто пятнадцать благородных офицеров», Герцен писал: «Россия может радоваться и гордо смотреть на свою молодежь. В одном военно-учебном заведении нашлось *сто двадцать шесть* офицеров, которые предпочли обрушить на себя всяческие гонения, испортить свою карьеру, чем молчать перед нелепыми поступками начальства. Только *одиннадцать* раскаялись. Недаром мы с такой теплой надеждой смотрим на молодое поколение военных. Честь им и слава». Приведенные слова были хорошо известны офицерам русской армии; были они известны, конечно, и в петербургских офицерских кружках.

Участниками «истории» в Инженерной академии являлись многие из посетителей литературных вечеров на квартире Домбровского и его товарищей: в частности, братья Петр и Николай Хойновские, Витольд Миладовский, Гаспер Малецкий, Николай Васьковский и другие. Домбровский и весь кружок генштабистов не только внимательно следили за ходом событий,

но и помогали участникам «истории» своими советами. Конечно, среди 115 отчисленных из академии офицеров наряду с сознательными противниками царизма были люди политически индифферентные. Для многих из них описанные события явились решающим поворотным пунктом, обусловившим их присоединение к революционному лагерю. «История» в Инженерной академии повлияла и на других офицеров, вызвав приток новых сил к офицерским кружкам, причем не только в войсках петербургского гарнизона, но и в других местах, в особенности там, куда попадали откомандированные участники «истории». Домбровский впоследствии не раз убеждался в этом. В трех саперных батальонах, расположенных в Польше, бывшие участники «истории», например, быстро сплотили вокруг себя крепкие революционные кружки. Большое влияние этих кружков подтверждает случай с инженер-подпоручиком фон Валем. Этот реакционер и карьерист, случайно оказавшийся среди 145 благородных офицеров, добился перевода из саперного батальона в кавалерийский полк только потому, что, оставаясь в инженерных войсках, не без основания боялся снова оказаться участником какой-либо «истории», аналогичной той, в которую он попал в Петербурге.

Дискуссии на литературных вечерах у генштабистов, как и в других офицерских кружках, чем дальше, тем больше сосредоточивались на вопросе о подготовке вооруженного выступления, о развитии сети и укреплении готовивших его конспиративных организаций. Далеко не все были сторонниками вооруженного восстания, а некоторые, признавая его неизбежность, отодвигали выступление на неопределенно длительный срок. Не было единства в вопросе о том, что именно должно получить крестьянство при ликвидации крепостного права, насколько широко следует привлекать к подготовке восстания наряду с выходцами из дворянства — офицерами, студентами и т. д. — также и широкие слои трудящихся в городе и деревне. Часто спорили о целях восстания: сводятся ли они к восстановлению независимой Польши или предполагают достижение важных социальных реформ как в Польше, так и в России? Домбровский и его единомышленники выступали за подготовку восстания в кратчайшие сроки, считали, что городскую бедноту и крестьян следует вовлекать в создаваемые конспиративные организации, доказывали, что целью борьбы наряду с восстановлением Польши должны быть широкие социальные преобразования на всей территории Российской империи.

В числе участников такого рода дискуссий были жившие

вместе с Домбровским офицеры Фердинанд Варавский, Эмануэль Юндзил, часто бывавший у них чиновник Виталис Опоцкий. Иногда в спорах участвовал Зыгмунт Сераковский, который и после окончания академии поддерживал связь с кружком генштабистов. Часто бывая в Петербурге, в споры включались: капитан генерального штаба Людвик Звеждовский, который учился в академии вместе с Сераковским, а затем получил назначение в штаб 1-го армейского корпуса в Вильно, и живший там же Францишек Далевский — один из руководителей разгромленного в 1849 году Союза литовской молодежи, вернувшийся по амнистии из Сибири. Обо всем этом говорилось в письме, которое Домбровский получил от Варавского в феврале 1862 года. Сохранился, к сожалению, лишь обрывок письма, да и то в весьма нескладном жандармском переводе (оригинал был написан по-польски). «Сигизмунд, — говорится в переводе, — по наружности всегда один и тот же […]. Виталис и Эмануэль всегда одинаковы и с большой ревностью занимаются делами, хотя и их действия парализируются несогласием между Людвигом и Францишком, которое в настоящее время всплыло наверх, как масло […]. Людвиг даже написал об этом Виталису». В спорах участвовали не только перечисленные лица, но почти посетители литературных вечеров, почти все участники офицерских кружков в Петербурге.

Единой, общепринятой политической программы у участников офицерских кружков не существовало. Наиболее радикальная их часть, в том числе Домбровский, в основном придерживалась требований «Колокола» и первых прокламаций складывавшегося в России тайного общества «Земля и воля», с одной стороны, а с другой — программы изданий левого крыла польской эмиграции и партии красных, конспиративные организации которой быстро разрастались в Польше. «Великорус» № 1 (за его распространение был арестован один из знакомых Домбровского — Владимир Обручев) появился в июне, «Великорус» № 2 — в сентябре, № 3 — в октябре 1861 года. Летом и осенью того же года в «Колоколе» наряду с такими программными документами, как «Что нужно народу?» и «Что надо делать войску?», появились анонимный «Ответ Великорусу» и подписанный Огаревым «Ответ на «Ответ Великорусу». Своеобразным синтезом этих и некоторых других агитационнопропагандистских и программных произведений была так называемая «тетрадь Каплинского», которая дает наиболее полное представление о политических взглядах участников петербургских военных кружков и связанных с ними революционеров в войсках, находившихся в Польше.

Тетрадь в начале 1862 года была обнаружена в Варшаве у того самого Василия Каплинского, на петербургской квартире которого состоялось избрание Домбровского в качестве делегата для поездки в Варшаву. Но написана тетрадь была не Каплинским, а каким-то находившимся в Петербурге артиллерийским офицером еще в ноябре предшествующего года. В тетради, которую как чрезвычайно важный и секретный документ наместник царя в Варшаве генерал Лидере скопировал собственноручно и поспешил послать в Третье отделение, воспроизводились и комментировались названные выше новинки нелегальной литературы. «Переслав вам три номера «Великоруса» и выписки из «Колокола», — говорилось в тетради, — по-настоящему нечего писать больше; из этого вы сами очень хорошо и осязательно догадаетесь о существовании общества людей, серьезно мыслящих, с большими сведениями и влиянием. Это далеко не бред юности, а голос истинных патриотов России». Автор текста рассматривал тетрадь как вполне готовый агитационный материал, требующий самого широкого распространения «Повторяю вам, — писал он своим товарищам, — распространяйте как можно больше, помните, что отсюда разъезжаются во все концы Российской империи и всякий с запасом сведений и поручений этого рода. Вперед! Вперед! — должно быть девизом. Итак, как можно шибче. Прочь обломовщина! Идет на сцену дело общее».

Политическая программа «Великоруса» в значительной мере совпадала с требованиями других внутрироссийских прокламаций второй половины 1861 года. Она состояла из трех главных пунктов: «Хорошее разрешение крепостного дела, освобождение Польши, конституция». «Великорус» считал необходимым отдать крестьянам «по крайней мере все те земли и угодья, которыми пользовались они при крепостном праве, и освободить их от всяких особенных платежей или повинностей за выкуп, приняв его на счет всей нации». При этом имелись в виду не только крестьяне коренных российских губерний, но и остальные, в том числе польские крестьяне. В решении национального вопроса «Великорус» исходил из права каждого народа самому решать вопрос о своем политическом статусе. «Южной Руси», то есть Украине, заявлял он, например, должна быть предоставлена «полная свобода располагать своею судьбою по собственной воле». «Вопрос о Польше, — говорилось в «Великорусе», — требует немедленного решения. Оно: вывод наших войск из Польши и всех земель, где масса народа говорит по-польски..» В области политической «Великорус» ратовал за конституцию, считая, что «истинно конституционная монархия

мало отличается от республики». При этом он считал несбыточными надежды на добрую волю царя и предлагал не ждать хорошей конституции от него, а созвать «депутатов для свободного ее составления». Революционные методы борьбы ни в коей мере не отвергались «Великорусом», но революция рассматривалась им как средство, которого в данный момент лучше избегать.

«Один из многих», подписавший «Ответ «Великорусу»[5], не возражал против основных положений политической программы этого издания; лишь о конституции он заметил, что в ней заинтересовано одно дворянство и что «не она цель и последнее слово». А вот о средствах для осуществления программы у «одного из многих» было другое представление. «Теперь, — подчеркивал он, — наступила пора борьбы непрерывной, беспощадной, до последнего издыхания враждебной силы». «Великорус» сознает неизбежность борьбы; он стремится подвигнуть на нее «общество». Но если он серьезно взялся за дело и хочет положительных результатов, ему следует действовать несколько иначе. Надо обращаться не к «обществу, а к народу, и не предлагать вопросов, а прямо отправиться от положительного начала: что жить далее при настоящем порядке невозможно, а лучше быть не может, пока власть в царских руках». В «тетради Каплинского» нет прямой оценки двух изложенных мнений. Нет соответствующих данных и относительно Домбровского, хотя имеются все основания предполагать, что ему и его ближайшим соратникам была ближе и понятнее позиция «одного из многих».

Свой «Ответ на «Ответ «Великорусу» Огарев начал краткой, но очень выразительной формулой: «Наш ответ — привет!» Выразив согласие с «одним из многих», Огарев существенно дополнил и конкретизировал предложенный им план создания тайной революционной организации. Именно это очень понравилось офицеру, рукой которого написана «тетрадь Каплинского». Он выписал из огаревского текста отрывок, заканчивающийся словами: «Областные общества представляют ту выгоду, что их центр всюду, что они повсеместны, естественно связаны между собой и каждое дома». А затем, обращаясь к своим товарищам из войск, расположенных в Польше, он прокомментировал эти слова следующим образом: «Помните, что дом наш там, где мы квартируем. Обратите же внимание, вы и все слушающие господа в настоящее время чтения, на смысл последних трех строк в особенности», «Тетрадь Каплинского» много внимания уделяла польскому вопросу. Она, в частности, полностью воспроизвела и прокомментировала статью Герцена «С кем Литва?», напечатанную в «Колоколе» рядом с «Ответом

«Великорусу». «Итак, — говорится в комментарии, — Литва с Польшей! Пусть Польша побеждает свободной, геройской борьбой, своими несчастьями, своим братством с соседями все то, что теряет рабством петербургский мертвящий деспотизм…» Из статьи Огарева «Ответ на «Ответ «Великорусу» с полным сочувствием в тетради воспроизведено следующее место: «… Освобождение Польши, освобождение прилежащих областей и освобождение России нераздельны. В общем освобождении Польша представляет такую же силу, как и Россия, поэтому мы умоляем поляков не выступать преждевременно отдельной силой, которая окажется слишком слаба, чтоб держаться, и, сделавши ложный шаг, обессилит Россию на всю помощь, которую Россия ожидает от Польши, и отдалит общее освобождение». Со своей стороны, автор текста в «тетради Каплинского», призывая к сотрудничеству польских и русских революционеров, писал: «Вы, господа, давно уже соглашались в мнениях с русскими патриотами и часто говорили об этом громко. Теперь настает время действовать. Не устрашайтесь этого, во-первых, чтобы не показаться самим перед собой трусами, а во-вторых, чтобы не привлечь на себя проклятия родных отцов и матерей; ведь вы же гордитесь декабристами, отчего вам не идти их следом?»

Из сказанного видно, что руководимый Домбровским кружок генштабистов и связанные с ним петербургские военные кружки не являлись чисто польскими организациями, не были чем-то вроде филиала складывавшейся в Польше партии красных. Это была многонациональная по составу участников, единая для Петербурга или организационно самостоятельная чисто военная федерация кружков, которая примыкала к «Земле и воле» и имела более или менее тесные контакты с польскими конспиративными организациями. О ее внутренней структуре известно немного. Один из наиболее осведомленных участников событий, Владислав Коссовский, в подготовленных для следственной комиссии заметках писал: «Полное разъяснение этого темного и сложного вопроса едва ли возможно; можно делать весьма правдоподобные допущения, вероятность будет очень большая, но достоверность едва ли достижима. Так, известно, что в Петербурге образовались кружки, так называемые литературные и нелитературные: один, например, кружок Домбровского, Гейденрейха, Варавского; другой — Огрызки, Спасовича, Пшибыльского, Костомарова, Нажимского, Сераковского, Падлевского[6]; третий — Утина, Пантелеева[7]; четвертый — Энгельгардта, Лаврова, Шишкова[8], да, вероятно, и сотня других. Как теперь объяснить возникновение первого из них, переход от кружка знакомых к кружку политических деятелей, связь между одним и другим, а

этого — с третьим и т. д. кружками? Трудная задача выпала на долю историка, описывающего печальные смуты…»

Сотрудничество между русскими и польскими революционными силами, в котором активно участвовали петербургские военные кружки под руководством Сераковского и Домбровского, имело различные формы. Важнейшую роль играли совместное распространение нелегальных изданий, обмен ими, помощь друг другу в их размножении, хранении, транспортировке. В значительной мере осуществлялись открытые антиправительственные выступления, вроде описанной «истории» в Инженерной академии, манифестации во время похорон Шевченко (март 1861 года), студенческих выступлений (сентябрь — октябрь того же года) и т. д. Довольно регулярной была связь с лондонским революционным центром русской эмиграции и польской революционной эмиграцией, главными центрами которой в то время были Париж и Лондон. В 1859 году за границу ездил Л. Звеждовский. Во время пребывания в годичной заграничной командировке, начавшейся в мае 1860 года, Сераковский побывал в Лондоне у Герцена и Огарева, встретился в Париже с Мерославским и Высоцким, в Берлине с Гуттри и Неголевским, установил контакты с многими другими западноевропейскими революционерами и политическими эмигрантами из России, и Польши. По возвращении он вместе с Домбровским направил за границу двух офицеров: Зыгмунта Падлевского, который подал в отставку, и Владислава Коссовского, взявшего долгосрочный отпуск. Они стали преподавателями тактики и артиллерии в польской военной школе, созданной в Италии для подготовки будущих повстанческих командиров.

В ряде показаний бывших участников движения говорится о том, что кружки строились на основе троек: активный конспиратор принимал в организацию трех человек, каждый из которых принимал еще по два, после чего образовывался десяток во главе с десятским; три десятка составляли группу, возглавляемую тридесятским; во главе всех конспираторов крупного города стоял так называемый «старший» (в Петербурге им был Сераковский). Только «старший» знал всех конспираторов; остальные во избежание провала должны были общаться только с ближайшими своими соратниками внутри тройки, десятский — с руководителями троек, тридесятский — с руководителями десятков. Такая система, возможно, и существовала первое время, но она явно не привилась. Во всяком случае, в 1860–1861 годах существенных следов ее не обнаруживается. М. Черняк, учившийся в эти годы в Академии генерального штаба, на

следствии показал: «С Домбровским я познакомился в конце 1860 года, жил он в это время с товарищами своими […] на Офицерской улице (дома не помню). У них происходили еженедельно собрания офицеров-поляков из разных академий. Цель этих собраний была связать всех поляков и по возможности подготовить их (в нравственном отношении) к делу восстания. Как средство для этого употреблялась словесная и письменная пропаганда (брошюры, книги и т. п. по большей части эмигрантов) […]. Устроено это общество было следующим образом: все члены, сколько их могло собраться, выбирали из своей среды посредством закрытой баллотировки председателя и обещались исполнять в момент восстания беспрекословно все полученные через него распоряжения. Он же входил в непосредственное сношение с Варшавою и другими местами и обязан был передавать им упомянутые выше сведения, собирал деньги и т. п. Каждый из членов обязывался честным словом не спрашивать у председателя и не узнавать стороной, Через кого именно он сносился с Варшавой и провинциями, и не требовать от него отчета в собранных деньгах».

Это свидетельство подтверждается некоторыми другими, в частности показаниями инженерного офицера Васьковского, вступившего в ряды конспираторов примерно в то же время. Он на следствии сообщил: «…Мы вместе поехали к Домбровскому и его товарищам […}. Там застали большое число офицеров, и между ними я помню одного только штатского Болтуца […]. После этого я бывал у Домбровского несколько раз, так как у него собирались, кажется, по средам. В одно из этих собраний, где были только офицеры, были выборы председателя, и меня Варавский просил выбирать Опоцкого; я написал на выборной карточке фамилию Опоцкого, но выбрали Домбровского».

За два года своей председательской деятельности Домбровский очень многое сделал для увеличения численности петербургских военных кружков, для идейной закалки их участников, для укрепления федеративных связей между ними, для расширения контактов военных организаций с освободительным движением в стране, с польскими и русскими революционерами, находящимися за границей. Состав кружков постепенно менялся — ведь большинство в них составляли слушатели академий и воспитанники военно-учебных заведений, которые после выпуска выезжали из столицы. На председательском посту Домбровского сменил гвардейский прапорщик В. Погожельский, поступивший в Академию генерального штаба в 1861 году. Позже, осенью 1862 года, был избран комитет в составе Э. Юндзила, В. Коссовского и В.

Опоцкого. Он действовал накануне и в первые месяцы восстания 1863 года, в котором так или иначе приняло участие около половины участников петербургских военных кружков.

Домбровский приехал в Петербург оппозиционно настроенным офицером, внутренне созревшим для антиправительственной деятельности, но плохо представлявшим, где и как можно приложить свои силы, не имевшим постоянных контактов с какой-либо революционной организацией. За два года многое изменилось. Он не только кончил одно из лучших в Европе военно-учебных заведений, но и стал активным участником революционного движения, опытным конспиратором, годовым отдать асе свои силы борьбе и стать профессиональным революционером. Несколько лет назад он после окончания умения попытался бы, вероятно, добиться прикомандирования к академии, чтобы готовиться к научной работе, Либо хлопотал бы о должности в Петербурге. Теперь соображения, связанные с военной карьерой, не играли для него никакой роли. Решая вопрос о том, куда проситься после академии, Домбровский исходил только из интересов освободительной борьбы. Высокое сознание революционного долга, да и вся необычайно деятельная натура Домбровского неудержимо влекли его в самую гущу событий. К тому времени стало ясно, что в русских губерниях революционный взрыв можно ожидать только в 1863 году, когда у крестьян истечет срок так называемого временнообязанного состояния. Именно на это ориентировались русские революционеры, среди которых у Домбровского было немало друзей. В Польше, напротив, ситуация продолжала обостряться. Военное положение, введенное в связи с манифестациями, не приостановило брожение, а еще больше его усилило. Царство Польское стало в это время той частью Российской империи, в которой революционный взрыв был наиболее вероятен. Освобождение его родного народа, освобождение всей России зависело теперь От того, как пойдет дело на польских землях. Естественно, что именно там, и только там, хотел быть Домбровский.

После выпускного акта некоторые из однокурсников Домбровского, в частности Голиневич, получили отпуска и сразу же разъехались из Петербурга. Варавский заболел и оказался в госпитале. Закончив служебные и особенно многочисленные конспиративные дела, Домбровский на рождественские праздники поехал в Москву. Здесь он не только повидался с родными, но и имея ряд встреч с деятелями революционного подполья. А оно существовало и активизировалось, несмотря на репрессии по отношению к участникам студенческих волнений,

несмотря на аресты среди распространителей «Великоруса» и других нелегальных изданий, часть которых печаталась в Москве. Трудно сказать, знал ли в это время Домбровский таких студенческих вожаков Москвы, как П. З. Аргиропуло и П. Г. Зайчневский, встречался ли с Ю. М. Мосоловым и Н. М. Шатиловым, которые возглавляли полуконспиративную «Библиотеку казанских студентов», ставшую ядром московского отделения «Земли и воли». На уж с офицерами В. П. Колесовым, О. Еленский, В. Нарбутом и другими товарищами по Брестскому кадетскому корпусу и Дворянскому полку он, конечно, виделся. Думается, что разговоры с ними не ограничивались воспоминаниями о кадетских шалостях: ведь и Домбровский и его друзья были участниками революционных кружков, жаждавших деятельности и искавших контактов между собой.

Но вот поездка кончилась. Возвратившись в Петербург, Домбровский тщательно упаковал свои вещи. За несколько часов, остававшихся до отъезда, он еще успел сделать несколько прощальных визитов, погулять на прощанье по Невскому и зайти в военное министерство. В нужной ему комнате он снял шинель и поправил новые, еще не обмявшиеся штабс-капитанские погоны. Затем он подошел к одному из писарей, продиктовал ему рапорт и тут же его подписал. В рапорте была всего одна фраза: «Имею честь почтительнейше донести департаменту генерального штаба, что я к месту моего служения в г. Люблин отправляюсь 5-го сего января». Ниже собственноручной подписи офицера писарь тут же сделал помету: «№ 3-й. 5 января 1862 года».

Так кончился петербургский период жизни Домбровского, сыгравший роль важного, переломного этапа в его биографии.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ВАРШАВСКАЯ КОНСПИРАЦИЯ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ 1863 ГОДА

С февраля 1862 года в подпольных организациях Варшавы большое влияние и широкую известность начал приобретать один из офицеров, русских войск. За небольшой рост он получил ласковое прозвище Локетек, которое превратилось скоро в его конспиративную кличку. Локетек был очень подвижен и обладал неиссякаемой энергией. Он имел чудесную способность появляться чуть ли не одновременно в разных концах города для того, чтобы встретиться то с офицерами или солдатами, то с рабочими или ремесленниками, то со студентами или чиновничьей мелкотой из многочисленных варшавских канцелярий. Человек исключительных способностей, веселый и остроумный, он всегда был вожаком среди товарищей и их любимцем. Вера в неизбежность победы революции настолько переполняла его, что, когда он говорил, никто не мог оставаться равнодушным к его словам, не прислушаться к его горячим доводам. Это был штабс-капитан Ярослав Домбровский. Он состоял в штате 5-й пехотной дивизии, штаб которой находился в Люблине, но был прикомандирован к штабу 6-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся в Калише. Фактически Домбровский с начала февраля 1862 года, то есть почти сразу по приезде в Царство Польское, обосновался в Варшаве, получив срочное задание от генерал-квартирмейстера Первой, или Действующей, армии и находясь в штабе 4-й дивизии. Такие штатные нонсенсы в те времена не были редкостью.

При многочисленных передвижениях по городу Домбровский чуть ли не ежедневно появлялся на пересечении улиц Свентокшижской и Мазовецкой. Здесь в угловом доме жили его дальние родственницы: Валерия, Игнация и Стефания Петровские, у которых собиралось много патриотически настроенной молодежи и участников конспиративных организаций. Здесь же жила молоденькая племянница сестер Петровских, рано осиротевшая Пелагия Згличинская. Ей было в ту пору девятнадцать лет, она недавно кончила один из частных пансионов в Варшаве и сдала экзамены, дававшие ей право стать учительницей. Очень экспансивная, впечатлительная и большая патриотка, она вместе с тетками ходила на все манифестации 1861 года, вместе с ними всячески помогала конспираторам.

Домбровский и Згличинская полюбили друг друга; вскоре состоялась помолвка.

Сорок с лишним лет спустя Пелагия написала воспоминания, в которых с некоторыми преувеличениями, свидетельствующими о неутраченной свежести чувств, рассказала о том времени, когда жила у теток. «…Там, — говорится в воспоминаниях, — сосредоточивалось все тогдашнее патриотическое движение. Кузен теток, штабс-капитан Ярослав Домбровский, огнем своих вдохновенных речей собирал вокруг себя тех, кто был молод, делен и горяч. Под его руководством из несмелой девчонки я превратилась в отважного агитатора […]. Мы стали женихом и невестой перед богом и с ведома теток. Необычным было наше обручение. Тайные совещания, выезды эмиссаров из дома теток и устройство этих выездов, разбрасывание революционных воззваний — вот фон нашей любви. Не было времени на ласковые слова и страстные клятвы, а мимолетная похвала из уст моего руководителя вроде слов «хорошо переписала, кузиночка» служила для меня наградой и вдохновением. Не могу не вспомнить о наружности моего нареченного. Небольшого, даже маленького роста, худощавый, он был очень пропорционально сложен, ловок и проворен. Ему было двадцать пять лет, но выглядел он еще моложе, потому что при светлых волосах имел некрупные черты лица, чуточку выпяченные губы, свидетельствующие об энергии и воле, а взгляд — полный силы и смелости. Таких глаз я никогда в жизни не встречала: нежные и даже грустные в спокойном состоянии, они метали молнии в минуты вдохновения; в эти минуты он казался больше ростом, становился крупнее, голос его делался звонким и далеко слышным, он обретал такую удивительную легкостью речи, что мог поднять слушателей и повести их куда хотел. Я не знала и не знаю человека столь разносторонних способностей, столь глубоких и основательных знаний, какими располагал Ярослав».

Путь от Петровских до узенькой средневековой улочки Козьей, где в гостинице «Саксонской» жил Домбровский, он проделывая обычно пешком — это было совсем близко. Иногда он делал небольшой крюк, чтобы зайти в Саксонский сад, расположенный около разрушенного в годы второй мировой войны Саксонского дворца. В те годы этот зеленый островок в центре города был одним из самых людных мест, служивших для прогулок варшавян. В саду часто бывали виднейшие сановники Царства Польского, здесь имел обыкновение совершать свою неизменную утреннюю прогулку и пить минеральную воду наместник царя в Варшаве генерал Лидерс. Многие шли в Саксонский сад специально для того, чтобы лишний раз

поклониться власть имущим, напомнить им о себе и тем закрепить свое положение в обществе. Домбровский заходил туда потому, что на широких аллеях сада или в весьма популярной кондитерской он мог спокойно, не привлекая излишнего внимания, встречаться с некоторыми из нужных ему офицеров и чиновников.

В момент отъезда Домбровского из Петербурга Сераковский находился там: это время совпадало с перерывом между его частыми командировками. Источники не позволяют точно воспроизвести их прощальный разговор, но, зная обстановку, можно с большой долей вероятия предполагать, что в напутствии, которое сделал Сераковский своему другу, речь шла об укреплении военной организации и о вовлечении в гражданскую конспирацию рядовых тружеников.

Как бы то ни было, приехав в Варшаву, Домбровский особое внимание уделял, с одной стороны, укреплению городской организации, вовлечению в нее простых людей, а с другой — консолидации, объединению множества мелких военных кружков, являвшихся большой силой; но не всегда согласованно действовавших. Со служебными обязанностями ему удалось устроиться как нельзя лучше. Готовя военно-статистическое обозрение Варшавской губерний, Домбровский не только мог, но и должен был посещать заводы и фабрики, учреждения и предприятия, бывать в военных лагерях, казармах, складах, крепостях, как в Варшаве, так и в ее окрестностях, Больше того, он имел право требовать от соответствующих учреждений сведений о населении, промышленности и сельском хозяйстве, о лесах, реках и озерах, о мостах и дорогах, о транспортных средствах, организации почтовой связи и т. д. Одним словом, он мот бывать везде; где хотел, имел возможность собрать все те данные, которые были ему необходимы как конспиратору.

Значительная часть подпольных кружков Варшавы еще в октябре 1861 года была объединена под руководством Варшавского городского комитета, который стал центром притяжения для всех сторонников вооруженного выступления, образовавших партию красных. В комитет вошли активные деятели манифестационного периода, в их числе писатель Коженёвский, учившийся когда-то в Житомирской гимназии, и бывший студент Киевского университета Игнаций Хмеленский (в Дворянском полку Домбровский был вместе с его братом Зыгмунтом). Но приезде Домбровский сразу же включился в работу комитета. В течение нескольких недель он приобрел такую популярность, что был назначен на очень важный и ответственный пост повстанческого начальника города. Это дало

ему возможность сосредоточить в своих руках все важнейшие нити варшавского подполья. Из *своего* номера в Саксонской гостинице, где жил также и Хмеленский, Домбровский внимательно следил за деятельностью Организации, заботясь прежде всего о непрерывном росте ее рядов за счет трудящихся слоев городского населения.

Городская организация строилась по десятичной системе. Надежный человек, принятый в организацию, имел право принять до десяти новых членов из числа хорошо известных ему лиц, называясь при этом десятским. В дальнейшем отдельные участники группы могли образовать каждый свой самостоятельный десяток. Тогда все вместе они образовывали сотню, руководителем которой становился десятский из первого десятка, получая при атом звание сотского. Сотни, в свою очередь, могли образовывать тысячу, возглавляемую тысяцким. Тысячи подчинялись городскому комитету либо непосредственно, либо через уполномоченного по соответствующему району Варшавы. Рядовому члену организации полагалось знать только своего десятского и товарищей по десятку; десятским полагалось знать своего сотского, сотским — своего тысяцкого, но они не должны были знать никого на остальных руководящих деятелей организации.

Каждый член конспиративной организации должен был вносить в ее кассу через своего десятского тридцать копеек в месяц. Кроме этого, собирались добровольные взносы от членов организации и сочувствующих лиц. Все вновь принимаемые приносили следующую присягу: «Отныне я вступаю на службу отчизне и посвящаю ей все, что имею. Я буду слушаться национальной власти в лице указанного мне начальника и являюсь по первому зову, не медля ни минуты. Я не буду пытаться узнавать и расспрашивать о том, кто стоит во главе организации, а все, что услышу, сохраню в глубокой тайне». Принятие присяги осуществлялось в торжественной обстановке в нескольких специально оборудованных помещениях, куда будущих членов организации приводили маленькими группами. Одно из помещений для принесения присяги находилось во дворце Потоцких на главной улице Варшавы — Краковском Предместье, другое — на Кривом Кольце. Были и другие пункты, куда в установленные дни иногда приходил для приема присяги и начальник города.

У Домбровского, который более чем кто-либо другой делал для укрепления городской организации, сходились все сведения о ее составе. На крупнейшем в Варшаве металлическом заводе Эванса, имевшем около 500 рабочих, участников конспирации

было около четырехсот. Их руководителем (тысяцким) был рабочий Ян Словацкий. Из сотских известны только два. Судя по фамилиям, это были пролетарии, происходившие из деклассированной шляхты. Несколько меньшие, но все же сильные группы членов организации существовали у железнодорожников, на заводах Замойского, Фраже и других. Среди рядовых членов организации и десятских четыре пятых составляли рабочие, ремесленники, городская беднота. Среди сотских я тысяцких преобладала интеллигенция. Общая численность организации, когда Домбровский появился в Варшаве, приближалась к трем тысячам человек.

Канун восстания 1863 года был тем периодом, когда формирующийся рабочий класс Польши впервые начал выходить на арену политической борьбы. Это выражалось не только в большой активности пролетарских и полупролетарских слоев в конспиративной организации, но и в использовании ими таких специфических форм борьбы, как забастовка. Участники организации из рабочей среды, вероятно, рассказывали Домбровскому о том, как они ответили забастовками на расстрел царскими войсками манифестации 27 марта (8 апреля) 1861 года. Тогда забастовали несколько сот рабочих на Варшавско-Венской железной дороге, на заводе Замойского и других предприятиях. Участники забастовки стали потом наиболее надежными членами конспиративных организаций.

Энергичная деятельность Домбровского и его ближайших соратников содействовала росту влияния городского комитета. С мая 1862 года Варшавский городской комитет стал называться Центральным национальным комитетом (ЦНК). Это значило, что он превратился в руководящий орган партии красных в масштабах всей страны. Наиболее активными и влиятельными членами ЦНК были Хмеленский, Матушевич и Домбровский. Поэтому первой печатью ЦНК была монограмма, составленная из первых букв их фамилий — «CMD». К лету 1862 года численность конспиративных организаций партии красных в целом составляла уже 7 тысяч человек. Появились новые подпольные газеты («Сигнал», «Истинный патриот», «Голос из Варшавы» и другие), заметно выросло число распространявшихся прокламаций.

Пропаганда подпольной печати своим острием была направлена против распространенных среди интеллигенции соглашательских настроений. Подпольная печать критиковала политику царизма в Польше, жестоко высмеивала тех, кто возлагал какие-либо надежды на реформы сверху. Острую полемику вела подпольная пресса красных с идеологией белых, которые рассчитывали добиться независимости Польши, действуя

легальными методами. В условиях военного положения и жестоких полицейских репрессий партия белых, выражавшая интересы помещиков и крупной буржуазии, не решалась открыто идти на соглашение с царизмом. Выжидали белые еще и потому, что они не теряли надежды усилить свое влияние в подпольных организациях и, действуя изнутри, предотвратить восстание.

Революционная организация в русских войсках, расположенных в Польше, возникла во второй половине 1861 года, то есть также еще до приезда Домбровского в Варшаву. Базой для ее возникновения послужили те разнородные по составу и политической ориентации офицерские кружки, которые начали возникать сразу после Крымской войны и которые особенно активизировались в 1860–1861 годах. Основателем организации был поручик Василий Каплинский, учившийся некоторое время в Петербурге и участвовавший в кружке генштабистов. Он вовлек в организацию отдельных офицеров из различных воинских частей, расположенных в Варшаве и за ее пределами, пытался установить связь с городским и студенческим комитетами. Один из активных деятелей последнего — связанный с белыми Кароль Маевский — в своих показаниях рассказывал впоследствии: «…В конце 1861-го или в начале 1862 года […] явился ко мне Василий Каплинский — офицер, чина и рода войск которого я не помню. Он добивался от меня помощи, а также указания о том, что именно может требоваться от военнослужащих-поляков для тайного народного дела, и заявил, что стоит во главе кружка […] офицеров из различных пунктов Царства Польского».

Задолго до приезда Домбровского в военных кружках большую популярность приобрел подпоручик Шлисеельбургского пехотного полка Андрей Потебня. Именно он возглавил организацию после того, как Каплинский в феврале 1862 года оказался в тюрьме. Организация постепенна превратилась в федерацию или союз полковых, батальонных, бригадных кружков. Наиболее активные участники кружков, фактически руководившие их деятельностью, образовывали коллегиальный орган — Комитет русских офицеров в Польше. Так, кстати, называют нередко и всю военную организацию в целом, хотя это и неточно. В литературе употребляется также еще одно название — Потебневское общество.

Зная о существовании военной организации задолго до отъезда из Петербурга, Домбровский сразу же по приезде в Варшаву разыскал хорошо знакомых ему Кандинского и Потебню. С Потебней он не виделся более двух лет. Вопросы, наверное, с обеих сторон сыпались градом — ведь столько общих знакомых,

столько новостей, о которых хочется поскорее узнать. Каплинский и Потебня рассказывали о военной организации, Домбровский — о петербургских военных кружках. Обсуждали преимущественно положение организации русских офицеров в Польше. Домбровский заставил своих собеседников признать, что имеющиеся кружки еще слабы идейно и малочисленны, что есть много полков, батальонов и батарей, где организация пока вовсе не имеет своих людей, что этого дольше терпеть нельзя, что революционная пропаганда осуществляется недостаточно энергично, а агитация среди солдат почти совсем отсутствует. Нужно действовать энергичнее, решили они, расходясь.

Печати ЦНК партии красных.

Вскоре, к несчастью, Каплинского арестовали. Но это не помешало делу, так как он не выдал никого и не сказал о существовании кружков. Домбровский же и Потебня продолжали работу с удвоенной энергией.

Постепенно Домбровский познакомился с многими звеньями военной организации, быстро растущей в вглубь и вширь. На его глазах, при его участия возникали новые кружки, а существовавшие раньше росли я крепли. В Ревельском пехотном полку Гаврилов, Ган и Лагуна довели численность кружка до десяти человек. Авторитет их среди остальных офицеров, стал настолько значительным, что они добивались от командира полка назначения на очень важную должность полкового адъютанта либо Гаврилова, либо Лагуны. В Шлиссельбургском пехотном полку кружок достиг примерно такой же численности. Вместо Потебни, которому приходилось заниматься делами всей организации, руководителями его стали опытные конспираторы Дмоховский и Барановский. В Ладожском полку действовали создатели кружка Болгов, Гебасевич, Грон, Яковлев и приехавший позже из Петербурга Варавский. В Галицком полку выделялись Доброгойский и Броневский, в Муромском — Криер и Наперстков; в Смоленском, где в кружок входило более пятнадцати человек, были Крупский[9], Полодьев, Тутакевич; в 4-м стрелковом батальоне очень активно действовали Аргольдт и

Сливицкий, а в 6-м — Голенищев-Кутузов, Новицкий, Огородников. Все меньше и меньше становилось таких войсковых частей, где бы не было кружка или отдельных участников офицерской организации. Сравнительно многочисленные кружки существовали в артиллерийских бригадах; были кружки также в саперных батальонах, в крепостных частях, в ряде штабов и военных учреждений. Общая численность организации весной 1862 года достигала примерно 300 человек.

Полный список организации хранился в глубокой тайне, и знали о нем, вероятно, только Потебня и Домбровский. Часть списка попала несколько позже в записную книжку Огарева, а полностью он не сохранился. Попытка воссоздать его по имеющимся данным и проанализировать ç персональной и количественной точки зрения дала весьма любопытные результаты. Выяснилось, например, что численность кружков в частях колеблется от 5–6 до 30–40 человек, причем типичным является кружок в 8—10 участников. Поручики, штабс-капитаны и капитаны в возрасте не моложе 24–25 лет и имеющие не менее чем пятилетнюю выслугу лет в офицерских чинах, составляли во всей организации примерно половину, а среди ее актива — 70 процентов. Почти две трети участников организации были воспитанниками петербургских военно-учебных заведений.

Среди своих знакомых, далеких от революционного подполья, Домбровскому не раз приходилось слышать утверждение о том, что всякие оппозиционные Кружки являются не чем иным, как только Польскими происками. Между тем он был поляком, Потебня — украинцем, Аргольдт из 4-го стрелкового батальона — латышом, а в 6-м батальоне кружок состоял почти сплошь из русских. В других кружках были белорусы и литовцы, прибалтийские немцы и татары, русские и украинцы. Поляки составляли немногим больше половины во всем списке и примерно одну треть среди актива организации, внесенного в записную книжку Огарева. Подсчеты относительно сословной принадлежности и имущественного положения участников кружков показали, что организация на девять десятых состояла из дворянских детей, но почти все они были из тех, кто лично не владел недвижимым имуществом и даже не мог надеяться на наследство, поскольку и их родные либо вовсе не владели недвижимостью, либо владели очень маленькими имениями. По существу, они были такими же бедняками, как любой из варшавских ремесленников.

Возглавляя городскую организацию и входя в руководящий центр Комитета русских офицеров в Польше, Домбровский стал связующим звеном между ними. В то же время он сохранял связи

с участниками петербургских кружков, содействуя их связям с подпольными организациями в Польше.

Вести из Петербурга Домбровский получал часто. Вскоре после приезда в Варшаву он получил от Варавского то письмо, в котором говорилось о разногласиях между Л. Звеждовским и Ф. Далевским. «Вследствие этого, — писал Варавский, — куда бы я ни был назначен, поеду через Вильно с целью подробного разузнания о всем, тем более что сам Людвик писал ко мне, чтобы я непременно приехал».

В марте 1862 года газета «Северная пчела» опубликовала, а вскоре и «Колокол» перепечатал письмо 106 офицеров разных родов войск к редактору «Военного сборника» П. К. Менькову с протестом против опубликованной им статьи флигель-адъютанта князя Эмиля Витгенштейна «Кавалерийские очерки», в которой защищались телесные наказания в армии. «…Витгенштейн, — говорилось в письме, — обдумывал, написал и напечатал свои взгляды по-немецки. До него, следовательно, нам дела нет, но нам неприятно видеть, что дикие суждения о том, что нужно и чего не нужно русскому офицеру и солдату, переводятся и находят место в журнале, которого редакция вверена Вам, милостивый государь, конечно, не для того, чтобы распространять в нашем военном сословии невежество и проводить взгляды, доказывающие возмутительное непонимание духа русского солдата и потребностей общества». Письмо это, несомненно, привлекшее внимание Домбровского, по вполне понятным причинам было напечатано без подписей. А среди подписавших письмо, как показывает его оригинал, обнаруженный недавно среди секретных бумаг царского военного министерства, было очень много знакомых и друзей Домбровского, его соратников по петербургским военным кружкам. Подготовили текст и собирали подписи активные участники кружка генштабистов И. Фатеев, М. Фелькнер, Н. Козлов, В. Нарбут и Н. Рошковский. Организованное ими коллективное выступление встало в ряд с «историей» в Инженерной академии; это была одна из тех акций, с помощью которых революционные кружки вербовали новых членов и осуществляли их идейно-политическую закалку.

Еще до отъезда Домбровского из Петербурга там разошлась по рукам прокламация «К солдатам», написанная Шелгуновым. В конце апреля 1862 года Домбровский мог если не получить экземпляр, то, во всяком случае, услышать о прокламации «Офицеры!», которая печаталась в Петербурге и распространялась главным образом в столичном гарнизоне. «Жизнь России, — говорилось в прокламации, — невозможна без коренных реформ.

Правительство само это сознало; оно даже приступило к ним и струсило. Эгоистическое, не любящее России, оно втягивает государство с пути реформ в путь революционный […]. Столкновение между правительством, упорствующим остановить жизнь России, и силою этой жизни — неизбежно […]. Офицеры, подумайте о времени, которое мы переживаем, подумайте о *бедном угнетенном народе, о нашей жалкой родине*». Автор прокламации не установлен, но подозревался в составлении текста Аргамаков, подписавший протест против телесных наказаний; печаталась же и распространялась прокламация при участии лиц, тесно связанных с кружком генштабистов и другими военными кружками.

Через Сераковского и своих петербургских друзей или непосредственно Домбровский поддерживал постоянные контакты с революционным подпольем в Москва, Вильно, Киеве. Иногда приходили письма от друзей и единомышленников из Казани, Перми, Саратова, Нижнего Новгорода, Астрахани. Переписывался Домбровский не только с поляками, его связи не были ограничены военной средой. Революционное тайное общество всероссийского масштаба — «Земля и воля» — складывалось, росло и крепло у него на глазах. Домбровский прекрасно знал, что недовольство существующими порядками зреет в России, что русские революционеры ждут взрыва и готовятся к тому, чтобы использовать его для свержения самодержавия и окончательной ликвидации крепостничества. Среди руководителей варшавских конспиративных организаций весной 1862 года не было, пожалуй, другого такого деятеля, который бы так же хорошо, как Домбровский, был информирован о положении во всей Российской империи, который бы так же хорошо понимал, что успех революции возможен только в том случае; если выступление состоится одновременно и в Польше и в России, если польские и русские революционеры будут помогать друг другу. «Русские, — доказывал он своим соратникам в ЦНК, — также хотят свободы, хотят сбросить ярмо ненавистного им царизма. Мы должны действовать вместе с ними, и мы достигнем осуществления наших надежд в не столь далеком будущем».

Внимательно следя за всей сетью военных кружков, Домбровский активно участвовал в деятельности революционной организации офицеров русской армии в Польше. Одно из важнейших направлений этой деятельности заключалось в агитации — печатной и устной. Размножали сначала печатавшиеся в «Колоколе» тексты и прокламации, поступавшие из Петербурга и Москвы, затем стали готовить и собственные

воззвания. Пользовались литографской техникой находившихся в Варшаве дивизионных штабов и штаба корпуса, потом создали наряду с польской и русскую подпольную типографию.

Первое из собственных воззваний офицерского общества называлось «Русским войскам в Польше». Оно появилось в мае 1862 года и воспроизводило почти без изменений содержание прокламации Герцена, которая были впервые опубликована в 1854 году. Воззвание доказывало, что данная царю присяга будет недействительна, если начнется война против борющегося за свою свободу польского народа. В воззвании говорилось: «Братья! Время восстания Польши приближается; вас снова хотят сделать палачами поляков. Но не будьте ими […]. На берегах Вислы нет боевой славы для вас. На них ждет вас иная слава — слава примирения и союза!»

В том же месяце появилось второе воззвание — «Чего хочет русский народ и что должен делать тот, кто его любит?». Размноженное так же, как и первое, литографским способом, оно представляло собой очень умело выполненное и приспособленное к местным нуждам сокращение прокламации «К молодому поколению», написанной Шелгуновым при участии Михайлова, а опубликованной в Лондоне в Вольной русской типографии. Самостоятельной была лишь завершающая часть воззвания. Она гласила: «Обращаемся еще с несколькими словами к русским войскам, находящимся в Царстве Польском. Вам выпал на долю счастливый жребий — быть передовыми в деле освобождения России; не отталкивайте от себя этого жребия. Мы призываем вас на помощь Польше, этой великой многострадальной мученице: пока угнетена она, Россия не может быть свободной. Народное дело уже созрело в Польше, и скоро народ возьмет свое: власть петербургского правительства держится в ней только вами, и от вас зависит уменьшить число будущих жертв […]. Если вы откажетесь бить поляков, то и этим сделаете много; но это не все. Вы должны стать за них, и только тогда вы своей кровью сможете смыть с себя пятна мученической крови. Если вы сделаете это, вы уменьшит потоки крови, уже готовой пролиться, вы поразите петербургское правительство в самом чувствительном месте и из возродившейся Польши понесете знамя свободы на свою родину!»

Кто подготовил текст воззваний — установить не удалось; вполне вероятно, что Домбровский и Потебня участвовали в этом деле. Что же касается их участия в размножении и распространении воззвания, то оно несомненно. Об этом свидетельствует, кроме всего прочего, очень любопытное место из воспоминаний Пелагии Домбровской. Весной 1862 года, по ее словам, в квартире сестер Петровских было несколько обысков,

затем где-то вне дома арестовали одну из них — Валерию. Проводив ее до Цитадели, Пелагия поехала поскорее домой, чтобы проверить, нет ли чего-либо компрометирующего, так как понимала неизбежность нового обыска. Только она сделала все необходимое, как вошел Домбровский с братом Теофилем; они принесли пачку еще влажных воззваний, адресованных к русским войскам в Польше. Именно в это время, как на грех, появилась полиция. Пока полицейские вежливо раскланивались со штабс-капитаном Домбровским, Пелагия успела спрятать воззвания под подушку, а потом, улучив момент, сунула их в плащ, перекинутый через руку ее жениха.

Воззвания широко распространялись участниками организации в царских войсках, находившихся в Польше. Офицерам их чаще всего рассылали по почте. Солдаты же находили воззвания в казармах и около полевых кухонь, в конюшнях и артиллерийских парках, под брезентом двигающихся по дорогам фургонов и даже в карманах на минуту оставленных шинелей. Некоторые из нижних чинов несли обнаруженные воззвания начальству и получали, как было установлено специально изданными секретными приказами, сначала по рублю, а позже по пятьдесят копеек за штуку. Многие же, найдя воззвание, отдавали его грамотным сослуживцам, которые читали вслух.

Воззвания, хотя и медленно, просвещали солдат, объясняли им существующее положение и тем содействовали подготовке восстания. Впрочем, кроме темноты и политической инертности солдатских и народных масс, были на пути восстания и другие препятствия.

В Варшавском городском комитете партии красных, где Домбровский выступал в качестве представителя офицерской организации, он сотрудничал, как уже упоминалось, с И. Хмеленским и С. Матушевичем. Оба они, особенно первый, были людьми радикальных убеждений и горячими сторонниками курса на подготовку восстания, что обеспечивало полное единство взглядов внутри городского комитета, а следовательно, и единство действий его членов. Но наряду с городским комитетом, развертывавшим работу в основном среди рабочих, ремесленников и городской бедноты, в Варшаве существовало еще несколько конспиративных организаций. Самую значительную из них возглавлял студенческий комитет, активно участвовавший в манифестациях 1861 года, но в вопросе о вооруженном восстании занимавший колеблющуюся позицию. Руководящие деятели студенческой организации были склонны к компромиссам с противниками восстания, а некоторые, в

частности К. Маевский, были тесно связаны с руководством партия белых. Все это Домбровскому и его соратникам по городскому комитету пришлось тщательно взвешивать, когда весной 1862 года началась острая политическая борьба в связи с попытками объединения всех активно действующих в Варшаве конспиративных организаций в единое целое.

Объединительные тенденции диктовались самим ходом событий. Однако, понимая необходимость единства и начиная переговоры об этом с городским комитетом, студенческие вожаки не собирались отказываться от своих взглядов и тактики. Они собирались сохранить организационную обособленность и требовали введения в Центральный национальный комитет партии красных по крайней мере одного или двух своих представителей. Войдя в ЦНК, В. Даниловский и В. Марчевский стали всячески тормозить подготовку восстания. Что же касается Маевского, то он направлял их действия из-за кулис.

Оставаясь одним из вожаков конспирации, Маевский вступил в переговоры со ставленником царизма маркизом Велёпольским — начальником гражданского управления в Царстве Польском и собирался, если не удастся овладеть ЦНК изнутри, выдать наиболее активных деятелей полиции. Предательские планы Маевского провалились, а от мести подпольщиков его спас арест, который не без помощи Велёпольского подоспел как раз в тот момент, когда это было нужно предателю. Бронислав Шварце называл Маевского «одним из отвратительнейших польских ренегатов XIX века», для которого характерными чертами были «рафинированная измена и холодный, бессердечный расчет».

Будучи убежденным сторонником восстания и обладая большими познаниями в военном деле, Домбровский с момента прибытия в Варшаву все серьезнее задумывался над тем, как обеспечить успех первых действий повстанцев, особенно важных в условиях наводненной войсками Польши. Постепенно у него начал складываться план, учитывающий специфику и реальную силу имеющихся конспиративных организаций, базировавшийся на всей совокупности собранных сведений о важнейших объектах атаки. Настал момент, когда Домбровский счел возможным поделиться своими соображениями с наиболее близкими и надежными из единомышленников: с Потебней, Хмеленским, Матушевичем. Собираясь вместе либо у Хмеленского в Саксонской гостинице, либо у перебравшегося на Налевки Домбровского, друзья снова и снова возвращались к плану, тщательно выверяя каждую его деталь. По мере отработки отдельных звеньев плана городской комитет и прежде всего сам Домбровский начинали подготовку к его осуществлению.

Царизм имел в Польше около 100 тысяч войск, из которых примерно 15 тысяч находились в Варшаве и ее предместьях. Наличие революционной организации в войсках несколько ослабляло эту огромную силу, но сломить ее можно было только вовлечением в восстание широких народных масс. Понимая это, Домбровский и его товарищи рассчитывали, что им удастся поднять сначала трудящиеся слои населения Варшавы и других городов, а затем и многочисленное крестьянство. Но против регулярных войск, вооруженных ружьями и пушками, не пойдешь с голыми руками. Захватить оружие и раздать его восставшим в этом, несомненно, заключалась первая и важнейшая задача начального этапа восстания.

План Домбровского опирался на тесное взаимодействие двух основных реальных сил конспирация — Варшавской городской организации и организации русских офицеров в Польше. В Варшаве обе эти организации располагали наиболее компактными и многочисленными группами, В то же время Варшава являлась важнейшим экономическим и политическим центром, захват которого имел огромное стратегическое значение. Поэтому план ориентировался прежде всего на активные действия в Варшаве и ее окрестностях, хотя в этом районе было сконцентрировано много царских войск.

Намечались два важнейших объекта для атаки: Варшавская цитадель, находившаяся на берегу Вислы в северо-восточной части города, и расположенная в сорока верстах от Варшавы крепость Мэдлин. Овладев этими укрепленными пунктами, повстанцы получили бы около 100 тысяч ружей (в том числе 30 тысяч в Варшаве) и боеприпасы к ним, а также создали бы прочную базу для дальнейших действий. Захват Модлина и Варшавской цитадели предполагалось осуществить путем внезапного нападения извне (его должны были подготовить отряды, состоявшие преимущественно из членов городской организации) в сочетании с ударами изнутри силой боевых групп, созданных армейскими революционерами. Кроме этого, военная организация должна была в первый момент снабдить оружием хотя бы часть повстанцев и попытаться нейтрализовать царские войска, собранные в Повонзковском военном лагере под Варшавой. Предполагалось, что некоторые распропагандированные подразделения присоединятся к восстанию, а всех остальных можно будет с помощью фальсифицированного приказа поднять по тревоге и увести подальше от Варшавы.

Успех дела был немыслим без соблюдения строжайшей тайны в подготовительный период. Поэтому о плане в целом знали

единицы из числа самых активных деятелей подполья, а остальные знали лишь то, что их непосредственно касалось. Имея широчайшие связи в конспиративных кругах, Домбровский мог убедиться, что участники городской и военной организаций горячо одобряют любые практические шаги, связанные с подготовкой к вооруженному выступлению. Это позволяло городскому комитету в течение весенних месяцев 1862 года исподволь, но тем не менее весьма энергично вести подготовку к восстанию так, чтобы его начальный этап развертывался в соответствии с планом Домбровского.

Первоначально вооруженное выступление намечалось на август 1862 года. Существенные изменения обстановки в мае и особенно в июне 1862 года ставили августовский срок под сомнение. Царизм переходил в контрнаступление. Провокационные пожары и аресты в Петербурге, провалы в некоторых звеньях военной организации, начавшиеся аресты среди варшавских рабочих, участвовавших в конспирации, ослабляли революционный лагерь. Вызывал опасение и курс царизма на примирение с польскими имущими классами. Этот курс мог вызвать усиление противоречий внутри конспираторов и переход в лагерь противников восстания многих из тех, кто занимал колеблющуюся позицию. Все это, а также многое другое наводило Домбровского на мысль, что откладывать выступление нельзя.

Усиленная подготовка к восстанию продолжалась. Домбровский целые дни проводил среди конспираторов Варшавы и участников военных кружков, а по ночам заканчивал текст тактического руководства для будущих повстанческих командиров (текст этот попал потом в руки властей, некоторые историки знакомились с ним до второй мировой войны, в ходе которой он погиб, как и почти все варшавские архивы). В это время Домбровскому приходилось много раздумывать и над тем, как добыть денег. Они были нужны для пополнения совсем опустевшей кассы ЦНК, для того, чтобы попытаться купить за границей столь необходимое оружие.

В июне стало известно о вынесении приговора арестованным еще в апреле участникам военной организации из 4-го стрелкового батальона: офицерам Аргольдту и Сливицкому, унтер-офицеру Ростковскому и рядовому Щуру. «Они работали, — вспоминает один из современников событий, — над образованием солдат, хотели довести его до гордого сознания собственного достоинства […], до того, чтобы он собственным умом мог анализировать вещи, умел отличить дурное от доброго, справедливость от преследования […]. Старались поделиться с

солдатами всем, что таилось в молодой душе, что когда-нибудь слышали и читали в сочинениях, враждебных правительственному режиму». К моменту ареста Аргольдта и его товарищей нижние чины были распропагандированы настолько, что готовы были выполнить любое их приказание. В письме, посланном в «Колокол» одним из единомышленников Аргольдта и его друзей, рассказывалось: «Перед арестом человек шестьдесят солдат с оружием готово было защищать их, и только приказание Сливицкого удержало их. Все держали себя, особенно Аргольдт, перед судом с геройской твердостью Главным обвинением против Аргольдта было анонимное письмо его Лидерсу; Мясковский[10] показал это письмо перед судной комиссией Аргольдту и спросил, не он ли писал его. Аргольдт отвечал, что писал он, но еще не окончил, — взял перо и подписал под письмом свою фамилию».

Участники военной организации и многие другие офицеры расположенных в Польше войск следили, насколько это было возможно, за ходом следствия и суда. Все знали, что улик о каких-либо прямых антиправительственных действиях нет, и потому не ждали очень строгого приговора. Однако суд приговорил Аргольдта, Сливицкого и Ростковского к расстрелу, а Щура — к шестистам ударам шпицрутенами. Право конфирмации (утверждения) приговора принадлежало генералу Лидерсу; тот утвердил бы его без колебаний, если бы не получил анонимное письмо, угрожающее беспощадной местью. После этого царский наместник срочно дал шифрованную телеграмму военному министру Милютину, в которой писал, что «замена смертной казни ссылкою в каторжную работу мне кажется более согласной с родительским сердцем государя императора». На следующий день из Петербурга шифром же последовал ответ: «Считаю совершенно необходимым приговор […] привести в исполнение без всякого смягчения. Крайне нужен пример строгости. Полагал бы исполнить в Новогеоргиевске, чтобы устранить демонстрации. Генерал-адъютант Милютин». Вот вам и «родительское сердце государя императора»!

Смертный приговор участникам военной организации из 4-го стрелкового батальона послужил последней каплей, заставившей ее руководителей — Домбровского и Потебню — решиться на перенос срока восстания. Было решено начать его 14(26) июня, чтобы опередить казнь, назначенную на 16(28) число того же месяца. Сразу же было написано воззвание, озаглавленное «Русские офицеры солдатам русских войск в Польше» и предназначенное для распространения накануне и в начальный момент вооруженной борьбы. Это было первое воззвание военной

организации, размножавшееся типографским способом. Оно датировано 6(18) июня, следовательно, решение о назначении срока восстания было принято в этот же день или накануне.

А говорилось в воззвании следующее: «Солдаты! Жалкое положение ваше заставляет нас, ваших старших братьев, возвысить, наконец, голос […]. От вас самих зависит теперь улучшение участи вашей; настал теперь удобный случай, а доверие ваше к нам будет залогом победы. Отцы и братья ваши восстали уже против царя и помещиков, справедливо требуя земли и воли; они протянули к вам руки, моля вас о помощи. Разве мы будем хладнокровными зрителями погибели всех родных и близких наших, разве захотим заслужить справедливые проклятия их? Нет, нет! Мы составим вольные дружины и поспешим в Россию на помощь нашим […]. Поляки готовы восстать, подобно отцам и братьям нашим, за свою волю, за свою землю. Они протягивают нам руку помощи — соединимся с ними, и ничто не будет в силе противиться нам. Наши вольные дружины, поддержанные их дружескими полками, пройдут но Россия с кликами торжества и свободы. Победы наши доставят волю и землю отцам, братьям и детям вашим и позволят вам возвратиться к семействам вашим. Мы, офицеры ваши, готовые сложить головы за свою и вашу свободу, за свободу народа русского и польского, поведем вас при помощи божией на это святое и великое дело. Товарищи! Мы скажем вам, когда и что делать, неужели недостанет у вас мужества пойти за нами!»

В прямой связи с воззванием от 6 июня 1862 года стоит, несомненно, написанное на следующий день письмо Потебни Герцену. Едва ли нужно доказывать, что письмо это было предварительно согласовано с Домбровским. В письме говорится: «В своем воззвании к русским войскам в Польше в 1854 году Вы писали: «Мы скажем вам, что делать, когда настанет час». По нашему крайнему убеждению, этот час пришел; что можно было сделать; сделано; […] мы настолько сблизились с патриотами польскими, что во всяком случае примем прямое участие в близком восстании Польши; но мы настолько привыкли уважать Ваше имя, что хотели бы прежде знать Ваше мнение по этому вопросу». Заканчивая письмо, Потебня еще раз повторил и подчеркнул, что оно исходит, от «многих русских офицеров».

Такой была обстановка, когда Домбровский и его единомышленники вынесли вопрос о начале восстания да обсуждение ЦНК. На заседании, состоявшемся, по-видимому, в конце первой декады июня, Домбровский произнес большую речь, которая дошла до нас лишь в изложении Даниловского. В ней содержался довольно подробный рассказ о составе, задачах и

возможностях военной организации, говорилось о необходимости тесного сотрудничества с ней и о невозможности откладывать дальше срок начала вооруженного выступления. План действий повстанцев в первые дни восстания излагался, судя по заметкам Даниловского, следующим образом: «В назначенную ночь городские заговорщики, вооруженные стилетами и револьверами, а также всяким другим оружием, которое окажется в распоряжении комитета, соберутся в количестве двух тысяч человек в домах, расположенных поблизости от Цитадели[11], и по данному им знаку тихо подступят к назначенным воротам Цитадели, которые им откроют военные заговорщики; там они вместе с присягнувшими офицерами и солдатами, которые будут отмечены шарфами на плечах, бросятся на спящий гарнизон и либо уничтожат, либо разоружат его. Другая половина заговорщиков Варшавы, разделившись на несколько частей под командованием отдельных начальников, должна была в это же время напасть на замок[12] и жилища генералов, ставя себе целью арестовать наместника и высших военных начальников, а также атаковать русские гауптвахты и арсенал, ударив во все колокола, призывая народ к борьбе и раздавая оружие из арсенала. В ту же самую ночь следовало укрыть поблизости от Модлина две тысячи заговорщиков или больше; через ворота, которые откроют школа юнкеров и тамошние члены организации, они вторгнутся в Модлин и овладеют им благодаря внезапному и неожиданному нападению. Точно так же следовело организовать нападения […] в губернских и в наиболее крупных уездных городах…»

В ЦНК за принятие плана, кроме Домбровского, безоговорочно проголосовали Хмелевский и Матушевич. Марчевский проголосовал против, а Даниловский, проголосовав «за», не замедлил разгласить абсолютно тайное решение не только своим приятелям из Студенческого комитета, но и члену дирекции белых Маевскому. Тот поспешил собрать ватагу студентов и, ворвавшись на очередное заседание ЦНК, совершил в нем переворот. Хмелейский и Матушевич были выведены из состава комитета, а вошли в него новые члены, в том числе Маевский и его единомышленники. Был введен в ЦНК также представитель кружка «сибиряков» (то есть побывавших в сибирской ссылке) Агатон Гиллер, ставший вскоре одним из лидеров правого соглашательского крыла красных.

Новый состав ЦНК подверг сомнению и решил проверить заявление Домбровского о готовности военной организации поддержать восстание. То ли в Белянах, которые в то время располагались далеко за чертой города, то ли в одном из домов на Братской улице специальная комиссия ЦНК собрала на

следующий день представителей офицерской организации. Комиссия делала вид, будто хочет получить точную информацию из первых рук, но на самом деле ее задача заключалась, в том, чтобы оправдать предрешенный заранее отказ нового состава ЦНК от предложенного Домбровским плана. Высокомерие и резкость Тиллера, который возглавлял комиссию, произвели на офицеров отталкивающее впечатление. «От вашей информации, — процедил он сквозь зубы, — зависит отсрочка назначенного восстания. Помните, господа, что если, рассчитывая главным образом на помощь военных, мы ее не получим и вследствие этого наше восстание будет подавлено, вы будете в ответе не только за бесполезно пролитую кровь, но и за отдаление независимости Польши и свободы России!» Несмотря на все старания комиссия с ходу получить отрицательный ответ, первый из опрошенных офицеров заявил, что приведет в случае восстания роту, а второй — батальон (одним из этих офицеров был Потебня). Не оставляя роли высокопоставленного ревизора и желая добиться поставленной цели, Гиллер выдвинул оскорбительное для высказавшихся и более чем рискованное для военной организации требование: дать ему возможность проникнуть в казармы, чтобы убедиться в «добром настроении» солдат. Тогда все остальные офицеры, а всего их было не более двадцати человек, поспешили сказать, что «сами они пойдут и отдадут жизнь за свободу, но такого влияния, чтобы привести свои подразделения, у них еще нет». По докладу Гиллера ЦНК отменил принятое решение о начале восстания.

Домбровский с оказавшимися вне ЦНК Хмеленским и Матушевичем не смирились с создавшимся положением. Опираясь на поддержку городской организации, они скоро добились устранения из состава ЦНК Маевского и еще двух представителей партии белых. По рассказу самого Маевского, Домбровский при последней встрече очень выразительно пообещал ему встретиться вновь. Понимая, чем это грозит, Маевский, «попросившись» в тюрьму, поспешил с помощью Велёпольского укрыться за стенами Цитадели. Примыкавший к белым Окенцкий ушел из ЦНК сам. Несколько позже состав ЦНК пополнился приехавшим из Белостока Брониславом Шварце. Он занимал такую же решительную позицию, как и Домбровский. Теперь в ЦНК сложилось неустойчивое равновесие представителей левого и правого крыла партии красных. Обстановка несколько улучшилась, но не настолько, чтобы можно было возвратиться к обсуждению плана Домбровского. Да и момент для его осуществления в первоначальном варианте был уже упущен. Выступление в назначенный срок состояться не

могло.

Сторонники решительного курса активно действовали за пределами ЦПК, особенно в варшавской городской организации. Среди них выделялся Хмеленский. Вместе с Домбровским он подготовил серию террористических актов против виднейших царских сановников в Польше. По их мнению, террористические выступления должны были, с одной стороны, содействовать консолидации революционных сил, с другой — заставить царизм отказаться от тактики уступок, усилить репрессии и тем выбить почву из-под ног тех сторонников соглашения с царскими властями, которые имели большое влияние на имущие слои польского общества, на интеллигенцию. Домбровский и Потебня несколько сдерживали порывы Хмеленского, но и они в принципе не отвергали применения террора. Они знали о планах Хмеленского и помогали их осуществлению.

Более того, желая отомстить за приговоренных к смерти товарищей, которых спасти было уже нельзя. Потебня сам 15 июня 1862 года совершил покушение на Лидерса. В цитировавшемся выше письме неизвестного офицера после описания расправы над Аргольдтом и его товарищами следовала приписка: «…Я упомянул о выстреле по Лидерсу; этот выстрел был сделан в Саксонском саду в семь с половиной часов утра, в десяти шагах, посреди гуляющей, публики, военной и гражданской; стрелявший хладнокровно продул пистолет, положил его в карман и вышел через кондитерскую из сада; гулянье продолжалось, никто из публики не тронулся остановить его». Нежелание очевидцев покушения содействовать поимке сделавшего выстрел было настолько явным, что это отметил даже приехавший вскоре новый наместник царя великий князь Константин Николаевич. «Если б в толпе, бывшей […] в Саксонском саду, — заявил он, — , было малейшее сочувствие к полиции, убийца не мог бы скрыться».

Домбровский не только знал о покушении, но и содействовал ему. Действия Потебни были известны и другим членам военной организации. В воспоминаниях Варавского рассказывается, что он и Домбровский в день покушения встретили Потебню на улице и тот рассказал нм обо всех подробностях дела. Закончил он свой рассказ весьма выразительной фразой: «Я ему вбил в башку Аргольдта и Сливицкого!» Власти заподозрили все-таки однополчан Потебни и его самого. Вынужденный бежать, Потебня скрылся из Варшавы с помощью невесты Домбровского. «Потебню, — вспоминала она, — имея контакты со служащими на железной дороге, я вывезла на дрезине за несколько километров от Праги[13]». Перед отъездом Потебня оставил в квартире сестер

Петровских свой палаш. Во время очередного обыска Валерия заметила его в тот момент, когда полиция уже стучалась в дверь. По словам П. Домбровской, она успела схватить палаш и, открыв печь, зашвырнула так далеко, что потом долго не удавалось извлечь его оттуда.

Июньские и июльские дни 1862 года были для Домбровского очень нелегкими. В отсутствие Потебни гораздо больше энергии приходилось отдавать городской организации и Комитету русских офицеров. И все это при одновременном выполнении служебных обязанностей, настолько аккуратном, чтобы у начальства не возникло никаких подозрений. Как и прежде, часто бывал Домбровский в доме сестер Петровских. Здесь он встречался с приехавшим для переговоров представителем конспиративных кружков на Волыни Петром Юлегиным, с Штейнманом, Богуцким, своим братом Теофилем и иными подпольщиками из городской организации; с армейскими революционерами — однополчанами Потебни Михайловским, Дмоховским, Вышемирским, Закревским, с руководителем кружка в Муромском пехотном полку Криером, с Мрочеком из Галицкого, Гашинским из Гевельского полка, с артиллеристами Леонткевичем и Шанявским, с инженерным офицером Зеленовым и многими другими.

Потебня же был в это время далеко. Как представитель революционной организации русских офицеров в Польше, он поехал в Лондон для того, чтобы встретиться лично с издателями «Колокола» Герценом и Огаревым. Конечно, и в данном случае его действия были согласованы с Домбровским. В «Исповеди» Василия Кельсиева, работавшего в те дни в Вольной русской типографии, говорится о Потебне следующее: «Я видел его только один раз […] и слышал его рассказы о происходящем в Польше. Он говорил, что положение русского комитета в крайней степени затруднительно, потому что он почти не в силах удержать восстания наших войск. Недовольство правительством, говорил он, превосходит всякое вероятие. Солдату совесть запрещает разгонять толпы, идущие за духовенством с крестами, со свечами, с пением молитв. Начальство держит его всегда наготове; это его раздражает и заставляет желать, чтоб поляков не вынуждали к демонстрациям; а неумеренные и неосторожные офицеры внушают ему, что, не будь начальства, не будь у правительства прихоти насилием держать в подданстве поляков, и солдатам было бы легче и наборов у нас было бы меньше […] Рассказы Потебни окончательно убедили Герцена, что дело идет положительно не на шутку […]. Он вошел в сношения с Центральным комитетом и с русским» (то есть с руководящими

органами партии красных и офицерской организации).

Варшавские власти, конечно, выполнили указание военного министра о предотвращении эксцессов в связи с казнью Аргольдта и его товарищей. 4-й стрелковый батальон, в котором служили осужденные и который мог взбунтоваться, был срочно и без предупреждения выведен из Повонзковского лагеря. Осужденных в глубокой тайне переместили из Варшавской цитадели в Новогеоргиевскую крепость (Модлин). Полицию привели в боевую готовность. Кое-где додумались даже до того, чтобы взять с офицеров подписку о том, что они не будут иметь портретов расстрелянных. И, несмотря на это, необоснованно жестокая расправа над четырьмя военнослужащими имела огромный общественный резонанс, причем не только в Варшаве и Модлине, но и далеко за их пределами. Домбровский и Потебня, возвратившийся из Лондона в конце июля, использовали это для дальнейшего сплочения военной организации, для привлечения в нее новых участников.

«Июля 1(13), — сообщалось в «Колоколе» от 1 сентября 1862 года, — в Казанском и Исаакиевском соборах и Андреевской церкви служили панихиды за упокой души рабов божьих Петра, Иоанна и Федора, трех убиенных по приказанию правительства в Модлине, по Лидерсовской конфирмации». Любопытно, что это сообщение почти текстуально совпадает с анонимным письмом, которое было получено Третьим отделением на следующий день. Панихиды, говорилось в письме, «еще не раз повторятся в Петербурге, а теперь будут служиться в Москве и в тех городах, где существуют тайные комитеты или агенты тайного общества. Панихиды служились везде одновременно и в ту именно минуту, когда Петропавловская крепость приветствовала чье-то рождение[14]. Считаем долгом известить вас об этом и просить дать более гласности этому факту». Аноним, назвавшийся в конце письма «членом тайного комитета», не солгал: были и другие панихиды.

Одну из них 6 июля демонстративно отслужили девять офицеров — слушателей Академии генерального штаба, находившихся в окрестностях Боровичей на полевых занятиях по геодезии. Инициаторами ее являлись П. Лихачев, Н. Рошковский и Ф. Шредере, служившие раньше в Польше и, по-видимому, связанные с членами Потебневского общества. Все девять участников панихиды за несколько месяцев перед этим подписали протест 106 офицеров против телесных наказаний в армии, причем подписи их стояли первыми. На этот раз все они были отданы под суд и довольно строго наказаны. Так откликнулись на казнь в Модлине старые друзья Домбровского и те офицеры,

которые входили в возглавлявшийся им кружок генштабистов. Но наиболее быстрым и значительным по размаху был, естественно, отклик офицеров русских войск, расположенных в Польше.

В походной церкви Ладожского пехотного полка, находившейся в лагере на Повонзках, еще 24 июня была отслужена наиболее массовая из демонстративных панихид по казненным. День был воскресный, в церкви только что закончилось «торжественное благодарственное молебствие за сохранение жизни» новому наместнику царя великому князю Константину (в него за три дня до этого стрелял конспиратор Ярошинский, связанный с Домбровским и Хмеленским). В панихиде по казненным участвовало около 50 офицеров из Олонецкого и других пехотных полков, 5-го и 6-го стрелковых батальонов, 5-й п 6-й полевых артиллерийских бригад. Все это были части, в которых существовали более или менее многочисленные и активные кружки Потебневского общества; ряд участников панихиды, в том числе ее организатор Павел Огородников, фигурируют в списке актива общества, внесенном в записную книжку Огарева. Поэтому нет никакого сомнения в том, что и замысел панихиды и большинство ее участников были известны Домбровскому.

Поручик 6-го стрелкового батальона Огородников и еще два офицера (Зейн и Готский-Данилович) попали за панихиду в тюрьму, другие получили меньшие наказания. В Варшавской цитадели и в Модлинских казематах Огородников умудрился вести дневник и чудом сохранил его. «Сегодня, — писал он 24 июня 1863 года, — ровно год, как Повонзковская походная церковь вместила в себе пятьдесят человек, собравшихся вспомнить своих расстрелянных товарищей: Сливицкого, Аргольдта, Ростковского. Воспоминание о молодых друзьях свободы вызвало у кого горячие слезы и молитву, а у кого — бурю в груди, горечь и желчь. Сегодня ровно год с последней на свободе ночи — тревожной и бессонной. Вследствие некоторых политических обстоятельств я целую неделю не был в своей квартире […]. Проедет ли по улице в эту светлую ночь казак, прогремит ли под окнами экипаж, остановившийся у ближайших ворот, — я невольно вскакивал с постели и подходил к окну посмотреть, не гости ли в гости звать меня приехали? Рано встал […] и поехал на Повонзки.

Подъезжая к заставе, я увидел шедшего с Повонзок Крупского, который жил в городе; он издали делает мне жест рукой: «напрасно», я останавливаю дружку[15]. Крупский говорит мне:

— Едем назад… Напрасно, никого нет.

— Как никого? Вчера же обещали быть, и всем, вероятно, известно?! — возражаю я с досадою (вероятно, от бессонной ночи).

— Почти никого нет. Я был в нескольких батальонах… Теперь там молебствие и, кажется, панихида не состоится, — сказал Крупский.

— Не может быть! Садись, поедем… Если никто не пожелает, так мы с тобою вдвоем отслужим, но отслужим непременно, — возразил я.

Поехали мы; у бараков 7-го батальона увидел я Аристова, разговаривавшего с незнакомым мне офицером (это был Готский-Данилович); увидел я, как между зимними и летними бараками шло молебствие по случаю «счастливого, чудесного избавления от смерти великого князя Константина». Я подошел к Аристову и просил его караулить попа (Виноградова), а между тем сам отправился к другим знакомым офицерам. Молебен окончился, и я, вышедши из барака Михайлова, увидал, что Аристов и Данилович подошли к попу и что фигура и жесты последнего выражали нерешительность. Быстро подошел я к попу и убедил его отслужить панихиду. Все мы, кроме Даниловича, который исчез незаметно для меня, направились к походной церкви, вблизи которой стояли кучки артиллеристов. Дорогой громко разговаривал с Аристовым и с досадою отвечал попу (Виноградову) на некоторые вопросы».

Сразу же по окончании панихиды священник донес о ней начальству, назвав Огородникова как организатора панихиды и изложив, не без преувеличений, содержание своих разговоров с ним. В дневнике Огородникова описываются два его разговора с Виноградовым во время следствия.

Первый разговор произошел сразу же после ареста при генерале Мегдене, командовавшем войсками, которые были собраны на Повонзках. «…Я не дожидался вопросов, — рассказывает Огородников, — и громко произнес:

— Да, это я был на панихиде; я изъявил желание помолиться за тех, кто заслуживает сожаления, а не проклятий, которые им посылал поп. Меня только удивляет, зачем священник, добровольно отслужив панихиду, потом донес на нас.

Генерал возразил, что можно было бы помолиться и дома за них. На это я промолчал и, обратившись к попу, со смехом спросил:

— Так ли аккуратно он возвратил деньги за *панихиду*, как донес на нас?

— И деньги отдал, — ответил он, смутившись еще более».

Другой разговор состоялся позже, когда уже началось

формальное следствие. Вот как он описывается в дневнике: «Увидав на дворе священника Виноградова, пугливо сторонившегося всех, я подошел к нему с несколькими офицерами и шутливо сказал:

— Вы попадете туда, иде же…

— Червь не умирает и огнь не угасает, — докончил кто-то.

— Презренный, — прошептал третий.

Жаль было смотреть на «презренного» — так он перетрусил. Я отвел его в сторону.

— Не сказали ли вы чего лишнего обо мне?

— Я сказал только, что, идя со мною на панихиду, вы говорили о составленной для Польши конституции, которою поляки недовольны, и о намерении государя дать конституцию и России.

— Только?

— Еще что по поводу выстрела в великого князя Константина Николаевича вы сказали: «Нельзя судить о поступке человека, не зная побуждений его к нему».

— Только?

— Ей-богу, только.

— Зачем же вы это приплели к панихиде?

— Да Хрулев[16] велел непременно все сказать и напугал меня, — покраснел Виноградов».

Указание на семидневную отлучку из-за «некоторых политических обстоятельств» и намек на ожидание ареста в ночь накануне панихиды в первом из приведенных отрывков показывают, что Огородников был тесно связан с конспирацией и выполнял какие-то важные поручения военной организации. Вероятно, поручения были связаны с готовившимся, но не состоявшимся восстанием. Такое предположение подтверждается другим местом дневника, где Огородников писал: «За пять дней до ареста некоторые обстоятельства побудили меня все продать».

Некоторые места дневника дают отчетливое представление о том, как складывались революционные убеждения у Огородникова и других членов военной организации — соратников Домбровского. «Ровно год, — говорится в записи от 24 июня 1863 года, — как дух мой начал быстро укрепляться. Его не согнула ни борьба с подлостью, ни невзгоды заключения… Он закалился в этой борьбе. Еще глубже, еще сознательнее слился с теми истинами, которые составляют цель жизни человека и которые так жестоко преследуются эгоистическим деспотизмом — врагом человечества».

«В жизни многих людей, — писал далее Огородников, — бывают моменты […], приводящие их на распутье двух духовных

дорог, двух противоположных идей о счастье человека. Года три тому назад обстоятельствами и я был приведен на это распутье: по приезде в Петербург из батальона[17] я начал сближаться с другою сферою, знакомою мне только, не скажу даже понаслышке, а интуитивно. Когда я обернулся назад, увидал глубокую пропасть, разделявшую мою еще кадетскую сферу[18], выработанную опекой «воспитателя русского юношества» Якова Ивановича Ростовцева, от сферы истины, ведущей человека к счастью, какое могут дать ему только свобода и его естественные священные права. Нечего было сравнивать, нечего было выбирать: нагота эгоизма и лжи — с одной стороны, светлая правда и любовь к человечеству — с другой стороны; ясно обрисовывались они на фоне мрачной тучи, проливающей слезы и кровь, с одной стороны, и розовой, лучистой зари — с другой стороны. Глубоко пожалел я о своих молодых годах […]. Принялся с энергией себя перевоспитывать: ведь труд не малый — из офицера царской службы и воспитанника Ростовцева сделаться человеком; ведь труд не малый — сбросить С себя цепи, позолоченные разными правами русского дворянина и насилиями русского офицера, и встать вровень с человечеством. Однако результаты были успешны».

Огородников учился в Академии генерального штаба одновременно с Домбровским, он состоял в руководимом им кружке генштабистов. Боясь, что дневник попадет в руки тюремщиков, Огородников был осторожен и редко называл фамилии своих товарищей, особенно когда речь шла о лицах, остающихся на свободе или еще находящихся под следствием. Влияние на него Домбровского подтверждается не только косвенно — приведенным текстом, но и прямым упоминанием его фамилии. В одной из записей дневника, относящихся к февралю 1863 года, пересказывая записку с новостями, полученными от одного из только что доставленных в Модлин польских повстанцев, Огородников писал: «Далее записка гласила, что Я. Домбровский — мой товарищ по военной Академии генерального штаба — расстрелян здесь, в Модлине. Но это неправда. Он был посажен в Десятый павильон Варшавской Александровской цитадели за месяц до отправки меня оттуда[19] […], и мне досконально известно, что его сюда пока еще не привозили». Прошло несколько месяцев, Огородников снова получил от польских друзей очередную сводку новостей. «Записка, — говорится в дневнике, — заканчивалась опровержением слухов насчет Я. Домбровского […]. Мой академический товарищ не расстрелян — ну, отлегло от сердца».

Огородников был русским. Но для него, как и для других

русских по происхождению офицеров, входивших в военную организацию, освободительная борьба польского народа не была чуждым делом. Они сочувствовали свободолюбивым стремлениям поляков, готовы были прийти им на помощь. «Люблю я Польшу», — говорится в одной из записей дневника. А о первых впечатлениях от польской столицы, о влиянии этих впечатлений на формирование своих взглядов Огородников писал так: «И вот я в Варшаве; здесь жизнь привольнее. Посмотрите на эти лица — пасмурные, но вместе с тем просвечивающие какую-то тайную надежду, посмотрите на их сверкающие глаза — справедливой ненавистью и гордой надеждой […]. Они живут кипучей жизнью, это не та мертвенная, бледная жизнь Петербурга. Итак, я тоже начал жить… усвоил значение слов: *гражданин* и *человек*».

Панихиды в Повонзковском лагере и в Боровичах выражали чувство возмущения со стороны коллег казненных офицеров. Однако казнь вызвала возмущение и протест гораздо более широких кругов русской и польской общественности. Чувство оппозиционной России выразил в нескольких статьях «Колокол», используя при этом материалы, полученные через руководителей Потебневского общества. Домбровский участвовал, разумеется, и в организации кампании по выражению сочувствия казненным со стороны польского населения. Не без его ведома, наверное, конспиративная газета «Рух» опубликовала призыв: «Мы надеемся, что вся страна почтит панихидами этих мучеников» и сообщила, что 11 июля (29 июня) 1862 года состоятся многочисленные панихиды.

В конце июля военная организация при содействии штатских конспираторов размножила и начала распространять воззвание, озаглавленное «Духовное завещание поручиков Аргольдта и Сливицкого, унтер-офицера Ростковского и рядового Щура, погибших мученической смертью 16 июня 1862 года в крепости Новогеоргиевске». Фактически воззвание не было написано казненными (Щур, кстати говоря, вопреки расчетам царских палачей перенес наказание шпицрутенами и после выздоровления был отправлен в Сибирь на каторгу). Текст воззвания подготовили в агитационно-пропагандистских целях их единомышленники, и наиболее вероятными его авторами являются Домбровский и Потебня.

Воззвание действительно написано в форме обращенного к солдатам политического завещания. «Мы погибаем, — говорится в нем, — но не погибла для вас надежда лучшей доли. Есть еще между вами много товарищей наших, трудящихся втихомолку для вашего блага: это ваши молодые офицеры. Общее несчастье соединяет вас с ними […]. Соединитесь с верою — с вашими

офицерами: они поведут вас на утеснителей, они доставят вам свободу и благоденствие. Пусть кровь наша, готовая пролиться, скрепит ваш союз с нами — тогда мученичество наше не пропадет даром. Умираем с этой мыслью, не жалея; благословляем вас на святой подвиг…»

Воззвание было отпечатано большим тиражом и, вероятно, перепечатывалось позже, так как экземпляры его появлялись в разных местах до весны 1863 года. Домбровский и Потебня позаботились о том, чтобы воззвание в достаточном количестве имели все кружки военной организации. Командир 5-го стрелкового батальона (Варшава), например, в августе 1862 года препроводил начальству 23 экземпляра воззвания, принесенные ему подчиненными; в сентябре начальник инвалидной команды из Кутно представил 12 экземпляров; в ноябре командир Шлиссельбургского пехотного полка прислал из Калита 15 экземпляров; в январе 1863 года командир Вологодского пехотного полка из Люблина — 27 экземпляров и т. д. А надо иметь в виду, что попадала в руки властей лишь незначительная часть распространяемых воззваний. Каждое же из воззваний, которое оставалось у солдат, прочитывалось, как правило, не одним человеком, а читалось вслух для многих (грамотным тогда был только каждый пятый солдат).

Одним из самых людных перекрестков в центре старой Варшавы было, как и теперь, пересечение Ерозолимских аллей с улицей Круча. От старой улицы Видок, начинавшейся недалеко от этого перекрестка, сейчас ничего не осталось. Но на построенном позже угловом доме установлена мемориальная доска с надписью: «В этом месте находилась в 1862 году главная резиденция подпольного Центрального Национального Комитета — организатора январского восстания против царизма в 1863 году».

На улице Видок тогда стоял дом, в котором жили родственницы члена ЦНК Бронислава Шварце. В их квартире во второй половине 1862 года проходили почти все заседания руководящего органа конспираторов. Поблизости, в том же доме, располагалась подпольная типография, в которой печатались газета «Рух» и другие нелегальные издания. И в том и в другом месте на протяжении июля месяца Домбровский бывал неоднократно. Жил он в это время напряженной до предела жизнью, не зная ни сна, ни отдыха, в постоянных заботах об общем деле и тревогах за своих товарищей. «У нас, — писал он родственникам в Москву, — по-прежнему неспокойно; не знаем, что будет завтра, и думаем только о том, чтобы как-нибудь прожить сегодняшний день. Мне нездоровится, но сейчас гораздо

легче, чем было перед этим. Служба моя идет кое-как, не знаю, как будет дальше, ну да бог даст будет еще лучше. Вообще столько перемен у нас, что ни за что ручаться нельзя, кому сегодня хорошо, завтра может быть плохо». Письмо Домбровского рассчитано на «недремлющее око» царской полиции, поэтому писать более внятно он не мог.

Квартира его в это время была за Старым Мястом на Налевках, а служебное помещение оставалось на Саксонской площади, то есть примерно на полпути между Налевками и улицей Видок. И почти на той же прямой между «бюро штабс-капитана Домбровского» и резиденцией ЦНК находилось еще одно место, где он постоянно бывал, — это квартира сестер Петровских. По словам невесты Домбровского, он и в это время, твердо веря в неприкосновенность своего мундира, в ореол славы кавказского офицера, вел себя более чем смело. 31 июля (12 августа), например, в Саксонском саду группа польских патриотов устроила антиправительственную манифестацию в честь годовщины польско-литовской унии, и Домбровский был там в полной офицерской форме.

Почти каждый офицер царской армии имел право на денщика. Офицеры из богатых помещиков выбирали денщика среди своих дворовых и затем записывали его в рекруты. Такие неимущие, как Домбровский, получали в свое распоряжение какого-нибудь дослуживающего двадцатипятилетний срок солдата из нестроевых. Именно такой старый солдат по имени Войцех был денщиком у Домбровского. Он очень любил своего господина за доброту и непритязательность и трогательно о нем заботился. Войцех был почти совсем глухим, но Домбровский научился прекрасно объясняться с ним с помощью жестов. Глухота, которую Войцех настойчиво пытался скрыть, не мешала ему в выполнении обязанностей, поскольку Домбровский не требовал от него сколько-нибудь обременительных услуг и по целым дням не бывал дома. Ожидая его возвращения, Войцех часами сидел в прихожей и дремал над житиями святых. Зная эту его привычку и желая пошутить, Домбровский, по словам его невесты, несколько раз прокрадывался мимо денщика и ложился спать. Войцех сидел еще час, другой, потом обнаруживал обман; но при этом он только добродушно смеялся.

Невеста Домбровского хорошо знала Войцеха, поскольку он выполнял даже некоторые конспиративные поручения, то ли в самом деле не понимая их смысла, то ли делая вид, что не понимает. Потому она не очень удивилась, когда утром 2(14) августа 1862 года денщик жениха появился в ее квартире. На сей раз старый Войцех сообщил страшную новость: ночью в квартире

был обыск, и Домбровский арестован. Это случилось на следующий день после манифестации в Саксонском саду, но в воспоминаниях Домбровской специально оговорено, что причина обыска и ареста была иная.

Причина эта изложена в «весьма секретном» рапорте варшавского обер-полицмейстера Муханова от 2(14) августа. В рапорте говорится: «По поводу разыскания револьвера[20], украденного у помощника заведующего политическими арестантами в Александровской цитадели, поручика Горжевского, оказалось необходимым произвести обыск у штабс-капитана […] Домбровского по тому уважению, что он находился в знакомстве с девицами Петровскими, на одну из коих падает подозрение в похищении означенного револьвера. Кроме того, замечено, что Домбровский ежедневно посещал Петровских по два раза в определенные часы […]. У Домбровского найдено: его собственный портрет в кунтуше, список тринадцати подозрительных лиц, листок с условным обозначением некоторых слов для употребления в запрещенной переписке, тетрадь перевода тактики на польский язык[21], несколько писем обыкновенного содержания, стрелковый форменный штуцер и револьвер. Вследствие сего штабс-капитан Домбровский арестован…» Из написанного через несколько дней отношения обер-квартирмейстера штаба войск в Царстве Польском Чернецкого, сообщавшего о случившемся в Петербург и требовавшего лишить Домбровского звания офицера генерального штаба, выясняется еще одна деталь. Оказывается, обер-полицмейстер Муханов решился на обыск и арест не сразу: он через своих агентов какое-то время «неусыпно следил» за Домбровским.

В последнем из названных документов сообщается, что Домбровский после ареста сначала был доставлен в Ордонанс-Гауз, а оттуда его перевели в Десятый павильон Варшавской цитадели. Это вполне согласуется с воспоминаниями Домбровской. Там говорится, что арестованного Ярослава сначала отвезли в военный лагерь на Саксонской площади, потом переправили в Цитадель.

Трудно сказать, о чем думал Домбровский, въезжая под конвоем в ту крепость, которую он предполагал взять с бою во главе повстанческих отрядов. Вероятно, настроение у него не было радужным. Но отчаиваться он не мог — это было совершенно не в его характере. Да для отчаяния, собственно, и не было оснований. Серьезных улик против него царские власти в тот момент не имели, и Домбровский хорошо знал об этом. Что же касается своих действий перед арестом, то ему не о чем было

жалеть и не в чем раскаиваться. За полгода работы в варшавском подполье Домбровский сделал так много, как ни один из остальных деятелей конспирации, не исключая, пожалуй, и его ближайшего соратника Игнация Хмеленского. Сделать больше было не в человеческих - силах, и сознание этого должно было успокаивать схваченного врагами, но не сломленного борца.

ГЛАВА ПЯТАЯ
НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНЫЙ АРЕСТАНТ

Огромная, построенная по последнему слову военно-инженерного искусства Варшавская цитадель была в те годы хорошо известна каждому поляку как символ иноземного угнетения его родины. Она появилась после грозных для царизма событий 1830–1831 годов и была предназначена для того, чтобы сделать невозможным их повторение. Крепость имела около 550 орудий, ее гарнизон достигал почти 14 тысяч солдат. Мрачная слава Цитадели усиливалась тем, что одна из ее построек, получившая название Десятого павильона, сразу же стала использоваться в качестве главной политической тюрьмы Царства Польского, находившейся при постоянно действующей следственной комиссии. До Домбровского здесь побывали многие известные деятели польского освободительного движения. Здесь сидели Кароль Левиту, Петр Сцегенный, Генрик Каменский, Цельс Левицкий, Генрик Краевский. Всего за 40-е и 50-е годы прошлого века через это страшное место прошло около 4 тысяч человек. Некоторые из заключенных умерли во время следствия, сотни попали после его окончания на каторгу, тысячи оказались в ссылке или были наказаны как-то по-иному.

Здание Десятого павильона сохранилось — сейчас в нем создан историко-революционный музей, аналогичный ленинградскому музею в Петропавловской крепости. Здание это двухэтажное, построенное в форме несколько растянутой буквы «П». Свободная сторона прямоугольника, образованного ее сторонами, прикрывалась караульным помещением (кордегардией) и высокой стеной, в которой было сделано двое ворот — справа и слева от кордегардии. Внутренний двор был крепким забором разделен на три части. Одна из них, примыкающая к въездным воротам, играла роль «гостиной», откуда вели двери в канцелярию следственной комиссии и к помещениям заключенных. Другая часть примыкала к выездным воротам; здесь была расположена кузница, где каторжников заковывали в кандалы перед отправкой в Сибирь. Наконец, третья часть, расположенная за двумя первыми и образующая как бы второй внутренний двор, служила Для прогулок арестантов. В левом крыле здания располагались: внизу — комната ожидания для посетителей, имеющих разрешение на свидание с заключенными, и кухня, а на втором этаже — перегороженные решеткой помещения для свиданий и канцелярия. Самую

большую в здании угловую комнату наверху занимала следственная комиссия. На каждом этаже было по одному карцеру (каменная темная щель, в которой можно только стоять) и по два ретирадных места, которые, несмотря на все старания караульных, использовались заключенными для обмена записочками и потому назывались в шутку «почтовыми отделениями». Все остальное было занято камерами, выходившими с обеих сторон в неширокие коридоры. Наиболее важных с точки зрения комиссии арестантов помещали в одиночки, остальными набивали до отказа чуть-чуть более просторные общие камеры. Многочисленная внутренняя охрана из полицейских солдат и жандармов занимала место у выходов и лестничных площадок.

Камера Домбровского находилась на втором этаже; она была второй слева на внутренней стороне той части здания, которая образует верхнюю перекладину буквы «П». Окно из нее выходило на кусок внутреннего двора, отведенный для прогулок арестантов. Тогда это играло определенную роль, поскольку окна еще не были забраны изобретенными позже высокими козырьками, оставлявшими открытыми только кусочек неба. По пути в комнату следственной комиссии Домбровский проходил вдоль всего коридора второго этажа, мимо «почтового отделения», мимо лестницы, по которой заключенных второго этажа выводили на прогулку. Путь в помещения для свиданий и в канцелярию вел мимо зловещей двери карцера, из которого нередко глухо раздавались стоны и крики очередного мученика. Как офицер, вина которого еще не доказана, Домбровский содержался первое время на самом мягком режиме. В таком же положении оказался организатор Повонзковской панихиды Огородников, дневник которого излагает первые впечатления его автора от Десятого павильона.

Процедура приема узника начиналась с беседы коменданта генерал-майора Ермолова. «Когда я вошел, — рассказывает Огородников, — он сидел и писал, вероятно, приказ о принятии меня в Десятый павильон […]. Кончив писать, комендант отдал записку писарю и приказал меня посадить «к Жучковскому» […]. Комендант раскланялся, и мы вышли в сопровождении писаря, вооруженного предписанием принять меня в лоно Десятого павильона […]. Подошедши к деревянной браме […], я вспомнил [надпись] над вратами ада [у] Данте и громко произнес:- «Оставь надежду навсегда…» […]. Но благодаря судьбе надежда очень скоро возвратилась ко мне…»

«На стук, — читаем далее в дневнике, — жандармская физиономия выглянула в круглое оконце, сделанное в воротах, но

сейчас же опять спряталась. Писарь пошел в правый флигель [кордегардию. — *В. Д.*] […]. вызвал вахмистра и передал ему о приказании […]. Вахмистр […] спустя четверть часа вернулся к нам с приглашением следовать за ним. Брама затворилась — и потом три месяца уже не отворялась для меня. Темною лестницей мы вошли в слабо освещенный одним фонарем коридор. Фаланга замкнутых номеров, жандармы и часовые, мертвая тишина мрачно подействовали на меня. Я почувствовал, что меня оторвали от чего-то дорогого, родного — от жизни! Да, в эту минуту я лишился человеческих прав, прав и обязанностей гражданина надолго».

Но вот на сцене появляется зловещая фигура главного тюремщика. «В это время, — повествует дневник Огородникова, — из одного номера вышел жандармский пожилой офицер. Внутренний голос сказал мне: вот твой опекун, знакомый тебе по слухам Жучковский […]. Эта фамилия бросает меня в дрожь и действует на меня так, как бы при прикосновении к холодному телу гада.

— Мое почтение, — сказал он мне с какою-то адски вежливою улыбкою и вместе с тем голосом необыкновенно нежным — и я вспомнил голос демона к жертве. — Как ваша-с фамилия? — еще выше тоном спросил [Жучковский] меня.

— Такой-то.

— Сделайте одолжение, подождите вот в этом покое, я сейчас кончу одно дело, — и быстро вышел.

Я вошел в нумер, дверь за мной затворилась […]. Зная, что тут будут осматривать, занялся перемещением некоторых вещей из одного места в другое. Так, деньги из кармана переложил в обшлага пальто, яд спрятал в суспензориум, ключи от квартиры положил на окно. Остальные вещи были безопасные, а потому оставил их, где они были.

Наконец жандарм повел меня в соседнюю комнату, где вооруженный серебряными очками сидел над шнуровой книгой Жучковский.

— Вы, пожалуйста, извините, у нас такой порядок, чтобы осматривать поступивших сюда, а потому извольте раздеться, — обратился ко мне Жучковский, но уже не с улыбочкой, а заботливо вперив глаза в книгу.

Я молча покорился обстоятельствам. Один из жандармов, вероятно искусный и с развитыми сильно нервами в пальцах, начал ощупывать по порядку мой костюм. Отыскал деньги, но не нашел яд. Наконец дело дошло до портмоне, набитого разного рода невинными заметками. Тут-то глаза цербера необыкновенно разгорелись и разбежались по лоскуткам бумаги […]. С какой-то

жадностью пересматривал [он] каждую бумажку и записывал в книгу, но увы! — поиски были тщетны, что и отразилось на его адской физиономии».

После разговора с Жучковским и внесения необходимых данных в «шнуровую книгу» арестованного доставляли в отведенную ему камеру. Огородников, который, как и Домбровский, помещался на втором этаже, описывает свою камеру так: «Комната в семь шагов длины, в шесть — ширины, вся зеленая; окно, замазанное такою же краскою; мелкая железная решетка, и только самое верхнее стекло не замазано и форточка полуоткрыта снизу вверх. Темнота и спертый воздух были сильно ощутительны […], и я с помощью стола влез на окно. Вижу маленький дворик, где по аллее в двадцать шагов длины гуляло два штатских под присмотром часового и жандарма. Я порадовался, что позволяют арестантам гулять, и со вниманием продолжал свои наблюдения. Через десять минут увели двух штатских, в потом привели опять двух — одного военного, которого я знал (Шлиссельбургского полка Вышемирский)[22] и который был арестован в ночь по выстреле в великого князя Константина, другого — штатского. Не успел [я] хорошо всмотреться в гуляющих, как вдруг услышал сильный стук в двери. Оглядываюсь — и вижу черномазую физиономию жандарма. Я хотел сойти с окна, но в этот момент входит раскрасневшийся Жучковский.

— У нас окна не для того, чтобы лазить. Я у вас велю взять и койку и стол.

— Я этого не знал, — отвечаю ему.

— Так я вас предупреждаю, если еще раз увижу, то отберу кровать».

Рассказывая далее о первом дне своего пребывания в тюрьме, Огородников писал: «Начал по примеру предшественников вырезать на дверях свою фамилию, потом вырезал надгробный памятник с надписью фамилий рас стрелянных[23]. Инструментом для этого служил мне штифтик от пряжки брюк». На второй день Огородникова перевели в другую камеру. «Я, — говорится в дневнике, — обрадовался случаю пройтись не по комнате, да и разнообразию (в моем положении и это много значило). Последовали за жандармом и я и моя койка. Новый номер по одной выкройке. Сейчас же занялся исследованием стен; прочел зачеркнутую фамилию Сливицкого, решился и тут сделать ему памятник. В другом месте [надпись:] «Подпоручик 6-го стрелкового батальона Монастырский», вверху ноты — артист везде [остается] артистом».

Владимир Монастырский был сослуживцем и другом

Огородникова. Активный участник военной организации, он был хорошо известен и Домбровскому: в воспоминаниях Пелагии Домбровской Монастырский упомянут одним из первых в числе знакомых ей единомышленников жениха.

С момента ареста Домбровского сестры Петровские и их юная племянница начали хождение по канцеляриям различных начальственных лиц, чтобы добиться разрешения на свидание с заключенным. Сначала у них ничего не получалось — свидания разрешались только ближайшим родственникам: отцу, матери, жене и детям арестованного. Пелагия пошла к коменданту города престарелому князю Бебутову, лично знавшему Домбровского, рассказала, что он арестован, и заявила, что она его невеста. Бебутов, по-видимому, не веря в виновность своего подчиненного, посочувствовал девушке и разрешил ей свидание с женихом. «Пожалуйста, мадемуазель, — сказал князь по-французски, — идите побыстрее и утешьте своего мальчика».

Свидания, по словам Домбровской, бывали раз в неделю, и она использовала их не только и даже не столько для того, чтобы оказать нравственную поддержку своему возлюбленному (в утешениях он вовсе не нуждался), сколько для передачи ему подробной информации о том, что делается на воле. Заранее приготовленные шифрованные записочки она каждый раз умудрялась передать незаметно, придумывая для этого десятки способов, не вызывавших подозрения у присутствовавшего при свиданиях Жучковского. Ответные записки Домбровский запаковывал в маленький кусочек гусиного пера, который он заранее брал в рот и, целуя невесте руку, с помощью языка осторожно просовывал такой «пост-пакет» между дрожащими пальчиками девушки. Позже, когда было получено разрешение на передачу книг, стало легче. Теперь почта в оба конца зашифровывалась с помощью текста: условленным способом в разных местах отмечались (слегка накалывались) буквы, из которых складывались слова и целые фразы. Времени это отнимало много, но зато гарантировало регулярное сообщение Домбровского с внешним миром. Разумеется, книги не возвращались непрочитанными. Не случайно Домбровская подчеркнула в своих воспоминаниях, что познания ее мужа в значительной мере добыты или пополнены чтением, размышлениями и умственной работой во время долгого тюремного одиночества.

Какая-то часть новостей поступала к Домбровскому через вновь прибывающих арестантов и через других заключенных, которым разрешали свидания и которые как могли пользовались ими. Для передачи записок относительно невинного содержания

прибегали к услугам охраны, среди которой встречались отдельные лица, помогавшие узникам либо из сочувствия, либо за деньги или выпивку. Более верным способом был обмен записками через «почтовое отделение». Заготовив и как можно компактнее упаковав записку, арестованный просился в[1] уборную и, препровожденный туда конвоиром, тщательно прятал там свое послание. Адресат шел следом и брал записку, отыскивая ее по известным ему признакам или с помощью интуиции. Поскольку Жучковский и его наиболее опытные помощники ухитрялись перехватывать такую почту, ей нельзя было доверять важные тайны. Но здесь выручали шифры, пользование эзоповским языком, а также то, что в такого рода записках адресат, конечно, не назывался, текст не подписывался, а почерк изменялся до неузнаваемости.

Самым доступным и распространенным средством общения между заключенными было, однако, перестукивание. Малоопытный в конспиративных делах Огородников натолкнулся на этот способ случайно, когда не прошло и трех дней с момента его прибытия в Цитадель. «Безнадежие, — говорится в его дневнике, — сливалось с надеждою, и тихо, постепенно перелетело мое воображение в кружки друзей, где только и жил. Да, грустно […]. Грусть давила меня. Что делать? Начал стучать в боковую стену, оттуда в ответ — тоже стук. Как я обрадовался, что хотя за стеной есть человек. Бедный! Он, может быть, тоже томится, а может быть, свыкся с своим положением. Начал стучать [снова], сосед тоже стучит в стену — вот и все удовольствие».

Через короткое время в дневнике Огородникова появляется запись, показывающая, как он овладел искусством перестукивания. «Бутный[24], — говорится в дневнике, — уже вторично сидит в Десятом павильоне. Он не замедлил передать нам[25] через отверстие бумажку с алфавитом […] для разговора посредством стука в пол и стены […]. Польская азбука разбита на пять рядов, в каждом (за исключением последнего) по пять букв […]. Например, я желаю сказать соседу: «dzień dobry» (добрый день). Буква «d» в первом ряду на четвертом месте, следовательно, нужно стукнуть раз (то есть показать ряд, в каком находится буква) и после краткой паузы — безостановочно еще четыре раза (то есть показать ее место в ряду) […]. Запретное искусство беседовать посредством стука […] усваивается так легко, что новичок уже на другой день обходится без справок с бумажкой».

Другой узник Десятого павильона, Б. Шварце, описал свое первое знакомство с тюремной азбукой в стихотворении, которое

озаглавлено «Сосед». Вот его перевод вместе с прозаическим примечанием о К. Левиту, сделанным самим автором:

Тишь камеры моей нарушил чей-то стук:
Собрат зовет меня, а я ответить не умею,
Пожаловался он иль утешал — не разумею
И слышу лишь глухих ударов звук.
Как уловить в них мысль, как проследить за нею?!
Сидевший здесь Гордон — я вспоминаю вдруг —
Об этом написал. О мой безвестный друг!
Стучи, еще стучи, теперь понять сумею
Тюремных стен язык. На нем ведь Левиту
Впервые, слышал я, здесь именно заговорил[26]
(Фамилию его нашел я на виду
Средь надписей о тех, кто до меня тут жил).
Но снова стук. Прислушиваясь, я к стене иду.
И понимаю вдруг: «Кто ты?» — сосед меня спросил.

Среди тюремных стихов Б. Шварце есть одно, посвященное Домбровскому. Оно озаглавлено «Локетек» и рассказывает о том, как Шварце удавалось общаться с Домбровским посредством тюремной азбуки, хотя их камеры не были соседними. Вот текст этого стихотворения:

Глухая ночь, лишь храп жандармов раздается
Да стражников шаги по коридорам сонным.
И кажется тюрьма пещерой, охраняемой драконом,
В ней каждая из жертв в углу своем от страха жмется.
Дзынь, снова дзынь. Ужели это звон
Далекой утренней зари — предвестник тягостной побудки,
С которой начинаются еще одни мучительные сутки?!
Нет, то Локетек — друг, он, он, ей-богу, он!
Нас с ним так много стон тюремных разделяет,
Что голос через них совсем не проникает.
Но я беру стакан, и раздается звон:
«Локетек, гей! Наемники царя нас не сломили,
Молчать же нас заставить может лишь могила.
Ну, а пока — ты жив, я тоже жив, и это все не сон!»

Домбровский имел гораздо больший конспиративный опыт, чем Огородников. Поэтому он, возможно, был знаком с искусством перестукивания еще до ареста. Во всяком случае,

Домбровский широко пользовался этим способом связи между заключенными. Кроме других источников, это подтверждается прямым свидетельством, имеющимся в воспоминаниях его жены.

С помощью всех перечисленных средств коммуникации Домбровский был полностью осведомлен о том, что делается на воле. Более того, он продолжал оказывать немалое влияние на ход событий. А события нарастали все более быстрыми темпами.

Вновь приезжающему Варшава ранней осенью 1862 года могла показаться тихим, спокойным, смирившимся городом. Не было ни многолюдных уличных шествий, ни демонстративных богослужений и пения патриотических гимнов в костелах, ни «кошачьей музыки», которой молодежь отмечала прислужников царизма, ни многих других выражений протеста, столь обычных год-полтора назад. Большинство женщин были одеты в черное, однако уже находились модницы, рискующие носить наряды не только фиолетового и других «компромиссных» тонов, но и яркие платья. Открылись театры, устраивались балы и великосветские рауты. Правда, посещались они в основном богачами, чиновниками и офицерами, действующими по приказу царского наместника и по рекомендации маркиза Велёпольского. Остальные варшавяне продолжали бойкотировать все развлечения, выражая этим протест против существующих порядков, против сотрудничества с захватчиками. Официозная печать не переставала кричать о разгроме революционного подполья, о «благоприятных» переменах в настроении польской общественности. Тем не менее Велёпольский продолжал появляться в городе только в бронированной карете под огромным конвоем конных жандармов.

Внешнее спокойствие было обманчивым. В городе и далеко за его пределами действовала хорошо законспирированная подпольная организация партии красных, продолжавшая подготовку восстания. Пустоту, образовавшуюся в ЦНК после ареста Домбровского, заполнить было очень трудно. Временно часть его функций взяли на себя другие, а затем состоялось решение ЦНК о вызове из-за границы Зыгмунта Падлевского, который вместо Домбровского должен был возглавить варшавскую городскую организацию и осуществлять связь с организацией русских офицеров в Польше.

И вот Падлевский в Варшаве, знакомится с членами ЦНК и их заместителями: с Брониславом Шварце — высоким, очень подвижным блондином с красивым лицом и большими выразительными глазами; с Агатоном Гиллером, носившим длинные, свисающие вниз усы, которые придавали его крупному носатому лицу холодное и высокомерное выражение; с

расторопным и восторженным Рольским — помощником Домбровского по городской организации, принявшим на себя часть обязанностей после его ареста. Через Рольского Падлевский устанавливает связь с руководителями и активом варшавского подполья. Теперь оно насчитывает уже около 20 тысяч человек и состоит из пяти отделов, один из которых охватывал расположенную за Вислой Прагу. Падлевский встретился с так называемыми тысяцкими, или «окренговыми», возглавлявшими конспиративные округа (в каждом отделе было по два-три округа), с некоторыми из сотских и десятских. В большинстве своем это были опытные и энергичные конспираторы, рвавшиеся в бой и требовавшие от ЦНК решительных действий. Нелегко было завоевывать их доверие новому человеку, не очень хорошо знакомому с местными условиями. Большую помощь Падлевскому оказало то, что в конспиративных кругах скоро все узнали о его старой дружбе с Домбровским: это было для него самой лучшей рекомендацией.

Значительно быстрее и легче вошел Падлевский в круг вопросов, связанных с военной организацией. Шварце, ведавший по поручению ЦНК сношениями с ней после ареста Домбровского, начал было представлять Падлевскому руководителей кружков, но оказалось, что в этом нет надобности, так как с большинством из них Падлевский был знаком еще по Петербургу. Был знаком он и с Потебней, который после возвращения из Лондона очень часто выезжал из Варшавы. Перейдя на нелегальное положение, Потебня ходил в монашеском одеянии, отрастил бороду и стал совершенно неузнаваемым.

Очень помогла Падлевскому встреча с Сераковский, задержавшимся ненадолго в Варшаве по дороге в заграничную командировку. Для него командировка одновременно была и свадебным путешествием, поскольку всего месяц назад он отпраздновал свою свадьбу с Аполлонией Далевской. Сераковский боготворил красавицу жену. Это, однако, не мешало ему проводить значительную часть времени не с ней, а с варшавскими подпольщиками.

'Он не скрывал от жены своих конспиративных связей, кое в ***чем*** она помогала ему. Однако дел было так много, что Аполлония иногда целыми днями не видела мужа, Падлевский был одним из тех, с кем Сераковский встречался наиболее часто.

О состоянии и деятельности военной организации можно было судить по ее печатным изданиям. «Суды, арестования, обыски, подозрения» — так начиналось воззвание руководящего центра организации, датированное 18 августа 1862 года. Оно было адресовано прежде всего к участникам военных кружков.

Являясь прямым откликом на арест Домбровского, воззвание стремилось предотвратить упадок духа и растерянность, которые могли появиться у его единомышленников в связи с понесенными потерями и усилением репрессий. «Не помогут казни, — говорилось в воззвании, — […], обыски не вырвут у нас мысли, перемещения[27] не расстроят общества нашего, а, напротив, помогут распространению истины». И это заявление вовсе не было пустой декларацией — рядовые члены организации воспринимали обстановку именно так. «…Положение офицеров, — писал своему другу участник кружка в саперном батальоне поручик Зелёнов, — крайне невыносимо, войска находятся под надзором полиции, недоверие, подозрения, аресты — вот все, чем награждают войска. Но это обращение служит к лучшему, оно заставляет офицеров чувствовать свое грустное, ложное положение, заставляет образовывать кружки, враждебные правительству».

Мужество и самоотверженность членов офицерской организации, созданной и окрепшей при деятельном участии Домбровского, особенно ярко проявились в составлении открытого письма царскому наместнику и кампании по сбору подписей под ним. Письмо, или адрес, как тогда называли такого рода тексты, было озаглавлено: «Его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу от русских офицеров, стоящих в Польше». Написанное в спокойной и вежливой форме, письмо фактически имело характер ультиматума. Подписавшие его офицеры резко осуждали репрессии царизма против крестьян, борющихся за землю и волю, против поляков, добивающихся своей независимости, против революционеров, помогающих и тем и другим. «Еще шаг в подобных действиях правительства, — заявляли они, — и мы не отвечаем за спокойствие в войске […]. Войско не хочет быть изменником русскому народу, но прежде всего войско не хочет быть палачом, потому что это бесчестно и позорит имя русское».

Адрес опубликовали многие заграничные издания, причем начало положил герценовский «Колокол». Под опубликованным текстом подписей не было. Объясняя это, подписавшие адрес писали: «Мы скрыли наши имена не из трусости. Мы не боимся ни наказания, ни казни. Но мы не хотим им подвергнуться бесплодно, как недавно подверглись наши честные товарищи. Мы назовемся добровольно тогда, когда убедимся, что на нашем мученичестве созиждется воля и достояние русского народа, нашего народа, который мы любим, а вместе с тем предоставится свобода польскому народу, которого терзать мы не хотим».

Адрес был задуман, по всей вероятности, еще тогда, когда

Домбровский находился на свободе. Воззвание от 18 августа содержало явный намек на подготовку этого смелого и нужного шага военной организации. Какое-то время заняла кампания сбора подписей, в которой особенную активность проявил Потебня и о ходе которой регулярно получал информацию Домбровский. Подписи собирались во всех войсковых частях, где существовали офицерские кружки. В Смоленском пехотном полку сбор подписей осуществлялся при участии поручика Константина Крупского.

Агитационно-пропагандистское значение и общественный резонанс адреса были очень значительны. Его текст еще до публикации знали даже офицеры, далекие от революционного подполья. Вслед за «Колоколом» адрес перепечатали многие европейские газеты, что, разумеется, не содействовало росту престижа царского правительства за границей. Напуганные этим военйые власти в Польше пустились на хитрость. Сначала был составлен верноподданнический «контрадрес», которым предполагалось с помощью насильственно собранных подписей доказать, что царские войска в Польше еще не вышли из подчинения императора. Затем был придуман совсем иезуитский ход: в части разослали секретный циркуляр, предлагающий потребовать от каждого офицера письменного заявления по поводу адреса. В ответ армейские революционеры срочно выпустили предостерегающее воззвание, озаглавленное «От Комитета русских офицеров в Польше».

Замечательно, что начинается оно словом «товарищи», подтверждающим распространенность этого столь привычного и дорогого нам обращения еще среди революционеров-подпольщиков начала 60-х годов прошлого века. Воззвание разъясняло задачу открытого письма к наместнику, констатировало успешное ее решение («вся сколько-нибудь свободная европейская журналистика перепечатала наш адрес и выразила свое сочувствие к нему»), высмеивало затею с «контрадресом» (в его честь «только несколько отупевших генералов прохрипело «ура»). Затем воззвание предостерегало относительно маневра, задуманного властями. «Цель этого ясна, — говорилось в воззвании, — принудить наиболее откровенных и смелых, чтобы они своими собственными донесениями дали возможность правительству обвинить и наказать их и таким образом лишить нас наиболее энергических деятелей». Наконец, воззвание кратко, но впечатляюще обрисовало перспективы движения. «Будем работать молча, без шума, не обращая внимания на все уловки нравительства, до тех пор, пока не пробьет час и пока мы не создадим силы, с которой

будем в состоянии выступить на бой с полной уверенностью в победе […]. Мы уже видим впереди зажигающуюся зарю свободы, зарю великого будущего в России».

Домбровский многое сделал для распространения идеи о необходимости и плодотворности русско-польского революционного союза. К осени 1862 года идея эта стала среди подпольщиков достаточно популярной. Все больше ее приверженцев появлялось как в польской партии красных, так и среди землевольцев в России, не говоря уж о революционной организации русских офицеров в Польше (ее существование было просто немыслимо без твердой веры участников в эту идею). Настало такое время, когда возникли условия для организационного оформления тех отношений взаимопонимания и сотрудничества, которые постепенно складывались между русскими и польскими революционерами. Этот шаг был заветной мечтой Домбровского. Договоренность о нем в принципе была достигнута между издателями «Колокола» и Потебней еще во время июльской поездки последнего в Лондон. Там же состоялись в сентябре 1862 года переговоры об идейно-политической основе совместных действий и о ближайших практических задачах русско-польского революционного союза. С русской стороны в переговорах приняли участие Герцен, Огарев и Бакунин, польская сторона была представлена членами ЦНК Падлевским, Гиллером и уполномоченным эмигрантскою Союза польской молодежи Милёвичем. В переговорах участвовал Потебня; он, кстати, привез в Лондон для публикации в «Колоколе» подлинник адреса великому князю Константину со всеми собранными под ним подписями.

Важнейшая задача переговоров заключалась в определении той политической программы, которая могла стать приемлемой как для русских, так и для польских революционеров. Изложение программы партии красных содержалось в письме ЦНК издателям «Колокола». Написанное по-русски, оно было привезено в Лондон представителями ЦНК. Гиллер зачитал это письмо, Герцен огласил набиравшееся тогда в Вольной русской типографии обращение издателей «Колокола» к Комитету русских офицеров в Польше. Третьим документом переговоров был ответ издателей «Колокола» на письмо ЦНК. Важнейшие принципиальные положения названных документов и являлись, собственно, предметом продолжавшейся несколько дней дискуссии.

Много споров возникло, в частности, при определении требований по крестьянскому вопросу. Русские революционные демократы, верившие в военно-крестьянское восстание, высказались не только за полное юридическое раскрепощение

крестьян, но и за безвозмездную передачу им всей надельной земли. Большинство польских революционеров, следовавших шляхетским традициям и боявшихся демократическим решением крестьянского вопроса отпугнуть дворянство от революции, выступали за денежную компенсацию помещикам, за оставление в их распоряжении части крестьянской земли. Опубликованный текст письма ЦНК фиксировал, что польская сторона признает «право крестьян на землю, обрабатываемую ими», при условии вознаграждения помещиков за счет будущего народного правительства. Ответное письмо издателей «Колокола» откликалось на это заявление следующими словами: «Нам легко с вами идти: вы идете от признания прав крестьян на землю, обрабатываемую ими». Тезис об обязательном вознаграждении помещиков не встретил одобрения русской стороны и потому не был повторен в ее ответе.

Еще более острые споры вызвал вопрос о литовских, белорусских и украинских территориях, входивших в независимое польское государство до 1772 года, то есть до раздела Польши между Австрией, Пруссией и Россией. Польские революционеры, боровшиеся за возрождение политической независимости своей отчизны, не признавали грабительских действий этих держав и справедливо требовали ликвидации всех договоров и конвенций, закрепляющих разделы. К сожалению, многие из них, увлекаясь, забывали о том, что значительные территории Речи Посполитой имели непольское население, которое законно претендовало на то, чтобы и его интересы не были забыты. При этом точка зрения действовавших в Польше революционеров волей или неволей оказывалась в опасной близости к позиции польских помещиков, добивавшихся восстановления страны в границах 1772 года не для чего иного, как для эксплуатации украинских, белорусских, литовских крестьян. Русские революционеры не только сочувствовали стремлениям польского народа к национальной независимости, но и готовы были оказать любую возможную помощь в ее достижении. Однако они не могли согласиться на поддержку националистического лозунга границ 1772 года и добивались, чтобы их партнеры по переговорам отказались от него публично. В результате польская сторона сформулировала свою позицию следующим образом: «Мы стремимся к восстановлению Польши в прежних ее границах, оставляя народам, в них обитающим […], полную свободу остаться в союзе с Польшею или распорядиться собою согласно их собственной воле».

Возвратившись из Лондона, Потебня и представители партии красных узнали о том, что ЦНК, оставаясь в подполье, взял на

себя функции действительного национального правительства. Решение об этом, принятое еще до лондонских переговоров, стало осуществимым после того, как по сумасбродному приказанию Велёпольского в официозных газетах была опубликована программа партии красных. Расчет на то, что ее содержание устрашающе подействует на имущие слои и оттолкнет, их от подполья, оказался совершенно ошибочным. Результат был прямо противоположным: авторитет ЦНК и притягательная сила конспирации стали возрастать еще быстрее, причем осуществление решения ЦНК явно содействовало этому. «С тех пор, — рассказывает один из очевидцев и участников событий, О. Авейде, — фаланга десятков с каждым днем неимоверно увеличивалась, пропаганда делала ужасающие успехи, общественное мнение края переходило все более и более в руки комитета, делая его мало-помалу распорядителем судеб народа». В октябре национальное правительство приняло постановление о взимании налогов на нужды подготовки восстания. Интересно, что налоги платили не только те, кто сочувствовал красным, но и белые, а также многие царские чиновники, боявшиеся подпольщиков и утратившие веру в незыблемость существующих порядков.

Сразу же по возвращении в Варшаву лондонской делегации стала известна новость, которая существенно меняла всю обстановку. Велепольский побывал в Петербурге и добился от царя разрешения провести давно задуманное им провокационное мероприятие в форме так называемого «конскрипционного» рекрутского набора. Под предлогом подготовки к крестьянской реформе Велепольский настоял на освобождении от рекрутчины деревенского населения, а в городе предложил провести набор по специальным спискам (конскрипциям), составленным полицейскими инстанциями и включавшим лиц, наиболее «неблагонадежных» в политическом отношении. Таким образом, он рассчитывал сдать в рекруты, а затем удалить за пределы Польши основную массу тех рядовых участников подпольных организаций, для обвинения которых в судебном порядке у властей не было данных. «Нарыв назрел, — говорил Велепольский, — и его надо рассечь. Восстание я подавлю в течение недели и тогда смогу управлять».

Весть о предстоящем рекрутском наборе (по-польски — бранке) привела в страшное возбуждение городскую молодежь и прежде всего участников варшавской организации партии красных. Большинство считало, что задуманную Велепольским провокацию нужно сорвать во что бы то ни стало, и требовало от руководящих деятелей подполья решения о вооруженном

восстании в день проведения набора. Более опытные и уравновешенные деятели указывали на недостаточную подготовленность восстания, на отсутствие вооружения, на просьбу русских революционеров отложить выступление до весны будущего года, когда оно может стать одновременным и повсеместным. Но эти трезвые голоса тонули в хоре тех, кому угрожала рекрутчина, их родственников и друзей, людей, искренне верящих в успех немедленного восстания, и просто крикунов-демагогов, число которых всегда быстро возрастает в кризисные моменты и без того нелегкое положение сильно осложнило появившееся неизвестно откуда воззвание от имени комитета. В нем говорилось, что подпольное руководство сумеет спасти молодежь от рекрутчины, и содержалось достаточно определенное заявление о том, что восстание должно вспыхнуть до начала набора. Теперь ЦНК был поставлен в такое положение, при котором отказ от объявления восстания в ответ на бранку грозил ему полной потерей авторитета, а возможно, и распадом многих конспиративных организаций.

В сложившихся условиях восстание конспираторов стало страшным, неотвратимым бедствием. Не потому, что они отказались от своих замыслов, а потому, что выбор момента вооруженного выступления оказывался фактически в руках злейшего врага революции маркиза Велёпольского. Этот иезуит, обнародовав указ о бранке, не спешил назвать день, когда она начнется. По имевшимся у ЦНК сведениям, взятие рекрутов намечалось на январь 1863 года, но срок мог быть и более ранним — во всяком случае, слухи об этом распространялись один за другим Предстоящий рекрутский набор цак дамоклов меч висел и над руководителями подполья, которым навязывался срок выступления, и над рядовыми подпольщиками, многие из которых знали, что они числятся в секретных списках будущих рекрутов. Это нервировало, толкало на поспешные непродуманные решения. Опасность взрыва стала настолько велика, что даже видные царские сановники пытались добиться отмены набора. Но Велепольский был непреклонен.

Падлевский, Потебня, Шварце прекрасно понимали, что спешить не надо, что враги революции стараются вызвать преждевременное, обреченное на разгром выступление, но не могли найти выхода из создавшегося положения. На чуть ли не ежедневных и очень продолжительных заседаниях ЦНК выдвигались десятки различных планов, тут же признававшихся неприемлемыми.

Дискуссии еще больше обострились, когда парижский агент ЦНК Юзеф Цверцякевич прислал текст адресованного ему письма

Герцена, категорически высказывавшегося против объявления восстания в ответ на бранку. Герцен писал: «…Произведите набор рекрутов, но не делайте демонстрации там, где нет ни малейшей надежды на успех. Через два-три года рекруты проникнутся духом свободы; они повсюду, где бы ни оказались, постараются приобщиться к общему делу. Если вы поступите сейчас иначе, вы поведете этих бедняг на заклание, как животных, и остановите движение в России еще на полвека; что же касается Польши, то в таком случае вы ее безвозвратно погубите».

Но как же быть с бранкой? Если не выступить в день набора, то влияние конспиративной организация окажется подорванным настолько, что и весной будущего года выступление будет невозможным. Однако шансы на успех восстания в ближайшее время минимальны. Это прекрасно понимали как находившиеся на свободе Падлевский и Потебня, так и сидевший в тюрьме Домбровский. Снова и снова обдумывая ситуацию, перебирая возможные варианты, они не могли найти приемлемого выхода из создавшегося положения, особенно опасного для военной организации. В конце концов было решено, чтобы Потебня и Падлевский снова поехали в Лондон и, подробно рассказав издателям «Колокола» об изменениях в обстановке, выслушали бы их советы.

Советы Герцена и Огарева были изложены в двух документах, адресованных к офицерской организации и привезенных из этой молниеносной поездки Потебней. Один из этих документов был рукописным обращением Огарева и Бакунина к армейским революционерам. «Отклоните восстание до лучшего времени соединения сил, — говорилось в нем. — Если ваши усилия окажутся бесплодными, то тут делать нечего, как покориться судьбе и принять неизбежное мученичество». Другой документ был отпечатанным в Лондоне воззванием «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше». Текст его, подготовленный Потебней, возможно при участии Домбровского, был одобрен издателями «Колокола». «Вы видите, — говорилось в воззвании, — что для нас выбора нет: мы примкнем к делу свободы». А заканчивалось оно следующим призывом ко всем офицерам русских войск в Польше: «Товарищи! Мы, на смерть идущие, вам кланяемся. От вас зависит, чтоб это была не смерть, а жизнь новая!»

Вскоре после возвращения из Лондона Падлевский и Потебня снова оказались в поезде: на этот раз они ехали в Петербург одновременно, но в разных вагонах. В кармане Падлевского лежали документы на имя путешествующего по своим делам графа Матушевича, а под подкладкой большого кожаного

бумажника были искусно спрятаны полученные в Лондоне рекомендательные письма Герцена и Бакунина. Позади остались Гродно и Вильно, Псков и Гатчина. Наконец поезд остановился в Петербурге. Выходя на привокзальную площадь, Падлевский издали заметил знакомую шапку Потебни; но из конспиративных соображений не подошел к нему и не подал виду, что его знает.

Участник кружка генштабистов и один из хороших знакомых Домбровского, Коссовский, в тот же вечер известил землевольцев о приезде представителя польских революционеров и руководителя Комитета русских офицеров в Польше. Русский центральный комитет, стоявший во главе «Земли и воли», уполномочил для ведения переговоров своих руководящих деятелей Александра Слепцова и Николая Утина. На переговорах присутствовали также Коссовский как представитель столичных офицерских кружков и Лонгин Пантелеев как представитель Петербургского комитета «Земли и воли».

Круг рассматривавшихся в Петербурге вопросов почти полностью совпадал с содержанием лондонских переговоров, только обсуждение сосредоточивалось главным образом в практически-организационной сфере. Важнейшие программные вопросы были решены без особенных дискуссий в духе согласованных в Лондоне положений. В заключительном меморандуме — единственном сохранившемся документе петербургских переговоров — последнее обстоятельство было специально отмечено. Первый пункт меморандума гласил, что основные принципы, изложенные в письме Центрального комитета к издателям «Колокола», участниками переговоров «приняты за основание союза двух народов — русского и польского».

Наиболее важные практические решения, которых настоятельно требовала сложившаяся обстановка, были связаны с организацией взаимодействия в условиях надвигающегося восстания. Русская сторона снова высказалась против преждевременного выступления, но в случае его неизбежности обещала возможное содействие; польская сторона согласилась с правомерностью такой позиции. В меморандуме достигнутую договоренность зафиксировали следующим образом: «Центральный Национальный Комитет признает, что Россия еще не так подготовлена, чтобы сопровождать восстанием польскую революцию, если только она вспыхнет в скором времени Но он рассчитывает на действенную диверсию со стороны своих русских союзников, чтобы воспрепятствовать русскому правительству послать свежие войска в Польшу». Вероятно, по предложению Пацлевского и Потебни к этому добавили еще две фразы: «Он [то

есть ЦНК. — *В. Д.*] надеется также, что умело направленная пропаганда доставит ему возможность войти в тесную связь с войсками, находящимися в настоящее время в Польше. В момент восстания эта пропаганда должна будет сосредоточиться на том, чтобы побудить войска к деятельному содействию восстанию». В свою очередь, польская сторона обязалась помогать созданию русского легиона для распространения революции в России.

В отсутствие Падлевского и Потебни ЦНК принял так называемый план дислокации взамен формально действовавшего до этого момента плана Домбровского. План дислокации предусматривал немедленный переход варшавских конскриптов[28] на нелегальное положение и от правку их из города к родственникам, знакомым или членам конспиративной организации в различных районах Польши. Осуществление плана не представляло особых трудностей, он соответствовал ожиданиям многих рядовых участников конспирации. Следуя плану дислокации, можно было, конечно, спасти тысячи людей от рекрутства, но, разъехавшись по всей Польше в одиночку или небольшими группами, конскрипты неизбежно потеряли бы связь с организацией и перестали бы существовать как серьезная сила, столь необходимая в первые дни восстания. Этого нельзя было допустить. Однако и ликвидировать план дислокации было уже невозможно. Не видя иного выхода, Падлевский вынужден был согласиться, предложив внести в план весьма существенное изменение: не распылять конскриптов, а назначить для их размещения ограниченное число удобных для партизанской войны районов — Свентокшижские горы и лесные массивы в сравнительной близости от Варшавы. Направив в эти районы будущих повстанческих командиров и снабдив собравшихся оружием, ЦНК мог создать крупные базы будущего восстания, начало которого Падлевский считал необходимым оттягивать возможно дольше.

Однако в декабре 1862 года трудно было последовательно проводить в жизнь какой-либо план, если бы даже он был принят единогласно, так как обстановка меняла сь слишком быстро и неожиданные события следовали одно за другим. 11(23) декабря царской полиции благодаря предательству удалось обнаружить подпольную типографию, помещавшуюся на улице Видок в одном дворе с ЦНК. Захватив лишь наборщика, который заявил, что работает ради денег и ничего не знает об издателях «Руха», полиция устроила засаду в помещении типографии. В этот день член ЦНК Шварце должен был зайти в типографию. Приближаясь к дому, он заметил, что его тетка, в квартире которой заседал обычно ЦНК, стоит у окна и делает ему предостерегающие знаки.

Шварце повернул назад, но было уже поздно: полицейские заметили его и бросились вдогонку. У Шварце были хотя и выписанные на чужое имя, но настоящие документы, к которым полиция не могла бы придраться. Однако он нес портфель с большой суммой принадлежавших организации денег и важными конспиративными бумагами, а в кармане у него лежал револьвер. С такими вещами никак нельзя было попадаться, это грозило прокалом не только ему лично, но и многим другим.

Выбежав на улицу Видок, Шварце свернул влево и Побежал к Маршалковской, отстреливаясь на бегу. Сразу же за углом он оказался перед входом в гостиницу «Венская» и свернул туда, мимоходом успел бросить буфетчице бумажник (не зная ее, он был уверен, что не найдется варшавянки, которая отказалась бы спрятать вещи человека, преследуемого полицией, и не ошибся); затем через внутренний ход, указанный кем-то, выбежал на проходной двор, миновав который оказался на Ерозолимских аллеях. Бросившись влево, Шварце пересек мостовую, у первого поворота свернул на Братскую и далее по Княжеской улице устремился в направлении площади Трех Крестов. Ему удалось оторваться от преследователей, и у него возникла надежда, что те собьются со следа. Но не тут-то было: какой-то барчук, совершавший утреннюю прогулку верхом, заметил беглеца и, гарцуя на рысаке, указывал запыхавшимся полицейским направление до тех пор, пока не убедился, что беглеца схватят. Тем временем, пробежав по Смольной, Шварце снова оказался на Ерозолимских аллеях и повернул в сторону пересечения этой улицы с улицей Новый Свет. Здесь полицейские настигли Шварце; он был схвачен и доставлен в Цитадель.

Арест Шварце был серьезным ударом по левому крылу ЦНК, что очень скоро дало себя знать. На следующий день после провала Шварце в Варшаву дошло известие, что в Париже французской полицией арестованы Цверцякевич, Хмеленский, Милёвич, Годлевский. Французская полиция сотрудничала с полицией царской, а арестованные знали состав ЦНК и имели у себя ряд подписанных его членами документов. Следовательно, над ЦНК нависла серьезная опасность. Гиллер и его сторонники решили воспользоваться этим, чтобы нанести еще один удар по левице красных, удалив из ЦНК Падлевского. Йод предлогом возможных арестов было принято решение о роспуске старого состава комитета и создании нового, куда «для преемственности» включались лишь некоторые из заместителей бывших его членов. Реорганизацию поручили провести Авейде, который назначил своим заместителем Гиллера и кооптировал в качестве членов ЦНК трех своих сторонников. Коалиция Авейде — Гиллер готова

была торжествовать победу, когда выяснилось, что решали они без хозяина. Варшавская городская организация признавала своим руководителем только Падлевского, а оставаясь на своем посту, он автоматически входил в ЦНК. Вскоре после описанных событий приехал в Варшаву и стал членом ЦНК замечательный революционер Стефан Бобровский — земляк Домбровского, старый знакомый Падлевского, один из его ближайших друзей и единомышленников в эмиграции.

Домбровский быстро узнавал и о петербургских переговорах, и о спорах вокруг «плана дислокации», и об изменениях в ЦНК, и тем более об аресте Шварце (его поместили в камеру, расположенную через коридор почти напротив камеры Домбровского). Стало ему известно и о том, что в конце декабря 1862 года, возвращаясь из заграничной командировки, в Варшаве проездом был Сераковский (это он привез весть об арестах в Париже).

На позицию левого крыла ЦНК влияло общественное мнение и то понимание ситуации, которое сложилось у большинства участников организации. Совещание комиссаров некоторых воеводских организаций, состоявшееся в конце декабря, обратилось в ЦНК с ультимативным требованием о том, чтобы восстание было назначено на день рекрутского набора. В этом же духе высказалось собрание руководящих деятелей варшавской городской организации, проводившееся несколько позже. Напротив, опрошенные поодиночке военные специалисты ответили ЦНК, что ранее весны завершить необходимую подготовку к восстанию невозможно, что более ранний срок обрекает его на поражение.

Столкновения вокруг вопроса о восстании имели два аспекта. Спор шел, во-первых, о том, как широко вовлекать в вооруженную борьбу трудящиеся слои населения и насколько серьезные задачи ставить перед восставшими. Левица красных выступала за широкое привлечение к восстанию народных масс, в том числе крестьянства, за проведение демократических преобразований и достижение независимости Польши путем решительного революционного действия. Гиллер, Авейде и их сторонники боялись массового восстания; вооруженную борьбу Они рассматривали как средство давления на царизм, надеясь с помощью иностранных держав добиться восстановления старой Польши и максимально ограничить неизбежные социальные преобразования. Спор шел, во-вторых, о сроках начала восстания. Представители левицы называли весну 1863 года — срок наиболее выгодный и с точки зрения положения дел в Польше и с точки зрения общероссийской ситуации. Для их идейных

противников в ЦНК нужна была вооруженная демонстрагщя, к которой можно было готовиться кое-как, ибо она ставила перед собой ограниченные цели. Естественно, что Гиллер и его единомышленники не возражали даже против более ранних сроков.

Приезд Бобровского существенно изменил соотношение сил в ЦНК. Едва ˆли не в первый же день своего присутствия на его заседаниях он произнес большую и горячую речь, в которой резко критиковал план дислокации. План этот, говорил он, может быть, спасет часть Конскриптов, но вместо них возьмут других, а авторитет и влияние конспирации в народе будут безвозвратно утеряны. Поскольку признавалось, что восстание неизбежно, Бобровский требовал энергичной подготовки к вооруженной борьбе большого масштаба, к настоящему превращению ЦНК в национальное правительства. Во время выступления Бобровского Гиллер и Марчевский демонстративно встали и вышли из комнаты. Остальные члены ЦНК согласились с программой, изложенной Бобровским.

Домбровский в переданном на волю письме также высказался за сосредоточение всех усилий на подготовке восстания и изложил свой новый план действий на первые дни борьбы, основанный на прежних принципах, но учитывающий изменившуюся обстановку. Домбровский предлагал начать борьбу с захвата крепости Модлин силами крупного отряда восставших варшавян при содействии находившихся внутри крепости участников офицерской организации. План был рассчитан до мельчайших деталей и вполне реален. Падлевский дополнил план, предложив одновременно с захватом Модлина запланировать атаку на Плоцк, с тем чтобы освобожденный город сделать резиденцией будущего национального правительства. Члены организации и конскрипты, предназначенные для атаки на Модлин и Плоцк, должны были постепенно покидать Варшаву и собираться в Кампиносской пуще и в лесных массивах близ Сероцка. Новый вариант плана был поставлен на рассмотрение ЦНК и по настоянию Бобровского и Падлевского одобрен большинством.

Таким образом, Домбровский, даже находясь в тюрьме, продолжал оставаться в строю, оя вел борьбу с неослабевающей энергией и весьма значительными результатами. Об этом, кроме всего прочего, свидетельствует небольшая вещица, захваченная при аресте Шварце. В документах она названа «трубочкой из обыкновенного гусиного пера, в котором отверстие припечатано сургучом». Трубочка содержала таинственную записку с подписью «Мефистофель». Следствие не смогло выяснить, что все это

значит. Между тем записка составляла частицу обширной тюремной переписки Домбровского, проходившей через руки его невесты. В перехваченной записке один офицер-конспиратор рекомендовался «как человек, который нетерпеливо ждет работы и на которого можно положиться», а о другом говорилось, что он «назначен на время восстания комендантом Ивангородской крепости» (разумеется, от повстанцев). А сколько таких записочек дошло до адресатов, не попав в руки к властям?! Собранные воедино, они, вероятно, показали бы, что их автор, оказавшись в тюрьме, долго еще с успехом продолжал участвовать в руководстве конспираторами, как военными, так и гражданскими.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПРИГОВОР ВЫНЕСЕН, НО ОСУЖДЕННЫЙ… БЕЖАЛ

Ночью с 22 на 23 января 1863 года в ряде населенных пунктов Царства Польского были совершены нападения на царские гарнизоны: польский народ вступил в вооруженную борьбу за свое освобождение. Восстание не было достаточно подготовлено и началось при очень невыгодном для него соотношении сил. Численность царских войск к этому времени намного превышала 100 тысяч, а повстанцев в первый момент было всего около 6 тысяч, причем вооружены они были чем попало. Поэтому даже первые, неожиданные нападения восставших не привели к захвату крупных городов. Что же касается Варшавы, то здесь серьезных попыток начать вооруженную борьбу и не предпринималось. Впоследствии число повстанцев возросло до нескольких десятков тысяч, немного улучшилось положение с оружием. Но перелома в соотношении сил не наступило и не могло наступить, так как широкие массы трудящихся не приняли участия в восстании.

Повстанческое руководство провозгласило ликвидацию крепостного права, наделение крестьян землей, право каждого поляка на основные буржуазные свободы. Однако, во-первых, аграрная программа восстания далеко не соответствовала чаяниям крестьян, а именно они составляли подавляющее большинство населения, во-вторых, эта программа последовательно проводилась в жизнь лишь немногими деятелями левого крыла партии красных. В марте 1863 года к восстанию вынуждена была присоединиться партия белых, неуклонно усиливавшая свое влияние в повстанческом правительстве — Жонде Народовом. С этого времени повстанческие декреты все чаще стали истолковываться с помещичьей точки зрения, причем дело доходило иногда до карательных мер против крестьян, добивавшихся полного осуществления декретов.

Наибольшего размаха вооруженная борьба достигла весной — летом 1863 года. Повстанцы проявляли большой героизм и самоотверженность, добивались отдельных частных успехов. В целом же к середине лета стало ясно, что шансов на победу восстания нет, хотя боевые столкновения не прекращались еще долгое время. Восстание потерпело поражение, но царизм

вынужден был пойти на серьезные уступки. Это выразилось прежде всего в том, что крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском, готовившаяся с оглядкой на аграрные декреты повстанцев, дала крестьянам гораздо больше, чем реформа 1861 года в других частях тогдашней Российской империи.

Восстание существенно повлияло на положение Домбровского. За несколько дней до начала вооруженной борьбы из Варшавы выехали, чтобы подготовить выступления на периферии, Падлевский, Потебня и многие другие товарищи Домбровского. Одновременно покинули город почти все знакомые ему члены руководящего органа партии красных, который превратился теперь в Жонд Народовый. Его представителем в Варшаве остался руководитель городской организации Стефан Бобровский. К сожалению, на третьем месяце восстания он погиб во время бессмысленной дуэли, в которую его втянул специально подосланный белыми авантюрист. Все эти изменения затрудняли связь Домбровского с волей и шаг за шагом лишали его возможности сколько-нибудь серьезно влиять на развитие событий.

Изменилось и положение дел в следственной комиссии. Большинство варшавских конспираторов, хорошо знавших Домбровского, десятки его петербургских друзей и единомышленников встали на сторону восставших и оказались командирами отрядов, повстанческими офицерами или рядовыми повстанцами. В ходе боев многие из них попали в руки карателей, а представ перед следствием и судом, далеко не все проявили необходимое мужество. Число показаний, уличающих Домбровского в антиправительственной деятельности, постепенно росло, защищаться во время допросов ему становилось все труднее.

Десятый павильон охранялся самым тщательным образом, вдобавок он был расположен внутри крепости, обнесенной стенами и кишащей солдатами. Но это не обескураживало Домбровского, который мечтал вырваться на свободу. По свидетельству жены, он разработал и подготовил два варианта побега. Оба они относятся к весне 1863 года.

Первый план, судя по воспоминаниям Домбровской, заключался в следующем. В ночное время, погасив свечу, Домбровский собирался вызвать караульных, убить сначала того, который в таких случаях входил в камеру, затем второго, остающегося для охраны незапертой двери. Одновременно через подпиленные двери выбегали предупрежденные заранее заключенные из числа наиболее надежных; все вместе они должны были атаковать внутреннюю охрану (четырех

жандармов), затем освободить остальных арестантов, вырваться из Десятого павильона, перебраться через стену крепости, переплыть Вислу и скрыться через восточное предместье Варшавы — Прагу. Для осуществления этого плана Пелагия Домбровская сумела передать жениху револьвер с патронами (их много позже во время ремонта нашли замурованными в бывшей камере Домбровского) и несколько пилок, которыми надо было заранее подпилить запоры на дверях и решетки. Побег был назначен на первый день пасхи в расчете на то, что праздничное настроение и весьма возможные возлияния притупят бдительность охранников. Но какие-то сведения о готовящемся побеге дошли до Жучковского, охрану сменили, посты усилили, и от плана пришлось отказаться.

Тяготы тюремной жизни, длительное нервное напряжение, плохие вести о ходе восстания расстроили здоровье Домбровского. Невесте удалось добиться, чтобы его перевели в тюремное отделение крепостного госпиталя. Здесь-то и возник новый план побега. Бежать предполагалось в тюремной карете, подпоив предварительно караульных чаем с ромом и опием. Напарником Домбровского, по свидетельству его жены, должен был быть еще один заключенный — Миколай Эпштейн. Его неосторожность сорвала замысел: ненужной болтовней он вызвал подозрения, и то ли буквально в назначенный день, то ли накануне Домбровского и Эпштейна досрочно вернули в их камеры.

Десятый павильон был, как уже отмечалось, следственной тюрьмой. Естественно, что следственная комиссия все это время делала свое дело. Домбровский вел себя на допросах очень умно и твердо, не делая сколько-нибудь существенных признаний и умело парируя те обвиняющие его сведения, которые поступали в комиссию. А сведения эти накапливались. Особенно опасными для Домбровского могли быть показания Коссовского, Миладовского, Варавского, Васьковского: их признания позволили бы следствию вскрыть действительную роль Домбровского в петербургском подполье. Опасаясь, что комиссия узнает и о подлинных масштабах его деятельности в Варшаве, Домбровский настаивал на ускорении окончательного решения по его делу.

Но прежде чем состоялось это решение, произошло одно событие, вообще-то не такое уж исключительное, но для истории Десятого павильона Варшавской цитадели совершенно необычное, пожалуй, единственное в своем роде. Речь идет о свадьбе арестанта Домбровского с его находившейся на свободе нареченной Пелагией Згличинской. Она состоялась 24 марта (5

апреля) 1864 года в том самом помещении, где «трудилась в ноте лица» следственная комиссия, где судили таких преступников, которых предпочитали не вывозить лишний раз за пределы Десятого павильона. Это была сравнительно большая прямоугольная комната — самое просторное и опрятное помещение в тюремном здании. В дальнем конце комнаты под огромным портретом царя и двуглавым орлом стоял длинный и широкий стол, накрытый зеленым сукном, за ним — несколько стульев: один, с высокой спинкой, — для председателя и несколько нормальной высоты — для членов комиссии. В стороне находился еще небольшой столик со стулом для аудитора (то есть секретаря комиссии) и с принесенным из камеры плохо обструганным табуретом для заключенного. Вероятно, во время свадьбы все оставалось на своих местах, потому что другой мебели взять было негде, да и едва ли это разрешили бы; может быть, лишь несколько тюремных табуретов были принесены дополнительно на всякий случай.

Пелагия Домбровская подробно описала в своих воспоминаниях не только хлопоты о разрешении венчаться, но и само венчанье. Обряд начался в три часа дня. «Ярослав, — вспоминает Домбровская, — в полной форме […], с кавказскими орденами выглядел восхитительно. Моя одежда складывалась из очень скромного белого платья и вуали, как полагается невесте в таких необыкновенных обстоятельствах». Посаженым отцом у невесты был ее дядя Лоходович, посаженой матерью — тетя Лоходовичева из Петровских. Со стороны невесты и со стороны жениха были дружки. Присутствовали гости — друзья и знакомые венчающихся, всего человек двадцать. Через два часа после свадебного обряда караульным было приказано отвести «молодого» в его «номер», а «молодую» под конвоем препроводили ко входу в тюрьму, откуда она поехала домой. «Многие офицеры, друзья моего мужа — поляки и русские, — рассказывает Домбровская, — ожидали вдоль дороги в Десятый павильон, чтобы хоть издали поприветствовать меня поклоном». С дозволения начальства и за счет венчающихся в арестантские камеры были доставлены вино и закуски; оттуда допоздна слышались в тот день тосты и пение.

«Заботливость» властей простиралась так далеко, что вскоре после свадьбы они решили соединить новобрачных под одной крышей. Этого можно было достичь, освободив Ярослава. Но полиция применила иной вариант: Пелагия была арестована и ее тоже поместили в Десятый павильон. «Мое дело, — вспоминает Домбровская, — было очень мелкое, и его тянули только для того, чтобы повлиять на Ярослава». Когда Домбровскую

приговорили к ссылке, ей удалось добиться, чтобы местом ссылки была назначена Нижегородская губерния, где в Ардатове уже находились сосланные раньше сестры Петровские. 1(13) июля 1864 года Домбровский писал туда Игнаций Петровской: «О себе что же вам написать? Ничего нового, тихо и тоскливо, как всегда в тюрьме; вспоминаю прошлое, строю воздушные замки относительно будущего, наконец, читаю и читаю. Здоровье мое сейчас в наилучшем состоянии. В момент ареста Пелагии и потом чувствовал себя очень скверно, но когда все кончилось, когда воля снова овладела чувством, здоровье мое значительно поправилось […]. Это настоящее чудо, потому что именно сегодня кончилось двадцать три месяца моего заключения».

Письма, которые Домбровский писал из тюрьмы в Ардатов своей жене и ее теткам, попали позднее в руки полиции и потому дошли до нас. Это очень трогательные и интересные документы эпохи, свидетельствующие не только о высоких духовных качествах их автора, но и о том, что его представления о семейной жизни были такими же, как у других революционеров-шестидесятников. Когда читаешь эти письма, написанные по-польски и, к сожалению, еще не переведенные на русский язык, невольно вспоминаются герои Созданных в тюрьме романов Чернышевского.

В ответ на опасения жены о том, что при его «слабом телосложении» переносить тяготы тюремной жизни слишком тяжело, Домбровский писал ей: «Позволь мне задать вопрос, что, собственно, можно называть сильной комплекцией? По-моему, так можно называть организм, который не выбивают из колеи различные условия жизни. Моя комплекция с этой точки зрения выдержала тяжелые испытания: из-под знойного неба Кавказа я переместился в сырую мглу Петербурга; после военной жизни, полной физического труда, приковал себя к книжке и студенческой скамье, и это мне совсем не повредило; двухлетнее заключение я одолеваю с успехом. Так что, несмотря на кажущуюся слабость, тело мое еще многое может перенесть и в этом смысле оно достаточно сильное. Но благодаря провидению тело мое слабо настолько, что дух с легкостью над ним господствует. Будь спокойна, если меня не сломил вид твоих мучений, ничего уж меня не сломит».

Особенно трогательна забота Домбровского о том, чтобы его более юная и менее образованная подруга использовала ссылку для расширения своего кругозора. В своих письмах он не только часто писал ей о необходимости побольше читать, но и разработал для нее целую программу занятий по философии, политической экономии, психологии, истории, литературе и

иностранным языкам; присылая ей списки книг и сами книги, он просил ее пересказывать в письмах содержание прочитанного и сам писал о том, что читает. При этом он всячески старался избежать навязчивости и менторского тона. Порекомендовав в одном из писем с десяток разных книг и сообщив, что часть их он выслал, Домбровский Писал: «Во всяком случае, однако, прошу тебя, моя любимая, напиши мне, как ты найдешь мой выбор, но Только с полной искренностью и откровенностью, чтобы я по замечаниям мог приноровиться к твоему вкусу.

Прошу тебя об этом тем более, что, читая по большей части сочинения, которые для тебя ни интересными, ни полезными быть не могут, я очень легко мог ошибиться в выборе книг».

Настоятельно рекомендовал Домбровский, чтобы Пелагия занялась изучением основ политэкономии. Он писал: «Могут заметить, что эта такая наука, которая в женских занятиях не может найти применения, но разве законы мироздания не так же занимательны для нас, как для астрономов? Законы политической экономии в такой же мере занимательны для каждого мыслящего существа, ибо на них покоится развитие человечества. Ведь благосостояние составляет основу цивилизации, а эта последняя определяет нравственность. Кроме того, политическая экономия сейчас так распространена, что на каждом шагу встречаются технические выражения этой науки, и, по моему мнению, их нужно знать, чтобы не оказаться в глупом положении. Зная, как сильно в тебе стремление к знаниям, я решил воспользоваться скукой ардатовской жизни, чтобы ты прочитала сочинение, которое познакомило бы тебя как-нибудь с этим предметом. Сначала, наверное, оно покажется тебе сухим и скучным, но я уверен, что при твоем умственном развитии ты будешь потом с удовольствием изучать законы, которые уже сейчас управляют судьбами народов».

Письмо Домбровского от 31 октября (12 ноября) 1864 года так любопытно и содержательно, настолько созвучно с нашими теперешними раздумьями и дискуссиями, что привлекает особое внимание. Вот его текст, воспроизводимый почти полностью:

«Сегодняшнее мое письмо, любимая Пелагия, будет, как мне кажется, коротким, во всяком случае, я не смогу ответить на твои письма так, как желал бы, потому что хочу, чтобы написанное еще сегодня было просмотрено комиссией. Письма ваши[29] были восхитительным подарком ко дню моего рождения — благодарю вас стократно за то, что о нем помнили.

Ты видишь, моя милая старушка, что я не позволяю тебе опередить себя и, как будто устыдившись, что у меня такая старая жена, поскорее спешу окончить двадцать восьмой год своей

жизни. Очень жалею только, что ты не прислала мне из Нижнего своей фотографии […].

Твое письмо, моя дорогая, было для меня тем более приятным, что я нашел в нем несколько твоих суждений и взглядов. Такие письма позволяют нам влиять один на другого, сближают наши понятия и подготавливают то единство мыслей и чувств, которое, даст бог, будет нас когда-то воодушевлять.

Особенно понравилось мне твое мнение, «что нет такой науки, которой женщина не была бы в состоянии вонять и освоить». Я всегда именно так и думал. Когда физическая сила играла на свете огромную роль, тогда, разумеется, женщина должна была занимать зависимое, полностью подчиненное положение, более того, становилась даже какой-то игрушкой, безделушкой. Такое положение с небольшими изменениями продолжалось до нашего времени, и главной предпосылкой этого было воспитание, которое старалось развивать в женщине только то, что могло ослепить разум, что могло сделать из женщины прекрасный, но бесполезный цветок, источник очарования, но слабый, без мысли и самостоятельности.

Сейчас иные условия, сейчас уже свет стремится к тому, чтобы управляла не грубая материальная сила, а интеллект. Поэтому положение женщины должно совершенно измениться, ибо сейчас нет предпосылок, обусловивших отличия прав одного пола от прав другого пола; при этом овладение этими правами зависит от самой женщины, а полем, где они могут быть завоеваны, является ученье. Уважаю и восхищаюсь женщинами, которые открывают для своего пола дорогу к овладению специальностью, как мисс Элизабет Блейквел, так же как уважаю всех тех, которые дорогой тяжелого труда и страданий добывали для человечества новые представления. Но приобретение специальности — это вещь подчиненная. Прежде всего нужно быть человеком, человеком в подлинном значении этого слова, а потом уже стать врачом, натуралистом или правоведом.

Для женщины специальность пока еще является исключением и, вероятно, останется таковым навсегда, ибо призвание женщины — семья. По моему мнению, это призвание, такое почетное и святое, не лишает женщину человеческих и гражданских прав; напротив, освящает их; но при этом оно требует от нее образования, позволяющего как следует пользоваться своими правами. Разве без этого женщина сможет оказывать влияние на мужа? Разве будет она в состоянии воспитывать из своих детей счастливых людей и полезных членов общества? Могло это быть когда-то, когда задачей матери было вырастить богатыря, ломающего подковы, но сейчас ведь у нее иная, о! совершенно

иная задача. Ты ведь знаешь мои взгляды в данной области, мы говорили с тобой.

О моих понятиях относительно взаимоотношений между мужем и женой, о том, что я признаю здесь полное равенство прав, но это равенство может осуществиться только при одинаковом образовании. Я предполагаю равенство — иначе и быть не может, ибо я в своей возлюбленной жене хотел бы видеть не только спутницу, которая должна сделать мою жизнь приятной, но и друга, который бы понимал и разделял каждую мою мысль, каждое чувство, от которого в случае нужды я получил бы совет, опору в сомнении, утешение в несчастье.

Всегда был убежден, что в тебе, Пелагия, я нашел того человека, который способен занять именно такое место в моем сердце, и чем больше тебя узнаю, тем больше утверждается во мне это убеждение. Поэтому пусть тебя не удивляет, что письмо твое, написанное 1 октября, наполнило меня тем блаженным чувством, какое бывает, когда видишь осуществление своих мечтаний. Пиши мне о твоих занятиях, делись со мной своими успехами; кроме отрады, которую этим доставишь мне, может быть, мне что-то тебе удастся объяснить, может быть, я смогу быть тебе полезным. Ты говоришь, что чувствуешь слабость своих знаний и интеллекта. Лучшим доводом против этого является само это чувство — ведь еще Сократ сказал, что знает только то, что он ничего не знает. Кто действительно ничего не умеет, тот не учится, потому что не ощущает той жажды знаний, которая развивается в человеке все сильнее с расширением его познаний. В тебе, Пелагия, это ощущение уже есть, может быть, слишком сильное, такое сильное, что сестры опасаются, чтобы усиленная работа не подорвала твоего здоровья. Одобряю твои усилия, даже благодарю тебя, сердечно благодарю, но всякое излишество приводит к плохим последствиям — не расстраивай без нужды здоровье, опасение о котором наполняет болью сердца тех, кто тебя любит. Особенно прошу тебя, чтобы меньше читала и писала вечерами. Помни, что твои любимые глаза должны будут заменить мой, потому что мое зрение, ослабленное тюрьмой, потребует наверняка осторожности при чтении. Сейчас и то большей частью читает мне вслух мой коллега по заключению, но лишь из предосторожности, пускай это тебя вовсе не беспокоит, моя дорогая».

В августе 1864 года исполнилось два года со дня ареста Домбровского и начала следствия. А в октябре, этого года военный суд, вторично рассмотрев дело (первый приговор, вынесенный еще до свадьбы, был сразу же отменен в связи с поступлением новых обвинительных материалов), приговорил

Домбровского к расстрелу. В своей конфирмации наместник царя Ф. Ф. Берг нашел нужным несколько смягчить наказание. 2 декабря 1864 года в официозе военного министерства газете «Русский инвалид» все знавшие Домбровского — одни с сочувствием, другие со злорадством — могли прочесть, что он «за учреждение, в бытность в Санкт-Петербурге, тайного общества с целью способствовать подготовлению восстания в западном крае России, преступные сношения с членами мятежнической партии в Царстве Польском и участие в приготовительных действиях этой партии лишается чинов, дворянского достоинства, медалей в память войны 1853–1856 годов, ордена святого Станислава 3-й степени, всех прав состояния и ссылается на каторжную работу в рудниках на пятнадцать лет; имущество же его, как родовое, так и благоприобретенное [ни того, ни другого не оказалось! — *В. Д.*], конфискуется в казну».

Когда Пелагию отправляли в ссылку, у Домбровского была надежда на то, что по недостатку улик суд и вторично вынесет ему сравнительно мягкий приговор, может быть, ограничится только ссылкой. Поэтому молодожены мечтали, что им удастся добиться разрешения отбывать ссылку в одном месте. После окончательного приговора от их воздушных замков не осталось камня на камне. Сначала Домбровский собирался отложить письмо с горестным известием на более позднее время, но потом решил сообщить всю правду сразу. Отправленный из Варшавы с большой партией осужденных, он писал жене с дороги: «Предчувствия твои, возлюбленная Пелагия, исполнились, хотя и не полностью. Дело мое окончено, только еду я не в Ардатов! Пусть это тебя, однако, не тревожит и не печалит. Судьба, которая дала нам обоим столько доказательств своей благосклонности, наверняка не оставит нас и в дальнейшем. Сохраним только мужество и веру в будущее, потому что по-настоящему несчастлив лишь тот, кто падает духом, кто теряет надежду […]. Хотел написать тебе о моем приговоре ив Нижнего, но, хорошенько подумав, решил, что не имею права ничего скрывать от тебя, моя возлюбленная, хотя бы даже на короткое время. Было бы это отсутствием уверенности в твоих силах, а уверенность эта безгранична».

И судьба еще раз улыбнулась Домбровскому: 2 декабря 1864 года, то есть в тот самый день, когда «Русский инвалид» опубликовал приговор об отправке его на каторгу в Сибирь, он совершил удачный побег и не был пойман, несмотря на все старания царских ищеек Сделано это было как раз вовремя, ибо чуть ли не в день побега пришло предписание задержать Домбровского, чтобы снова предать его суду в связи с

показаниями Авейде. Этот деятель, назвавший для спасения своей шкуры сотни участников конспирации, знал далеко не обо всем, что делал Домбровский, находясь в Варшаве. Но и того, что он сообщил, было вполне достаточно для смертного приговора.

Знаменитая Владимирка, по которой при царизме совершали свой путь в Сибирь каторжники с бубновым тузом на спине, начиналась от Москвы. Каторжника Домбровского, прибывшего в Москву из Варшавы в ноябре 1864 года, поместили в пересыльной тюрьме на Колымажном дворе. Это учреждение московской полиции работало в те годы с полной нагрузкой. Оно находилось на том месте, где позже было выстроено красивое здание Музея изобразительных искусств имени Пушкина Польские повстанцы, участники крестьянских выступлений, члены землевольческих организаций — вот основные категории политических преступников, заполнявших тюрьму на Колымажном дворе. Среди них Домбровский легко находил друзей для него многие здесь были людьми одного круга, одних убеждений, одной судьбы. Особенно обрадовало Домбровского то, что нашлись друзья и среди офицеров, несущих караульную службу.

Именно с Колымажного двора и бежал Домбровский Успех побега был обеспечен, конечно, не «благосклонностью» судьбы, а хладнокровием и мужеством бежавшего, содействием заключенных и внутренней охраны и, самое главное, большой помощью со стороны московских подпольщиков. Кто-то из них доставил Домбровскому юбку и женский платок. Он сбрил заранее бороду и усы, напялил под полушубок юбку, почти скрывавшую его сапоги. Затем, завязав большой платок так, чтобы он посильнее скрывал лицо, подхватил валявшуюся без присмотра корзину и смешался с толпой точно так же одетых мелких торговок, которых впускали на территорию тюрьмы для продажи съестного и всяких мелочей. Благополучно миновав охрану, Домбровский нашел безопасный приют и получил подложные документы. По первому из них он был священником Матиловым; этот документ сделали из паспорта видного московского землевольца Николая Шатилова, искусно подчистив в нем первую букву и дописав слово «священник». Второй документ был написан на похищенном революционерами чистом бланке так называемого «указа об отставке». Бланк был заполнен на имя полковника Рихтера, после чего Домбровский пошел с указом в канцелярию московского генерал-губернатора и заявил о намерении поехать за границу. В канцелярии среди посетителей случайно отказался один из офицеров, хорошо знавший его подлинную фамилию. Беглец пережил тяжелые минуты. Однако офицер, поняв, в чем дело, промолчал, и Домбровский вышел из

канцелярии с настоящим заграничным паспортом на чужое имя.

Болеслав Шостакович, Николай Ишутин и некоторые другие из московских революционеров, допрашивавшиеся впоследствии, не имея возможности полностью отрицать свою причастность к побегу Домбровского, заявили, будто ничего не знали о Домбровском раньше и помогали ему, совершенно случайно встретив на одной из московских улиц. Трудно Поверить этой версии, явно придуманной для того, чтобы запутать следствие, потому что факты противоречат ей. Они доказывают, что побег был подготовлен извне, что Домбровский получил от московских революционеров заранее подготовленный безопасный приют, «чистые» документы, деньги и адреса петербургских единомышленников.

Оказавшись в безопасности, Домбровский решил сбить со следа полицейских ищеек. Под его диктовку Шостакович написал и отправил в Ардатов следующее письмо: «8 декабря 1864 года по поручению супруга Вашего честь имею уведомить Вас, что он, вырвавшись благополучно из рук своих мучителей в первых числах этого месяца, в настоящее время выехал уже за границу». Как и ожидал Домбровский, письмо это не попало к его жене, а было задержано полицией и в какой-то мере сбило ее с толку, заставив вести поиски во многих местах, но меньше всего в Москве, где беглец оставался еще долго.

Друзья Домбровского действительно подготовили для него безопасный отъезд за границу. Но он вовсе не собирался уезжать, оставив жену в Ардатове. Выручить Пелагию было очень трудно, так как после побега мужа она находилась не только под неусыпным наблюдением полиции, но и под присмотром специально поселенных в доме солдат. Спасти ее мог только человек с редким сочетанием смелости, хладнокровия, расчетливости. Домбровский обладал этими качествами; однако ему самому нечего было и думать о появлении в Ардатове, поскольку его приметы там наизусть знал каждый полицейский, каждый чиновник. На помощь пришел отставной офицер, бывший участник петербургских революционных кружков и армейской революционной организации в Польше, землеволец Владимир Михайлович Озеров, у которого скрывался Домбровский, когда перебрался в Петербург. Такой же хладнокровный и находчивый, как Домбровский, Озеров имел совершенно иные внешние данные, в частности, обладал огромным ростом. Он сумел разработать и осуществить настолько простой и смелый план побега, что полиция так и не смогла докопаться до истины, хотя в ее руках оказалось в конце концов достаточно данных.

Побег Домбровской не раз освещался в книгах, ему

посвящены даже несколько документальных публикаций и специальная статья. Но, пожалуй, колоритнее и точнее всего побег описан в донесении нижегородского губернатора генерала Одинцова, посланном министру внутренних дел Валуеву 25 июня 1865 года. Вот что говорилось в этом донесении:

«В дополнение к рапорту 4 июня за № 524 почитаю долгом донести о результатах полицейских поисков по следам бежавшей из г. Ардатова политической арестантки Пелагии Домбровской.

Первоначальное сведение было получено командированным по Горбатовскому тракту сельским заседателем Мироновым; он узнал из разговоров с ямщиками, что проехали двое — мужчина и женщина; по приметам последняя имеет сходство с Домбровской. Дальнейшими разведываниями объяснилось, что за Домбровской приезжал кто-то из Санкт-Петербурга с Вязниковской станции железной дороги через Муром. Этот неизвестный наперед заезжал в Ардатов, вероятно известить Домбровскую о предстоящем побеге; из Ардатова проехал в Саровский монастырь, лежащий на границе Ардатовского и Темниковского уездов, и на обратном пути, взяв Домбровскую, проехал Горбатовским трактом на Гороховецкую станцию железной дороги, откуда с поездом отправился в Москву.

Путь следования этого неизвестного до Ардатова разузнан тоже подробно. От Москвы до Мурома он ехал с мастером Выксунского завода Вильямом Плафет, который, как объясняет, сам сел в вагон в Москве, а спутник его ехал из Санкт-Петербурга. От Вязниковской станции они поехали до Мурома на вольных лошадях вместе для сбережения расходов. Кто был этот незнакомец, Плафет не знает, потому что о том его не спрашивал, а по-видимому, должен быть мещанин. Приметы его Плафет объясняет так: высокого роста, лет около двадцати семи, блондин, нос длинный, орлиный, волосы длинные, подвитые на один вал, носит эспаньолку, одет в длинный черный сюртук с белой сверху парусинной без рукавов тальмой, в черной матеревой фуражке, имел при себе только чемодан и зонтик, дорогой курил сигары.

В Муроме незнакомец пробыл 12 мая всего только четыре часа, по каковому короткому времени у него вид[30] не был спрошен. Отсюда он проехал 24 версты на почтовых лошадях, а потом нанял вольных до означенной Саровской пустыни Тамбовской губернии. Ямщик показывает, что пассажир называл себя помещиком Тверской губернии и, сколько может припомнить, имя его — Владимир Михайлович; о фамилии не спрашивал. По пути к Саровскому монастырю приехали они 13 числа в Ардатов на ночлег, который имели у дворника мещанина

Митина. С вечера пассажир ходил в аптеку (аптекарь из поляков дворянин Шанявский). На другой день утром на выезде в Саровскую пустынь он еще раз заходил к аптекарю и пробыл у него около часа.

В Саровской пустыни проезжий называл себя ротмистром Озеровым. Отсюда на обратном пути к Ардатову 16 мая он заезжал в Дивеевский женский монастырь, а в одиннадцать часов вечера проехал Ардатовом. Когда они (с ямщиком] за городом въехали на мост к селу Поляне (в двух или трех верстах от Ардатова), то на горе увидели женщину, которая сказалась странницей и просила подвезти ее до Павлова. Ямщик на это не согласился, но пассажир после некоторых разговоров со странницей на русском языке согласился взять ее до Павлова, обещав ямщику прибавить тридцать копеек до села Сакон. Женщина эта была Домбровская; она была одета в черное платье, черный бурнус, на голове черная шаль, в руках саквояж. Из Сакон 17 мая до солнечного восхода они выехали к Павлову, а в семь часов вечера были уже близ Гороховецкой станции железной дороги. Здесь на постоялом дворе крестьянина Петра Дмитриева в верхней горнице барыня переоделась в другое платье темножелтого цвета, на голову надела сетку и на глаза — синие очки. Потом очень скоро оба лица отправились на станцию железной дороги, с которой должен был тронуться тогда же поезд в Москву. По объяснению ямщиков, мужчина имел приметы: рост повыше среднего, лет не более двадцати пяти, лицо белое, чистое, глаза голубые, волосы на голове, бровях и небольших усах черные, собою худощав, одет в черном сюртуке и темной фуражке.

[…] Производящая ныне по делу о побеге Домбровской комиссия, между прочим, открыла, что дядя мужа Домбровской Фалькенгаген-Залеский — банкир; имеет свои конторы в Париже, Лондоне и Дрездене. Домбровская в разговоре с некоторыми арестантами высказывала свое предположение, что муж ее за границей и занимает частную должность у упомянутого Залеского. Поэтому следственная комиссия допускает предположение, что Домбровская бежала к мужу в какой-либо из означенных городов. На предмет розыска комиссия представила фотографический портрет Домбровской».

К подробному донесению Одинцова можно добавить, во-первых, что потомки находившихся в Ардатове поляков, в частности аптекаря Шанявского, до сих пор живут там и в соседнем Выксунском районе, а во-вторых, что следствие по неизвестной причине ухватилось за иную, изложенную в том же донесении версию. Согласно этой версии организатором побега

был отставной офицер Мирбах, также приезжавший в Ардатов и заходивший к Шанявскому для переговоров о покупке аптеки. Версия эта ничего не дала, а тем временем об Озерове успели забыть.

Воспоминания Домбровской не только называют Озерова и подтверждают приводившиеся в донесении Одинцова данные, но и сообщают некоторые любопытные дополнительные детали.

Чтобы не бросался в глаза польский акцент, Домбровская, по ее словам, решила одеться так, как одевались женщины из живших в окрестностях Ардатова семей немецких переселенцев. Дома переодеваться было нельзя, пришлось сделать это в кустах на одной окраине города, а затем идти в сопровождении молодого ссыльного Олендзского на условное место встречи, которое было расположено на другой окраине. Там группа пьяных, возвращавшихся с базара, начала приставать к ним, приняв их за парочку влюбленных. Мог бы получиться весьма опасный для замысла скандал, если бы Олендзский не догадался сыграть роль местного следователя — тоже поляка; ему удалось нагнать страха на хулиганов, и они ушли. Наконец, в одиннадцать часов вечера появился возок, колокольчик на котором, как заранее условлено, был подвязан.

Дальнейшее у Домбровской описывается примерно следующим образом[31]…

Я попрощалась с Олендзским и одна пошла по дороге. Из возка раздался грозный голос:

— Что это, почему ты одна идешь поздней ночью?

— Ах, господи, я бедная вдова, возвращаюсь домой, а подводы нанять не могла, так как просят очень дорого.

— Что же ты, не русская, верно, что так плохо говоришь по-русски?

— Нет, господин, не русская. Я немка. Что же я буду делать, если господин мне не поможет?

Наступила минута молчания, во время которой возчик сказал:

— Возьми ее, барин, она молода и ничего себе на вид.

После этого я получила приглашение Озерова сесть в возок.

Наутро около четырех часов мы оказались на берегу Оки, не без труда уговорили паромщиков нас переправить. Потом ехали очень быстро, чтобы успеть на станцию Гороховец, где поезд останавливался один раз в сутки. Успели. Озеров побежал брать билеты, а я за какими-то дверьми переодевалась: меняла немецкую одеягду на обычное платье, плед и шляпку. Уже на ходу Озеров втащил меня в вагон.

На другой день около полудня мы были в Москве. Там

пришлось пережить еще минуту страха: проверку документов. И без того огромный Озеров вдруг стал еще выше ростом, голова его была гордо поднята, взгляд грозен. Он взял меня под руку, и мы медленным шагом, оживленно разговаривая и беззаботно поглядывая в сторону полицейских, благополучно прошли мимо них. Когда мы сидели уже в пролетке, неистовая радость овладела Озеровым. Снявши фуражку, он изо всех сил закричал: «Здравствуй, матушка Москва!» Извозчик оглянулся и засмеялся, думая, что везет пьяного.

Восторженно встретившие Домбровскую московские подпольщики снабдили ее паспортом на имя Полин Дюран и усадили в петербургский поезд (Озеров ехал в другом вагоне того же поезда). В Петербурге Озеров помог Пелагии сойти с поезда и проводил ее к закрытой карете. При этом он соблюдал величайшую осторожность, чтобы скрыть от полиции предстоящее чудо: ведь Пелагия Домбровская садилась в экипаж одинокой Полин Дюран, а вышла из него полковницей Рихтер, и не одна, а под руку с своим мужем, который ждал ее в заблаговременно нанятой карете.

Прошло три дня. На палубе английского торгового парохода, отплывавшего из Петербурга, устроилась большая группа одетых в траур представителей столичной знати. Они ехали только до Кронштадта, чтобы засвидетельствовать почтение привезенному из Ниццы телу умершего наследника-цесаревича. Никто не заметил, как и где к этой группе присоединились очень моложавый и какой-то необычно щуплый отставной полковник и его совсем юная жена. Полковник почти не участвовал в изысканном разговоре, шедшем в основном на французском языке и посвященном последним светским новостям. Супруга его, кажется, и вовсе не произнесла ни одного слова; она лишь изредка отводила от мужа влюбленный взгляд подернутых влагой глаз, украшающих ее бледное одухотворенное лицо. Стоя рядом, они смотрели на купол Исаакия и Адмиралтейский шпиль, которые медленно уменьшались на горизонте. Никто не обратил внимания на то, что полковник и полковница не сошли в Кронштадте, а остались на пароходе. Матросы, глядя на них, наверное, удивлялись тому, что эта состоятельная на вид супружеская чета предпочла их судно удобному пассажирскому пароходу, отходящему на следующее утро. Но капитан ничему не удивлялся и ни о чем не спрашивал, так как пассажир предъявил заграничный паспорт на имя отставного полковника Рихтера, путешествующего с супругой, и заплатил значительную сумму денег за далеко не первоклассную каюту.

Когда пароход отчалил, поднял английский флаг и взял курс

в открытое море, Домбровские облегченно вздохнули: теперь они находились вне юрисдикции царской полиции. Однако естественная радость от сознания свободы и безопасности очень скоро сменилась тоскливым чувством, хорошо знакомым всякому, кто надолго покидал свою родную страну. Российская империя — это полицейские гонения и военные суды, каторга и ссылка, нищета и бесправие. Но это и милая сердцу отчизна, незабываемые детство и юность, друзья и родные, а главное — то святое революционное дело, которому уже отдано так много, которому оба они готовы отдать все свои силы и саму жизнь. Как наладится связь с родиной, что удастся, будучи за границей, делать для ее освобождения? Как и где найдут они свое место в том огромном неведомом мире, который раскинулся где-то там, за серо-зелеными волнами Балтики? Когда они дождутся и дождутся ли счастливого дня возвращения на родину, придется ли им увидеть и обнять оставшихся там близких людей?

Только жизнь, только будущее могли ответить на эти и бесконечную череду других вопросов, которые, конечно же, вставали перед Домбровским в тот день, когда он покидал родину. Он многого не мог знать наперед. Но он уже тогда был твердо уверен, что непременно найдет свое место среди борцов за свободу, равенство и братство, был уверен по той простой причине, что горячо желал найти это место.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
НА ЛЕВОМ КРЫЛЕ ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ

Когда пароход прибыл в Копенгаген и пассажиры сошли на берег, супружеская чета Рихтеров перестала существовать — теперь в этом камуфляже уже не было необходимости. Излагая свои первые заграничные впечатления, Домбровская противопоставляет холодный, серый, почти лишенный растительности Петербург зеленым, цветущим, благоухающим берегам Скандинавии. Думается, что это было обусловлено не столько объективно существующей разницей, сколько субъективными факторами. Вероятно, ощущение контраста создавалось и усиливалось у Домбровских теми вполне естественными чувствами, которые они испытывали. Ведь они были, наконец, вместе, находились на свободе, не имели нужды ежеминутно опасаться царских ищеек и даже во сне думать о требованиях конспирации. Впервые за много лет они могли передохнуть от забот и волнений, побыть вдвоем. Это было настоящее свадебное путешествие — запоздалое, короткое, но от этого, наверное, еще более приятное.

Домбровские совершили экскурсию по многочисленным в Скандинавии проливам и каналам, побывали в Мальме, Гётеборге и других городах, посетили Упсальский университет и осмотрели его знаменитую библиотеку. Дольше всего они задержались в Стокгольме. Здесь, по словам Домбровской, они с мужем гостили у польского эмигранта Генрика Буковского, бывали в нескольких знакомых ему шведских семьях. Стокгольм не случайно привлек Домбровского — это был один из центров российской революционной эмиграции, состоявшей из поляков, русских, финнов (Финляндия в форме Великого княжества Финляндского входила тогда в Российскую империю).

Представители польской и русской эмиграции с искренней радостью приветствовали своего нового собрала, как человека, получившего широкую известность в революционной среде. Польский эмигрантский журнал «Отчизна» посвятил этому событию специальную статью, автор которой излагал свои впечатления от встречи и разговора с Домбровским в Стокгольме. Статья подчеркивала, что Домбровский совершил побег и смог вместе с женой выехать за границу только благодаря помощи русских революционеров. Перевод статьи был через некоторое

время почти полностью опубликован в «Колоколе».

Свою остановку в Стокгольме Домбровский поспешил использовать для того, чтобы дать отповедь реакционной печати, которая изощрялась в клевете на него, на его жену и тех, кто помог им бежать, чтобы публично поблагодарить оставшихся в России друзей и попытаться снять с них подозрения. С этой целью он написал два предназначенных для печати письма.

Первое письмо было адресовано нижегородскому губернатору генералу Одинцову. «Выезд жены моей из города Ардатова, — писал Домбровский, — подаст, вероятно, повод к следствию. Что такое следствие — мне по опыту очень и очень хорошо известно. Я испытал, что следственные комиссии никогда ничего не открывают, а часто из своекорыстных видов запутывают невинных, и потому, желая отклонить подозрения и неприятности от кого бы то ни было, считаю необходимым изложить вам обстоятельства этого побега…» И далее Домбровский рассказывает выдуманную историю, из которой следует, что и побег жены и их совместный отъезд за границу подготовил и осуществил он сам, один, без чьей-либо помощи и даже без ведома самой беглянки. «…Все было так просто, — заявил он, — что тут не было нужды ни в каких сообщениях, по крайней мере в Ардатове».

Другое письмо было адресовано редактору «Московских ведомостей» М. Н. Каткову. Этот либеральничавший когда-то публицист в начале 60-х годов превратился в глашатая мыслей крайней реакции, оголтелого шовиниста и полонофоба. В писаниях Каткова злобная, граничащая с доносами клевета на русских и польских революционеров постоянно соседствовала с попытками поссорить их друг с другом на национальной, идейной и иной почве. Именно поэтому Домбровский и решил дать публичную пощечину реакционному писаке. Письмо его настолько содержательно, ярко и цельно, что трудно удержаться от того, чтобы не привести его целиком. Вот текст письма:

«Милостивый государь! В одном из номеров «Московских ведомостей» вы, извещая о моем бегстве, выразили надежду, что я буду немедленно пойман, ибо не найду убежища в России. Такое незнание своего отечества в публицисте, признаюсь вам, поразило меня удивлением. Я тогда же хотел написать вам, что надежды ваши неосновательны, но меня удержало желание фактически доказать все ничтожество правительства, которому вы удивляетесь, по крайней мере публично. Благодаря моему воспитанию я, хотя и иностранец, знаю Россию лучше вас. Я так мало опасался всевозможных ваших полиций; тайных, явных и литературных, что, отдавая полную справедливость вашим

полицейским способностям, был, однако, долго вашим соседом и видел вас очень часто. Через неделю после моего побега я мог отправиться за границу, но мне нужно было остаться в России, и я остался. Потом обстоятельства заставили меня посетить несколько важнейших русских городов, и в путешествиях этих я не встретил нигде ни малейшего препятствия. Наконец, устроив все, что было нужно, я пожелал отправиться с женой моей за границу; но хотя жена моя была в руках ваших сотрудников по части просвещения России, исполнение моего намерения не встретило никаких затруднений. Словом, в продолжение моего шестимесячного пребывания в России я жил так, как мне хотелось, и на деле доказывал русским патриотам, что в России при некоторой энергии можно сделать что угодно.

Только желание показать всем, как вообще несостоятельны ваши приговоры, заставляет меня писать человеку, старавшемуся разжечь международную вражду, опозорившему свое имя ликованием над разбоем и убийством и запятнавшему себя ложью и клеветой. Но, решившись на шаг, столь для меня неприятный, не могу не выразить здесь презрения, которое внушают всем честным людям жалкие усилия ваши и вам подобных к поддержанию невежества и насилия. Правда, удалось вам на некоторое время разбудить зверские инстинкты и фанатизм русских, но ложь и обман долго торжествовать не могут. Толпы изгнанников наших разнесли в самые глухие уголки России истинные понятия о наших усилиях и о нашем народе. Появление их повсеместно было красноречивым протестом против лжи, рассеиваемой официальными и наемными клеветниками, и пробудило человеческие чувства в душе русских.

Симпатия эта послужит основанием возрождения русского народа, и да будет она укором для вашей совести, если только ее окончательно не потушило пожатие царской руки.

Примите, милостивый государь, от меня эту новую для вас реликвию. Сохраните и ее вместе с другими для потомков ваших: они найдут в ней более правды, чем в других, и легко отличат, что она послана не после торжественного обеда.

Ярослав Домбровский.

Стокгольм, 16 июня 1865 года».

2 июля 1865 года польский перевод письма Домбровского Каткову появился в «Отчизне», 15 июля он был опубликован вместе с письмом Одинцову в «Колоколе». Оба эти издания довольно широко распространялись не только в эмиграции, но и на территории Российской империи, так что звук пощечины, нанесенной Каткову, Сразу же разнесся по всей Европе. Он был усилен перепечаткой письма Домбровского в некоторых других

изданиях, выходящих за границей, распространением в России его рукописных списков. Копия письма есть в сохранившейся части архива Каткова, следовательно, оно было вручено и лично адресату.

Письмо было адресовано не столько продажному писаке, сколько было обращено к русским друзьям и единомышленникам Домбровского. Чувство признательности к ним, вера в необходимость и плодотворность сотрудничества с ними, выраженные в письме, сохранились у Домбровского на всю жизнь. С публикации писем начались его контакты с издателями «Колокола». Подтверждением тому служит, в частности, письмо Герцену, написанное Домбровским в сентябре 1866 года и посвященное Озерову, который незадолго перед этим также вынужден был эмигрировать. «Ротмистр Озеров, — говорится в письме, — принадлежит к числу тех светлых личностей, которые мечтали в России о свободе и с самоотвержением боролись против катковщины. Ему лично я обязан своим спасением; у него я нашел приют в Петербурге, и благодаря его великодушной помощи удалось мне вырвать жену мою из ссылки. Запутанный одной из последних жертв Муравьева в процессе Каракозова[32], Озеров спасся только благодаря своей энергии и в настоящее время находится в Париже. Здесь под именем Альберта Шаховского учится он сапожному ремеслу, чтобы снискать себе какие-либо средства для жизни. Не только чувство благодарности к Владимиру Михайловичу заставляет меня писать вам эти строки, но и желание дать вам возможность употребить его для ваших трудов в России. Вы найдете в Озерове честного и мыслящего человека, горячего патриота, предприимчивого конспиратора и смелого агента. Таких, как он, людей немного, и мне остается только поздравить вас с находкой и пожалеть от души, что Озеров не поляк». Рекомендация Домбровского оказала свое воздействие: Озеров близко сошелся с издателями «Колокола», в особенности с Огаревым.

Из Стокгольма Домбровские отправились в Дрезден к дяде Ярослава — Петру Фалькенгаген-Залескому. Судя по воспоминаниям Домбровской, маршрут этой поездки проходил через Копенгаген, Киль, Альтону и Берлин. В Дрездене Домбровские задержались недолго. Затем они некоторое время находились в Бельгии, где Ярослав безуспешно искал работу, и, наконец, осенью 1865 года обосновались в Париже. Но еще до этого Домбровский по меньшей мере один раз побывал в Швейцарии, куда ездил для налаживания контактов с польскими и русскими революционными эмигрантами.

По подсчетам, сделанным в новейшем из специальных

исследований о польской политической эмиграции, ее численность во второй половине 60-х годов достигала 10 тысяч человек, причем около половины из них приходилось на Францию, а от шестисот до двух с половиной тысяч эмигрантов было в Швейцарии. Немало на швейцарской территории было также и русских политических эмигрантов. Сюда с 1865 года из Лондона перебрались издатели «Колокола», здесь находились такие руководящее деятели формально самораспустившейся «Земли и воли», как Николай Утин и Александр Серно-Соловьевич, здесь нашли себе приют многие другие землевольцы.

Во время поездки в Швейцарию, состоявшейся в августе 1865 года, важнейшая задача Домбровского состояла, по-видимому, в переговорах с издателями «Колокола». Герцена он не застал — тот путешествовал до стране. Достаточно подробного и делового разговора С Огаревым почему-то не получилось, хотя обе стороны Возлагали на него большие надежды. Огарев всячески старался ускорить приезд Герцена, но не смог: «Если и желаю твоего приезда, — писал Огарев Герцену 15 августа, — то это вовсе не для того, чтоб мешать твоему передвижению, а просто потому, что считаю твое присутствие здесь нравственной обязанностью. *Главным вопросом,* который должен быть теперь между нами, — это мое свидание с Домбровским. Это касается общего дела […] и касается так, что *время терять нельзя*». Герцен досадовал на невозможность встречи с Домбровским в Женеве, был готов поехать для этого в Цюрих.

Встреча между Герценом и Домбровским если не в этот раз, то позднее наверняка состоялась. Об этом свидетельствует, в частности, то рекомендательное письмо Домбровского к Герцену относительно Озерова, которое упоминалось выше. Что касается содержания разговора, то он, конечно, включал информацию Домбровского о деятельности русских и польских подпольщиков на родине, обсуждение возможностей дальнейшего сотрудничества их как друг с другом, так и с эмиграцией. О практических результатах встречи, к сожалению, ничего не известно.

Париж и его окрестности служили в 1865 году местом жительства для нескольких тысяч бывших участников восстания, бежавших за границу от преследований царизма. Наличие друзей и знакомых среди ранее приехавших соотечественников, относительно большее знакомство с языком[33], облегчающее возможность заработков, доброжелательное отношение французской общественности к польским эмигрантам — таковы важнейшие житейские соображения, которыми руководствовались многие поляки, оседая во Франции. Для Домбровского эти

соображения также играли роль, но главным для него было то, что именно здесь в основном сосредоточивались те активно действующие эмигрантские организации, через которые можно было поскорее включиться в революционную борьбу.

Как и многие другие польские эмигранты, которые оседали в Париже, Домбровские решили поселиться в районе, называемом Батиньоль. Ярославу вскоре удалось поступить на должность чертежника в управление одной из железных дорог (Академия генерального штаба давала в этом отношении хорошую подготовку). Заработок был невелик, сводить концы с концами было трудно. Но по сравнению с многими другими эмигрантами материальное положение Домбровских было сносным, тем более в первое время, когда еще не было детей.

Едва устроив свои житейские дела, Домбровский с головой ушел в политическую деятельность. Он поддерживал связи с французскими революционерами. Но большую часть своих сил Домбровский отдавал борьбе за сплочение польских эмигрантов вокруг последовательно демократической социальной программы, без осуществления которой было невозможно достижение независимости польского народа. Необходимость объединения польской эмиграции диктовалась сложившимися условиями. Единая организация нужна была для представительства перед французским правительством, оказывавшим кое-какую помощь эмигрантам, для распределения тех денежных средств, которые поступали из других источников. Но самое главное — организация была необходима с точки зрения морально-политической, чтобы спасти слабых от упадочнических настроений, чтобы держать в боевой готовности всех, способных продолжать освободительную борьбу. Об объединении говорили все, но далеко не все понимали, что создаваемая организация не выполнит важнейших своих задач, если, стремясь включить все направления и группировки, она откажется от четкой и отвечающей обстановке политической линии.

Возникающая организация сначала называлась Объединением польской эмиграции. Уже само это название указывало на то, что в первый момент получили перевес сторонники более или менее универсальной, но политически аморфной организации. Левые силы в результате упорной борьбы добились постепенного изменения настроений у большинства эмигрантов. Это нашло свое выражение как в уставе организации, так и в ее окончательном названии — Объединение польской демократии. События развивались следующим образом.

Сначала инициативная группа выпустила листовку с

призывом голосовать за кандидатов в так называемый Представительный комитет, который должен будет разработать проект устава и программу Объединения польской эмиграции. Голосование осуществлялось письменно, в нем участвовали эмигранты, жившие во Франции, Англии, Швейцарии, Турции и других государствах. Уже в первом туре голосования, закончившемся в июле 1866 года, были избраны Валерий Врублевский и Ярослав Домбровский. Во втором туре в голосовании участвовало 1438 человек; 1011 из них подали голос за Врублевского, несколько меньше голосовало за Домбровского. Представительный комитет включил в конечном итоге пять человек; кроме Врублевского и Домбровского, в него вошли: С. Ярмунд, Ю. Гауке-Босак и К. Жулинский.

Но это был только первый шаг к объединению. Вскоре выяснилось, что продвигаться вперед не так-то просто. Помех было много. Одной из них являлась позиция Мерославского — политического деятеля, имевшего порядочный вес в эмиграции.

Людвик Мерославский шестнадцатилетним юношей участвовал в восстании 1830–1831 годов; затем, находясь в эмиграции, приобрел известность военно-историческими трудами о нем. В 1846 году был главой готовящегося восстания поляков, подвластных Пруссии, за что приговорен прусским судом к пожизненному заключению. Освобожденный во время революции 1848 года, он сначала командовал польскими повстанцами в Познанском княжестве (прусская часть Польши), а позднее руководил революционными войсками Сицилии и армией восставших в Бадене и Пфальце (юго-западная часть Германии). В последующие годы Мерославский, обосновавшись во Франции, установил тесные контакты с бонапартистами. Стремясь подчинить себе нараставшее на польских зем лях освободительное движение, он выступал против русско-польского революционного союза. Во время восстания 1863 года с помощью своих сторонников в ЦНК он был провозглашен диктатором, но, потерпев поражение близ границы, очень скоро повернул вспять. И во время восстания 1863 года и позднее Мерославский охотно пользовался демократической фразеологией, но в действительности его взгляды были далеки от демократизма.

Когда возникло Объединение польской демократии, Мерославский сначала согласился на присоединение возглавляемого им Демократического общества к вновь создаваемой организации и даже выставил свою кандидатуру при голосовании в ее руководящий орган. Но потом он отказался от своих намерений, а когда Представительный комитет начал разработку программы, заявил, что программа им давно создана

— остается только ее выполнить. Между тем программа его была неприемлемой, и прежде всего в важнейших вопросах — аграрном и национальном; не могли быть терпимы и претензии Мерославского на диктаторскую власть в организации.

Второе осложнение возникло в связи с текстом воззвания к годовщине восстания 1830–1831 годов, появившимся в ноябре 1866 года. Воззвание, излагавшее самую общую оценку ситуации и написанное в довольно осторожных выражениях и появившееся за подписью Врублевского, Домбровского и Ярмунда, вызвало возражения правых сил в Представительном комитете и за его пределами. Особенное недовольство они высказывали по поводу двух мест. Одно из них подчеркивало, что «поляки всегда уважали свободу совести и права других народов», другое указывало на то, что нищета и бесправие народа — это результат «исключительного господства одного класса».

Возникшие разногласия не были случайными — они отражали реально существовавшие социально-политические противоречия, которые выражались в том, что в польском освободительном движении существовали три основных направления, которые можно назвать социалистическим, клерикально-аристократическим и демократическим.

Программа первого из них содержала более или менее ярко выраженные элементы различных социалистических учений. Неоднократно высказывался за социалистические (в утопическом смысле) преобразования, в частности, Юзеф Токажевич. Оценивая в статье «1863 год» опыт восстания и указывая слабые места в политике повстанческого руководства, он писал: «Если привести к общему знаменателю все, что мы сказали выше, то окажется, что восстание 1863 года погибло: 1) из-за необдуманной и неуместной, ибо опирающейся не на отечественную основу крестьянской реформы; 2) из-за того, что вместо славянско-общинно-народного революционного знамени было поднято знамя польско-демократически-шляхетское и 3) из-за предательского, антинационального руководства аристократии, которая, связавшись с правительствами[34], скомпрометировала великую историческую миссию Польши перед лицом страдающего человечества».

Идеи общинного, или «русского», социализма, восходящие к более ранним работам Герцена и Огарева, Чернышевского и Добролюбова, во второй половине 60-х годов заняли господствующее положение в России. В польском же освободительном движении они имели относительно меньшее распространение. Это обуславливалось, с одной стороны, тем, что на польских землях почти не существовало общинных отношений

в тех формах, которые были особенно характерны для России, а с другой стороны — проистекало из полной неприемлемости для многих участников польского освободительного движения того отказа от политических задач, который стал присущ общинному социализму в интерпретации русского революционного народничества, то есть примерно со второй половины 1860-х годов. Поэтому естественно, что у Токажевича были не только сторонники, но и критики.

Одним из противников доктрины общинного социализма оказался Юзеф Цверцякевич (Кард). Он довольно долго занимал пост заграничного представителя ЦНК партии красных, а в 1863 году участвовал в организации морской экспедиции к берегам восставшей Литвы. Возражая Токажевичу, Цверцякевич показывал, что община (по-польски — гмина) является институтом давно устаревшим. Он писал: «Гмина, даже такая, как ее понимают наиболее прогрессивные публицисты, не является В моих глазах идеалом общественного устройства. Хотя она и могла быть в свое время превосходной, но нынешним потребностям общественной жизни, где солидарность нужно примирять с личной свободой, она уже не отвечает. Ведь только в патриархальную эпоху труд не был в пренебрежении. Ныне мы должны вернуть достоинство труда, однако речь идет не о том, что мы должны вернуться к патриархальной жизни. Новая жизнь требует новых форм. Надо их искать, вместо того, чтобы держаться за старое».

На противоположном — правом крыле польской эмиграции находились те силы, которые в 1863 году так или иначе отождествлялись с партией белых, а также с некоторыми другими группами клерикально-аристократической окраски: все вместе они и составляли второе из названных выше направлений. Удельный вес правого крыла польского освободительного движения, штаб-квартирой которого продолжал оставаться парижский «Отель Лямбер», постепенно уменьшался. Отдельные наиболее патриотичные его деятели, оказавшиеся способными подняться над узкоклассовыми интересами и отбросить шляхетские предрассудки, эволюционировали влево, тогда как многие другие правели настолько, что не могли уже считаться участниками движения. Они отказывались от идеи национальной независимости Польши даже в самых скромных ее вариантах, отходили от политической деятельности или принимали сторону правительств тех держав, которые поработили их родину. Для оставшихся в строю основной сферой деятельности продолжали оставаться хитроумные, но несбыточные планы дипломатического воздействия на Австрию, Пруссию и Россию с тем, чтобы как-то

изменить существующий статус польских земель.

Наиболее массовым и значительным было третье направление, имевшее в целом демократический характер и являвшееся по своей программе и тактике прямым преемником партии красных периода восстания 1863 года. Умеренную часть этого направления составляли деятели типа Мерославского и Гиллера, радикальную олицетворяли деятели, которые продолжали политику, проводившуюся в 1863 году Домбровским, Хмеленским, Шварце, Падлевским, Бобровским и их соратниками.

Мировоззрение этих деятелей либо носило революционно-демократический характер, либо было переходным от революционного демократизма и различных утопически социалистических доктрин к научному социализму.

Именно в этих рамках развивалось мировоззрение и практическая деятельность Домбровского.

Вскоре после приезда в Париж Домбровский изложил свою политическую платформу и оценку сложившейся ситуации в «Открытом письме», которое датируется ноябрем 1865 года и адресовано к зарождающемуся Объединению польской эмиграции. Письмо начинается с заявления о том, что сразу же после побега из тюрьмы Домбровский установил связи с теми революционерами, которые, оставаясь в Польше и на территории Российской империи, имели мужество продолжать борьбу. «Контакт с ними, — пишет Домбровский, — позволил мне определить для себя постоянное направление деятельности в эмиграции». Ссылаясь на общественное мнение страны, он высказывал убеждение, что только так и должен поступать каждый политический эмигрант, поскольку эмиграция является лишь представительницей нации, но никогда не может и не должна диктовать ей свои решения. «Поэтому, — заявляет Домбровский, — я решительно осуждаю попытки создать в эмиграции политический орган, претендующий на то, чтобы руководить страной в ее революционных действиях».

Возражение Домбровского вызвала и та устаревшая политическая программа, на основе которой предполагалось Объединение. «Страна, — заявлял он, — […] действием декларировала нам, что теперь она стремится не только к независимости, но ее программа включает в себя полное разрешение крестьянского вопроса на основе абсолютной справедливости, равенства прав всех сословий и вероисповеданий и, наконец, призыв всех к участию в гминовладном[35] управлении страной […]. Последнее восстание открыло нам путь, по которому мы должны впредь идти, […] оно указало нам необходимость расширить наши понятия за границы

эгоистического, а в силу этого дурно понимаемого патриотизма указало на необходимость того, чтобы наши действия были проникнуты мыслью о правах человека и признанием прав других народов».

«Открытое письмо» Домбровского комментируется и дополняется в одном из его сохранившихся личных писем. Адресат письма точно не установлен (он женского пола — Домбровский называет его «милая кузина»). В своем письме к Домбровскому экзальтированная «кузина» предлагала ему перед этим либо собрать «в крае пару тысяч добровольцев» и начать партизанскую войну, либо в эмиграции создать и возглавить мощную политическую организацию. Относительно первого пожелания Домбровский ответил: «Это вещь невозможная, если бы кого-то и удалось поднять, борьба не приведет теперь ни к каким результатам». О втором пожелании он написал короче: «Общества край не хочет». Посылая «кузине» для разъяснения своих взглядов «Открытое письмо», Домбровский писал: «Вы спросите, что же я думаю делать? Сегодня ответить на этот вопрос категорично я не могу. Могу сказать только немного больше, чем в «Открытом письме», а именно, что я верю в решающую роль развертывания действий на родине и имею уже с ней некоторые связи. За такими действиями [сейчас] наблюдать нельзя, так как их первым видимым результатом должно стать освобождение Польши от врага. Говорить особо об этих действиях нет нужды, потому что излишние разговоры приносят им один вред».

Первые же политические выступления Домбровского в эмиграции вскрыли радикальность его программы, выявили его горячий темперамент и высокую принципиальность. С этой точки зрения очень интересен конец «Открытого письма». «Обстоятельства, — писал Домбровский, — позволили мне присутствовать лишь на одном заседании общества. Я хотел действовать постепенно и на этом заседании лишь указал на ошибочность принципов, на которых основано общество. Сейчас, когда стремление превратить эмиграцию в политический орган проявляется с удивительной запальчивостью, я не могу осуществить своих намерений, ибо считаю долгом оставить вашу организацию, чтобы своей принадлежностью […] не поддерживать эти бесплодные усилия».

Вокруг этого и других столь же резких и принципиальных заявлений Домбровского сразу же разгорелась ожесточенная идейная борьба. Более всего споров и нареканий вызвала его позиция по украинскому, или, если пользоваться тогдашней польской терминологией, «русинскому», вопросу, то есть вопросу

о праве украинского народа на самостоятельное решение своей судьбы, на собственную государственность. В начале 1866 года, возражая против националистических высказываний своего соотечественника графа Дунин-Ворковского, Домбровский написал «Письмо депутату Галицийского сейма», которое широко распространялось среди эмигрантов. В этом письме он горячо отстаивал и развивал соответствующие положения повстанческих декретов 1863 года. «Польская нация, — писал Домбровский, — борющаяся за независимость, превосходно поняла, что не может отказывать в независимости ни одной народности, не вооружая против себя всех тех, кому бы она отказывала в этом праве, не отрекаясь от идеи, написанной на поднятом ею знамени, не совершая самоубийства».

Еще более обоснованно и резко Домбровский сформулировал свои взгляды, отвечая в 1867 году на письмо одного из польских эмигрантов. В своем открытом письме «Гражданину Беднарчику и его политическим друзьям» Домбровский заявлял: «По моему мнению, право решать о себе имеет только сама нация, и при этом каждая нация». Отношения между Польшей и Украиной он предполагал определить «соглашением между обеими нациями»; он был уверен, что «будущий союз, возникший на основе свободы», связал бы их «не только политическими узами, но и чувством благодарности и братства». Письмо Беднарчику было написано в период подготовки выборов в комитет — руководящий орган Объединения польской эмиграции. Домбровский знал, что, формулируя так резко позицию по украинскому вопросу, он может отпугнуть немало своих сторонников. Поэтому он закончил письмо следующим образом: «Таково мое мнение. Я знаю, что оно не будет принято вами и не привлечет мне ваших голосов, но я никогда не торговал своими политическими убеждениями. Не желая быть причиной нового раскола в Объединении, я снимаю свою кандидатуру в новый комитет».

В числе оппонентов Домбровского в дискуссии по украинскому вопросу был один человек, о котором стоит сказать особо. Это Зыгмунт Милковский — известный польский писатель и политический деятель, к мнению которого прислушивались многие эмигранты. Резкое недовольство Милковского «Письмом Беднарчику» было неожиданным для Домбровского. «Ваш гнев, — писал он Милковскому, — мне тем более неприятен, что я рассчитывал на вашу поддержку в этом вопросе, поскольку Ваши воззрения на славянские дела позволяли мне думать, что историческое право Вы не считаете основой…»

Домбровский спорил с Милковским, разъяснял и отстаивал

свою позицию, делая все это с такой горячей убежденностью, которая вызывала определенную симпатию даже у тех, кто с ним спорил, и даже тогда, когда спорящие стороны оставались при собственном мнении, как это было в данном случае.

Подтверждением сказанному могут служить воспоминания Милковского, содержащие ироничную, но не лишенную симпатий характеристику Домбровского. «Ярослав Домбровский, — говорится в них, — отличался способностями исключительного характера и всепожирающей жаждой действия […]. В Париже он не сидел сложа руки, отдаваясь деятельности, которая состояла в неустанных поисках средств для борьбы за спасение, если не Польши, то России, если не России, то Франции, если не Франции, то всего человечества. Оттого получалось, что с теми из собственных соотечественников, которые «суживали» свою приверженность к Польше, да еще и «перебирали средства», он не мог идти вместе. Предназначением его было сгореть без остатка, и это предназначение целиком осуществилось».

Ирония Милковского относится к крайнему радикализму Домбровского, к его интернационалистическим убеждениям. И тут нет ничего удивительного, так как именно в этих областях у мемуариста существовали расхождения с тем, чей образ он пытался воссоздать. Что же касается безграничной преданности своим политическим идеалам и неуемной энергии, то наличие их у Домбровского подтверждалось на каждом шагу.

Первое время все свои практические планы Домбровский связывал с надеждами на подъем движения в стране. Его связи с остатками конспиративных организаций на польских землях в России, Пруссии и Австрии были, пожалуй, более разветвленными и прочными, чем у любого другого деятеля эмиграции. Однако полицейский террор усиливался, и ничего реального сделать не удавалось.

К весне 1866 года у Домбровского, да и у других эмигрантов, появились надежды, что им удастся использовать в своих интересах назревшие к этому времени австро-прусский и австро-итальянский военные конфликты. Эти конфликты, в особенности первый из них, по их мнению, нарушали европейское равновесие, могли вовлечь в игру Францию и Россию, что вновь создало бы возможность для постановки вопроса о восстановлении независимости Польши. Считая, что при этом решающее значение будет иметь вооруженное выступление на польских землях, а не внешнеполитические комбинации, Домбровский энергично принялся за подготовку к восстанию.

Началась мобилизация денежных и иных материальных средств, вербовка в польский добровольческий легион, который

поддержал бы освободительную борьбу итальянского народа, а в случае восстания в Польше был бы для него готовой военной силой. В мае 1866 года среди польских эмигрантов, причем не только в Париже, но также в Лондоне и других городах, появилась прокламация, в которой говорилось: «Всеобщая война в Европе неизбежна. Громадные силы двух врагов наших[36] близки к взаимной борьбе. Итальянское участие дает этой борьбе характер весьма важный — [характер борьбы] свободы с деспотизмом». Обстановка требует немедленного объединения польской эмиграции, заявляли авторы прокламации и предлагали следующую политическую платформу для объединения: «Польша независимая, свобода и равенство — это главное основание. Вера в собственные силы, свобода индивидуальная, гражданское равенство, свобода веры». Домбровский поставил под этой прокламацией свою подпись, он был самым энергичным из тех, кто добивался осуществления ее призывов.

Тогда же (в мае 1866 года) Домбровский начал переписку с одним из крупных деятелей правого крыла польского освободительного движения, богатым помещиком с Познанщины Яном Дзялынским. Назревающие события требуют объединения всех «хорошо мыслящих людей», писал Домбровский и просил назначить ему место и время встречи, если отношение Дзялынского «к польскому делу не переменилось». Неизвестно, состоялась ли встреча, но результатов она не принесла. Сближения тоже не последовало, хотя Домбровский позже несколько раз писал Дзялынскому, ходатайствуя о помощи одной из своих знакомых и посылая «Критический очерк войны 1866 года».

Однако приготовления оказались напрасными, так как австро-прусская война закончилась в десять дней (полным поражением Австрии), а тянувшаяся немногим дольше австро-итальянская война не создала тех коллизий общеевропейского масштаба, на которые рассчитывали польские эмигранты. Домбровский со свойственной ему быстротой переключился на осуществление других политических замыслов, но в военно-теоретическом плане он продолжал тщательно изучать ход боевых действий. Результатом этого явился значительный по объему научный труд под названием «Критический очерк войны 1866 года в Германии и Италии», опубликованный отдельным изданием на польском языке (Женева, 1868). Труд получил высокую оценку военных специалистов. Фельдмаршал Мольтке-старший, фактически командовавший прусскими войсками в 1866 году, говорил, например, одному своему знакомому поляку: «Вы имеете соотечественника, способности которого делают честь

вашему народу. Это Домбровский. Я прочитал его сочинение о последней войне, и оно является, несомненно, самой лучшей работой об этой кампании».

При изучении войны 1866 года для Домбровского главными были не только военно-теоретические проблемы, занимавшие Мольтке, но и политическая сторона дела. Домбровский прямо высказывается на этот счет в предисловии к книге, где оспаривает утверждения о том, что новое стрелковое оружие, примененное пруссаками, полностью обесценивает холодное оружие и делает невозможными в будущем любые восстания и народные войны. «Изучение таких утверждений, — писал Домбровский, — имеет для поляков чрезвычайно большое значение. Для нас эти положения являются вопросом жизни или смерти, они связаны либо с верой в собственные силы, либо с полным упадком духа […]. На чем основываются подобные приговоры? Я решительно заявляю: на полном незнакомстве с обстоятельствами последней войны».

Следовательно, речь шла о том, сохраняются ли возможности для успеха революционных войн или он исключается вовсе самим уровнем военной техники.

Вся книга являлась, по существу, ответом на этот чисто политический вопрос, очень важный для освободительного движения не только Польши, но и других стран. Ответ Домбровского оказался оптимистичным И вполне соответствующим тогдашней действительности. «…Я утверждаю, — писал он в заключительной части книги, — что война 1866 года вместо отрицательного влияния на нас, поляков, напротив, подкрепляет наши надежды […]. Ибо мы видим в ней пример того, как войско, едва поставленное под ружье, которое, собственно, было бы более правильно называть ополчением, чем армией, побеждает старую армию, хорошо обученную, которая много лет имела возможность поддерживать свои военные традиции»[37]. Правильно подмечая те социальные сдвиги, которые происходят при создании массовых буржуазных армий, Домбровский явно преувеличивал их близость к народному ополчению. Мольтке, конечно, не так хвалил бы труд Домбровского, если бы вдумался в последние его строки, звучащие так: «Только сегодня монополия защиты родины вырывается из рук старых армий, а оружие, отнятое когда-то у народа, возвращается снова в его руки. А это ведь заря, возвещающая свободу».

Именно политические выводы из военно-исторического труда Домбровского вызвали горячую полемику в польской эмигрантской печати. В полемику включились среди прочих

бывшие члены петербургского кружка генштабистов и участники восстания 1863 года Погожельский и Рыдзевский. Спор касался разных вопросов, и мнения были различны, но в целом дискуссия показала, что поставленной цели автор книги достиг. «Гражданин Домбровский, писал один из участников дискуссии, — хотел доказать и, по нашему мнению, убедительнейшим образом доказал, что победа пруссаков в 1866 году должна быть приписана не новому стрелковому оружию, а ошибкам австрийских военачальников, и прежде всего (если не исключительно) более высокому моральному уровню прусской армии и ее относительно демократической организации. Этот вывод, имеющий для революционной политики неизмеримую ценность и значение, гражданин Домбровский подкрепил убедительным обзором всех фаз кампании».

С точки зрения военной науки книга Домбровского написана безукоризненно. В ней использована масса разноязычных (прежде всего немецких) источников. Интересно отметить, что книга иллюстрирована картами, прекрасно выполненными самим автором.

В эмиграции Домбровский едва ли не ближе всех сошелся с Валерием Врублевским. О нем Домбровский много слышал во время восстания, а может быть, знал его еще до этого. Врублевский учился в Лесном институте — и нередко наезжал в Петербург во время пребывания Домбровского в Академии генерального штаба. Время и тяжелые раны, полученные во время восстания, сильно изменили облик Врублевского. Первая встреча его с Домбровским скорее всего произошла на одном из эмигрантских собраний, столь частых в те годы. Потом они встречались часто и любили рассказывать друг другу о происшествиях последних нескольких лет. Врублевского очень позабавили подробности побега Ярослава с Колымажного двора и «похищения» Пелагии из Ардатова. А Домбровские с интересом выслушали рассказ Врублевского о том, как он оказался за границей.

В конце 1863 года, когда возглавляемые Врублевским повстанцы не могли уже больше действовать на Гродненщине, он перешел во главе небольшого отряда на западный берег Буга. Но и здесь отбиваться от карателей было нелегко. В январе отряд был разбит, а Врублевский, тяжело раненный в голову и в плечо, остался в бессознательном состоянии на поле боя. Местные крестьяне подобрали его, оказали ему первую помощь и переправили в имение арендатора Ксаверия Склодовского[38], где он мог подлечиться. Раны едва-едва затянулись, а Врублевский уже решил перебраться через австрийскую границу, чтобы не

подвергать опасности приютившую его семью. Раненого переодели в женское платье и усадили в карету с племянницей Склодовского, решив в случае необходимости сказать, что она едет со своей экономкой. Опасения оказались не напрасными — путников остановил конный патруль. Фигура экономки показалась патрульным подозрительной, они решили сделать обыск в карете и проверить документы у находящихся в ней пассажиров. К счастью, подъехал офицер и приказал оставить их в покое. Когда патруль отъехал на некоторое расстояние, офицер приблизился к карете и тихо сказал «экономке»: «Приведите в порядок лицо»; потом он пришпорил коня и догнал своих подчиненных. Только взглянув на «экономку», путники поняли смысл реплики незнакомого офицера: на лице Врублевского были отчетливо заметны струйки крови, которые просачивались из открывшейся раны. Врублевский не знал ничего о спасшем его офицере, но был уверен, что он не поляк, а русский.

Домбровский и Врублевский входили в руководящий орган Объединения польской эмиграции, окончательно оформившийся в 1866 году. Сохранившиеся протоколы комитета Объединения свидетельствуют о том, что его заседания устраивались вечерами по нескольку раз в неделю на квартире одного из членов комитета; председательствовали по очереди; обсуждали самые разные вопросы: от мелких организационных и финансовых до важных программно-теоретических и политических.

Это было время, когда реакционным силам удалось почти полностью подавить освободительное движение в Польше. Многие его участники, отказавшись от надежды на завоевание демократических свобод и независимости, включились в так называемую «органическую работу»: объявили «патриотическим делом» погоню за богатством и чинами, ратовали за сосуществование с захватчиками, за соревнование с ними в экономической и культурной сферах. В «молодой эмиграции», а тем более в Объединении, сторонники «органической работы» не могли рассчитывать на понимание и поддержку. Но и помимо этого, идейных разногласий здесь было предостаточно, и Домбровский сосредоточил усилия прежде всего на том, чтобы направить мысли и действия своих товарищей на тот путь, который он считал правильным. При этом ему приходилось действовать и через руководящий орган Объединения и через его местную организацию — «Гмину Батиньоль»[39], в которую он входил.

На общем собрании Гмины Батиньоль в октябре 1866 года по предложению Погожельского и Рыдзевского было принято решение, чтобы каждый ее член письменно высказал свои

политические взгляды. Особое внимание предлагалось уделить следующим вопросам: с помощью каких средств можно добиться независимости Польши; какова задача эмиграции по отношению к стране; насколько состояние эмиграции соответствует ее политическим обязанностям; какими средствами можно направить эмиграцию на правильный путь? Домбровский написал в ответ на эти вопросы краткий, но очень выразительный программный документ, который в литературе не без основания называют «Кредо», ибо он в лаконичной форме излагает основу политических взглядов их автора.

Даже из самого вопросника, принятого Гминой Батиньоль, видно, что исходным пунктом едва ли не всех возникавших споров являлась оценка недавнего восстания. Было ли неизбежно и необходимо восстание, в чем причины его поражения, следует ли повторять попытку вооруженной борьбы — эти и многие другие, более частные вопросы постоянно обсуждались в эмигрантской среде. Домбровский не менее других ощущал горечь поражения, но он никогда не соглашался с теми, кто говорил, что не нужно было выступать, что понесенные жертвы были напрасными. В своем «Кредо», оглашенном 13(1) февраля 1867 года, он заявил: «Верую в воскресенье Польши демократической, а значит, свободной, счастливой, могучей […]. Единственным средством освобождения, соответствующим национальному достоинству и дающим гарантию свободы и независимости, признаю вооруженное народное восстание». Отсюда и определение будущих задач: «Единственной нашей задачей должно быть восстание, единственной целью — подготовка восстания».

Что касается многочисленных взаимных упреков относительно ошибок, допущенных тем или иным деятелем, в том числе им самим, то Домбровский предлагал не превращать их в орудия личных раздоров, а спокойно и тщательно изучать ошибки для извлечения опыта на будущее. Он писал:

«Край с отвращением и жалостью следит за нами. Винит он нас за неудачу последнего национального движения, за все поражения, которые имел и имеет. Очевидно, все мы в чем-либо провинились, осуществляя подготовительные работы либо участвуя в самом восстании. Одни потому, что слушали больше свое сердце, чем голос разума, и необдуманно ускоряли взрыв; другие потому, что, недостаточно веря в силы нации, парализовали предповстанческие приготовления, а потом постарались лишить движение всякой самостоятельности; третьи, стремясь занять должности, которые не могли добросовестно исполнять, потому что становились чьим-то слепым оружием и

исполняли такие приказы, вредность которых была им очевидна; четвертые потому, что, боясь взять на себя ответственность, уклонялись от обязанностей, которые с пользой могли бы выполнять. Так не будем перекладывать вину с одного на другого, признаем все наши ошибки, чтобы в строгой критике последних событий не вдаваться в личности, но извлечь опыт для себя и для края».

В изучении и оценке опыта восстания была еще одна группа вопросов, которая не могла не интересовать Домбровского. Вооружение, организация и тактика повстанческих сил, общий ход военных действий, отдельные походы и боевые столкновения, особенности партизанской войны и соотношение ее с действиями регулярных войск — все это занимало его и как революционера и как военного специалиста. Он много думал над такими вопросами, перебирая в уме памятные ему события, сопоставляя свои мысли с новинками военно-исторической и военно-теоретической литературы. В чисто специальном отношении его выводы и наблюдения всегда были не только на уровне современного ему состояния военного дела, но и во многом превосходили его. Для Домбровского, как военного мыслителя, очень характерно признание большого значения морального фактора вообще и прежде всего в революционных войнах. Моральное превосходство, по мнению Домбровского, оказывается в такого рода войнах всегда на стороне тех, кто представляет прогрессивные силы. В «Кредо», как бы предвосхищая выводы «Критического очерка войны 1866 года», он, в частности, заявлял: «…Винтовки или косы, старое вышколенное войско или повстанческие отряды — орудия одинаково страшные, если они призваны представлять прогресс, а только он может воодушевлять той духовной мощью, перед которой меркнут материальные преграды». По существу, эти мысли во многом совпадали с тем, что писали в эту эпоху Марке и Энгельс.

Возможность успеха и причины поражения восстания Домбровский определял в своем «Кредо», исходя из сложившегося у него понимания исторического прогресса. «Прогрессом, — писал он, — я называю все большее развитие справедливости как в области политической свободы и равенства, так и в отношении участия в использовании материальных благ. Чтобы наше дело не погибло, оно должно всегда соответствовать развитию прогресса, а наше национальное восстание лишь в том случае будет иметь успех, если своей программой ойо охватит наряду с независимостью введение в жизнь уже признанных политических истин. Пробуждение в людях сознания прав человека и гражданина, признание равенства этих прав для каждого без

исключения человека, распространение прав, признанных за отдельным человеком на народы, независимо от расы, наконец, воспитание сознания братства и солидарности наций — вот моральные основы нашей деятельности».

Из этих же положений Домбровский исходил в оценке общих и частных уроков закончившейся недавно вооруженной борьбы. Важнейшая причина поражения повстанцев 1863 года заключалась в относительной узости социальной базы восстания, в неспособности повстанческого руководства последовательно решить крестьянский вопрос, привлечь на свою сторону трудящихся деревни и города. Домбровский и его товарищи из левого революционно-демократического крыла польской эмиграции, отчасти осознавшие это еще в ходе событий, гораздо отчетливее оценили ситуацию после разгрома восстания. В своих устных и печатных выступлениях Домбровский не раз касался этой стороны дела. «Мой девиз: через свободу к независимости», — писал Домбровский Бернарчику. И это значило, что единственным путем воссоздания независимого польского государства он считал тот, который ведет через социальные преобразования, через ликвидацию феодально-крепостнических пережитков и прежде всего через последовательно демократическое решение крестьянского вопроса.

Домбровский был среди польских эмигрантов крупнейшим и наиболее авторитетным военным специалистом. Поэтому естественно, что вскоре после приезда он стал одним из руководителей Общества присягнувших военных. Эта организация, являвшаяся преемницей федерации военных кружков периода восстания, объединяла тех эмигрантов, которые обладали специальной военной подготовкой и имели офицерские звания. Общество заботилось о повышении квалификации его участников, изучало военный опыт восстания 1863 года, готовило отвечающие специфическим условиям освободительной борьбы польского народа воинские уставы, инструкции, наставления. Вот их далеко не полный перечень: «Об основных боевых порядках»; «Об организации важнейших частей пехоты»; «О маршах»; «Штаб полка, дивизии, корпуса, армии»; «О руководстве армией, ее организации и мобилизации»; «Основы взаимодействия трех родов оружия».

В отличие от Объединения польской эмиграции Общество присягнувших военных было сугубо конспиративной организацией. В связи с этим произошел один инцидент, в котором ярко проявились такие черты характера Домбровского, как оперативность действий и строгое соблюдение принятых на

себя обязательств. Во время пребывания в Швейцарии в 1865 году Домбровский познакомился с польским эмигрантом, секретарем одной из тамошних эмигрантских групп Юзефом Росцишевским. Из сохранившегося письма к нему, датированного началом 1866 года, выясняется следующее. Вероятно, по предварительной договоренности Домбровский послал Росцишевскому официальные полномочия для создания швейцарского отделения военного Общества. Полномочия, кажется, затерялись на почте. Принимая меры для розыска, Домбровский не отправил нового документа в связи с тем, что бывший повстанческий командир Альфонс Зейфрид заявил о своем выходе из членов Общества, хотя это запрещалось уставом, а когда суд чести пришел объявить приговор о том, что считает такие действия предательством, Зейфрид вызвал французскую полицию. «Естественно, — заканчивает письмо Домбровский, — что, представив рапорт об этом поступке руководящему совету, я жду новых указаний, о которых вы будете уведомлены без промедления».

На обязанности Домбровского в комитете Объединения польской эмиграции лежало сбережение нескольких довольно крупных партий оружия, закупленных в конце восстания и оставшихся на складах, которые были расположены преимущественно в Бельгии. На аренду и охрану помещений, на уход за оружием требовались довольно значительные суммы, а денег у эмигрантских организаций было совсем мало. В связи с этим в комитете не раз бывали резкие столкновения. Более того, возникали даже проекты о продаже оружия, за счет чего предполагалось пополнить кассу Объединения. Домбровскому не без труда удавалось проваливать такие проекты и получать деньги на сбережение оружия, столь необходимого для будущего восстания. Один или вместе с Погожельским и Рыдзевским он несколько раз выезжал в Бельгию, контролируя наличие и состояние оружия.

Неоднократные споры в комитете и за его пределами вызывали и «литовские суммы». Так называли эмигранты деньги, которые остались после закупки оружия от пожертвований, собранных во время восстания в Литве и Белоруссии. Домбровский и Врублевский неизменно выступали за сохранение их в качестве резерва для предстоящего восстания. Был, правда, случай, когда Домбровский попросил из «литовских сумм» небольшую частицу для сохранения оружия. Воспользовавшись этим и нагородив вокруг одного факта кучу домыслов, реакционные силы внутри Объединения польской эмиграции и вне его пустились в злобные инсинуации относительно того, что «литовские суммы», растрачены при участии Врублевского и

Домбровского. Естественно, что клевету подхватили не только белые из «Отеля Лямбер», но и наемный провокатор Третьего отделения Балашевич-Потоцкий.

Эта малопривлекательная фигура будет встречаться в дальнейшем изложении, поэтому расскажем о ней несколько подробнее. Выходец из бедной шляхетской семьи на Виленщине и отставной офицер одного из тех полков, в котором на рубеже 50-х и 60-х годов существовал революционный кружок, Александр Балашевич вполне мог бы быть соратником и единомышленником Домбровского. Однако он вполне сознательно избрал иной путь — должность шпика, прикрывающегося «идейными» соображениями, но фактически гнавшегося только за теми сребрениками, которые перепадали ему от царизма. Симптоматично, что Третьему отделению Балашевича рекомендовал не кто иной, как митрополит московский Филарет. Завербовался Балашевич в 1861 году, а со следующего года, получив документы на имя графа Альфреда Потоцкого, он в течение почти пятнадцати лет безвыездно жил за границей, выслеживая русских и польских революционных эмигрантов, наблюдая за их связями между собой, за их контактами с Мадзини и Гарибальди, с Марксом и Энгельсом. Одна из задач Балашевича-Потоцкого заключалась в том, чтобы оклеветать наиболее опасных революционеров, чтобы столкнуть русских с поляками. Находясь с 1864 года в Лондоне и выдавая себя за политического эмигранта, он обо всем, что ему было известно, аккуратно сообщал своим хозяевам в Петербург.

Донесения Балашевича-Потоцкого позволяют установить, что дело о «литовских суммах» всплывало на поверхность не в случайное время, а именно в те моменты, когда враги объединительного движения в демократической эмиграции собирались нанести ему очередной удар. Первый раз большая шумиха вокруг этого дела поднялась в начале 1866 года, то есть как раз тогда, когда была выдвинута идея создания Объединения польской эмиграции. В то время «литовскими суммами» ведал один из повстанческих командиров на Ковенщине, Б. Длусский-Яблоновский. Для проверки отчетности и решения вопроса о дальнейшей судьбе денег от выходцев из Литвы и Белоруссии была избрана комиссия во главе с Врублевским. Некоторые из ее участников предложили израсходовать деньги на помощь эмигрантам. Врублевскому при поддержке Домбровского удалось отстоять предложение, суть которого Балашевич-Потоцкий излагал следующим образом: «дабы сохранить капитал до будущей революции и передать […] под хранение всей эмиграции».

В августе 1866 года царский агент снова вспомнил 6 «литовских суммах» и с явным удовольствием сообщил в Петербург о слухах, будто Свентожецкий и Врублевский «ловко вынули» из них в виде займа 13 тысяч франков. Через два месяца в донесении опять фигурировали те же слухи; на этот раз сообщалось, что Свентожецкий и Врублевский уличены, но вышли из положения, взяв в долг у графа Плятера нужную сумму и внеся ее в кассу. Доходившие в Лондон клеветнические слухи распускались деятелями крайнего правого крыла эмиграции; Балашевич-Потоцкий не только доносил о них своим хозяевам из Третьего отделения, но и всячески распространял среди знакомых и через печать.

Балашевичу-Потоцкому, верно служившему царизму до 1875 года, удалось сойти со сцены неразоблаченным, и его шпионские донесения стали известны только после Октябрьской революции. А вот другой царский агент — Адольф Стемпковский, действовавший главным образом в Швейцарии, попался. Эмигранты узнали о его шпионской службе и, естественно, были страшно возмущены. Некоторые из анархистов предлагали физическую расправу, но восторжествовало предложение о предании Стемпковского эмигрантскому суду нести. Будучи членом суда, Домбровский, несмотря на свою горячую ненависть и физическое отвращение к предателю, проявил большую щепетильность в отношении формальной стороны дела. Об этом свидетельствуют его письма председателю суда Яновскому, датированные июнем — июлем 1868 года. В своих письмах Домбровский, во-первых, предлагал обставить судебную процедуру такими юридическими гарантиями, как убедительные доказательства вины, прения сторон и т. д., во-вторых, требовал вынесения специального определения о том, что эмигрантские суды не имеют права лишать гражданства, так как не являются органами, свободно избранными нацией. По мнению Домбровского, задача такого рода судов состояла в установлении вины и оглашении обнаруженных фактов для того, чтобы предостеречь эмигрантов.

На заседаниях комитета, руководившего Объединением польской эмиграции, всплывали и иные достаточно острые вопросы, в обсуждении которых Домбровский активно участвовал. Важнейшими были многочисленные дискуссии по политической программе и уставу организации: над их проектами комитет работал на протяжении всего 1867 года. В мае этого года Балашевич-Потоцкий сообщил в Петербург: «Организация главного комитета продвигается медленно. Причины тому — разлад мнений и несогласие предводителей. Проект организации,

составленный Домбровским (Ярослав), Врублевским (Валерий) и Ярмундом, встретил оппозицию, весьма сильную со стороны Свентожецкого и ксендза Жулинского…» Царский агент правильно обозначил две основные группы внутри комитета, первая из которых стояла на революционно-демократических позициях, а вторая отстаивала устаревшие принципы шляхетской революционности. Но внутри первой группы тоже не было полного единомыслия, причем Домбровский выделялся в ней, как правило, наибольшей радикальностью.

Результаты дискуссий и самостоятельных раздумий Домбровского над программными вопросами в значительной мере отразились в «Гражданском катехизисе», конспект которого он составил в конце 1867 года. Возникновение этой небольшой, но очень содержательной рукописи связано с конкурсом на «Катехизис для простого народа», который еще в 1865 году был объявлен эмигрантским Союзом польской молодежи. Домбровский, получив на отзыв один из представленных текстов, сообщил свои замечания автору — Брунону Добровольскому и сделал конспективный набросок того, что он сам считал бы необходимым изложить в «Катехизисе».

В письме Добровольскому прежде всего обращает на себя внимание антианархическая направленность поставленных вопросов и высказанных замечаний. Необоснованное отрицание роли государства в построении после революции нового общества уже входило тогда в моду. Это сказалось на представленном Домбровским тексте. Домбровский требовал от Добровольского более четких разъяснений насчет того, какой аппарат управления заменит после революции свергнутых монархов, князей, генералов и господ, насчет того, как будущая Польша будет защищать свою свободу и независимость без постоянной армии и рекрутчины. Кроме этого, Домбровский специально выделял вопрос о форме революционного правительства: должно ли оно быть коллегиальным или может быть единоличным? «Речь идет, — писал он, — о важной для нас проблеме диктатуры — несчастная эта идея настолько укоренилась в польском обществе, что стоит коснуться этого предмета».

Семь пунктов конспекта Домбровского затрагивали важнейшие общественно-политические проблемы: человек и общество; правительство — его назначение и организация; природа государственной власти и соотношение законодательных, исполнительных и судебных функций; понятие свободы применительно к личности и целому народу; формы собственности; содержание терминов «равенство» и «братство». Конспект был предельно краток. Несмотря на это, некоторые

места его представляют большой интерес. Разум и свобода составляют, по мнению Домбровского, основные потребности человека; стремление их защитить и сознание собственной слабости побуждают людей к общественной жизни; гражданские права и обязанности есть результат общественного договора, главные основы которого таковы: высшая власть принадлежит всему обществу, а каждый человек есть частица этой власти. Форму государства, основанную на принципах общинного управления, Домбровский считает лучшей формой государственной власти. В индивидуальных взаимоотношениях Домбровский за свободу личности, но против «самовольства», то есть анархии. Говоря об отношениях между народами, он заявляет: «Каждый народ имеет право на независимое существование». Все люди должны иметь равные права но отношению к обществу, а все народа! — равные права по отношению к человечеству; равенство, пишет Домбровский, есть главное основание свободы.

Самые острые устные и печатные дискуссии неизменно возникали как раз вокруг вопроса о равноправии народов, о праве каждого из них на самостоятельную государственность. Многие деятели польского освободительного движения, даже те, которые в общей форме признавали равноправие, меняли свою позицию, когда это касалось народов, подвластных когда-то Речи Посполитой, в частности украинского народа. Домбровский занимал в данном вопросе прогрессивную позицию, отстаивая ее последовательно и настойчиво. В июле 1866 года в комитете вспыхнула дискуссия по поводу текста редакционной статьи в первом номере его органа — газете «Неподлеглость». Особенно острые споры вызвал «украинский» вопрос. Домбровский, судя по протоколу заседания, подверг критике требование, чтобы все народы, населяющие территорию бывшей Речи Посполитой, слились в одну польскую нацию. Спор возобновился на заседании, состоявшемся примерно через полгода, при обсуждении вопроса о включении в герб будущей Польши в качестве символа Украины герба Киева. Домбровский занял снова такую же позицию, как и при обсуждении редакционной статьи «Неподлеглости».

После опубликования ответа Домбровского Беднарчику, о котором подробно рассказывалось выше, в комитете Объединения противоречия по «украинскому» вопросу особенно обострились. Свое несогласие с ответом выразили даже такие радикальные члены комитета и ближайшие друзья его автора, как Ярмунд и Врублевский. Домбровский упорно защищал и разъяснял изложенные им взгляды, но, убедившись в безрезультатности

своих усилий, заявил, что в сложившихся условиях он откажется войти в комитет на следующий срок. Обосновывая свое решение, Домбровский, кроме идейно-политических, приводил еще и чисто личные мотивы, «Что касается моего участия в новом составе комитета, — писал он Милковскому, — то оно совершенно невозможно. Прежде всего из-за моих семейных обстоятельств; затем я имею нужду быть свободным, деятельность же комитетская, связывавшая меня совершенно и до этого, в будущем, вероятно, связывала бы меня еще больше».

Вся эта история получила своеобразное отражение в отправляемых из Лондона донесениях царского агента Балашевича-Потоцкого. 21 сентября 1867 года он сообщал, что Домбровский, Врублевский и Ярмунд «составили новый проект устава Объединения польской эмиграции на демократических началах». Через два месяца в Петербург поступило его донесение о том, что раздоры в Объединении усилились. В декабрьском донесении говорилось уже о выборах нового состава комитета. Среди кандидатов, писал, между прочим, царский агент, фигурирует Токажевич; «его главной идеей есть союз с партией Герцена и русскими демагогами, которых он [Токажевич] называет представителями возникающей новой Молодой Руси». А далее шел текст, прямо относящийся к Домбровскому: «Неурядица в выборах вновь увеличилась по поводу предложения Домбровского «всем русинам предоставить полную свободу быть с Польшей или с Россией». Домбровский вызвал сильную бурю в среде эмиграции и, наверное, не устоит, хотя его считают весьма способным членом».

Описывая жизнь Домбровского во второй половине 60-х годов, биографы иногда слишком прочно «прикрепляют» его к Парижу. Конечно, основные политические интересы Домбровского были связаны тогда с этим городом, а денег и времени для разъездов он почти не имел. Тем не менее есть ряд неоспоримых доказательств тому, что вкус к строго законспирированным молниеносным поездкам он не утратил. Как уже говорилось, он не раз выезжал за пределы Франции для осмотра складов оружия, для установления контактов с русскими и польскими эмигрантами в Швейцарии. Есть данные о его поездках для встреч с конспираторами из Великого княжества Познанского (так назывались польские земли, принадлежавшие тогда Пруссии). Домбровский отлично знал положение дел в этой части Польши, о чем свидетельствует один из протоколов комитета Объединения польской эмиграции за октябрь 1866 года. На заседании комитета, обсуждавшем вопрос о посылке агентов на Познанщину, Домбровский настаивал, чтобы они установили

там связь, во-первых, с подпольной организацией из шляхты и интеллигенции, во-вторых, непосредственно с народом.

Донесения Балашевича-Потоцкого показывают, что в 1867 году Домбровский по меньшей мере два раза приезжал в Англию. О первой поездке упоминает донесение от 20 апреля, в котором говорится, что в Лондон для вовлечения новых членов в Объединение польской эмиграции приехал из Парижа Домбровский. По словам царского агента, он, сославшись на обострение франко-прусских отношений, «объявил, что во всей эмиграции господствует одно желание участвовать в войне и что французское правительство обещало полякам содействие деньгами и оружием. Известие это, как водится, вызвало неимоверный восторг среди эмигрантов». Свое желание участвовать в польском легионе выразили 180 человек, причем двадцать из них с экипировкой за свой счет.

Второй приезд Домбровского в Лондон состоялся в августе 1867 года. Судя по донесению Балашевича-Потоцкого, на этот раз Домбровский на собрании эмигрантов произнес речь об «образовании народа» и о пропаганде среди простонародья. «В настоящее время, — говорил он, — дабы достигнуть независимости, необходимо весь народ призвать к оружию; для достижения этой цели следует образовывать толпу [то есть воспитывать простых людей] в польском духе. Книжное образование не годится; живое слово, высказанное с братской любовью, скорее озарит ум народа». Всех желающих вести пропаганду в массах Домбровский призывал якобы ехать в Польшу и от имени Объединения польской эмиграции обещал обеспечить их деньгами. Перевод царского агента топорен, а кое-что он, конечно, переврал; но общий смысл речи все-таки ясен, тем более, что ее содержание вполне согласуется со взглядами Домбровского.

Между двумя указанными поездками 1867 года в Лондон Домбровский ездил еще в Карловы Вары; такую же поездку он совершил летом следующего года. Мы узнаем о них из писем, имеющих политическое содержание, но поездки имели сугубо частный характер: Домбровский ездил лечиться. Вообще его личная жизнь почти не освещается в письмах и других сохранившихся источниках, поэтому известно о ней очень мало. Жил он по-прежнему в Батиньоле, хотя с улицы Вавэн переехал сначала на улицу Лемерсье, потом снимал квартиру на улицах Святой Терезы и Нолле и, наконец, снова вернулся на улицу Вавэл. Семья его быстро росла: почти каждый год прибывало по ребенку, и все сыновья. Вместе с Домбровским или но соседству с ним жил его брат Теофиль, ставший довольно известным

архитектором и активно участвовавший в общественной жизни.

Некоторый свет на этот период жизни Домбровского проливает обнаруженное недавно письмо его жены сестрам Петровским. Оно датировано 3 февраля (22 января) 1869 года. В это время сестры Петровские все еще оставались в Ардатове: царизм мстил им за побег племянницы, не выпуская из ссылки. Переписка их находилась под строгим контролем, и почти все письма задерживались. Домбровская беспокоилась о здоровье родственниц, об их дальнейшей участи. Этому и посвящена большая часть коротенького, написанного бисерным почерком письма, которое было задержано властями и оказалось подшитым в одном из дел министерства внутренних дел в Петербурге. О своей семье Домбровская сообщала в письме немного. «Мы здоровы, — писала она, — успешно растим двух наших мальчиков. В июне прибавится у нас еще один ребенок. И материальное положение наше, благодаря богу, неплохое: дает господь бог детей, дает и средства на их содержание».

В июне 1867 года состоялось покушение польского эмигранта Березовского на находившегося в Париже русского царя Александра II. Это событие сыграло существенную роль в жизни польской эмиграции и повлияло на судьбу Домбровского.

Русский царь приехал в Париж на всемирную выставку. Тогдашнее французское правительство, не столько заботившееся о восстановлении независимой Польши, сколько спекулировавшее на польском вопросе, предполагало использовать пребывание царя во Франции для укрепления своих связей с царской Россией. Разменной монетой при этом должны были служить интересы Польши. Однако среди французских республиканцев было немало деятелей, искренне симпатизировавших польскому освободительному движению. Стремясь выразить свои чувства и расстроить дипломатическую игру Наполеона III, они организовывали публичные демонстрации в защиту Польши.

Уже на пути от вокзала к Елисейскому дворцу Александру II не раз пришлось слышать из толпы возгласы: «Да здравствует Польша!» 2 июня во время посещения царем Дворца правосудия, где он должен был принять депутацию французских юристов, его у входа остановила большая группа членов Совета адвокатов во главе с Флоке и Гамбеттой, громко повторявшая те же слова. Французский генерал, сопровождавший царя, полусердитым, полупросительным тоном сказал:

— Что это может значить и к чему это может привести? Кто смеет позволить себе что-либо подобное?

— Это я кричал «Да здравствует Польша!» и имею на то

право, — ответил Флоке генералу.

Подобного рода инциденты происходили не один раз, но на царя они, кажется, не производили большого впечатления. Рассказывают, будто одному из приближенных он заявил, что готов вместе с парижанами кричать «Да здравствует Польша!», если поляки станут лояльными и спокойными подданными.

В один день с царем и на тот же парижский вокзал из провинциального городка приехал польский эмигрант Антоний Березовский; ему было всего двадцать лет, он являлся участником восстания 1863 года. 5 июня Березовский купил револьвер, а на следующий день выстрелил из него в Александра II, улучив момент, когда тот вместе с Наполеоном III поехал на прогулку в Булонский лес. Один из ехавших верхом телохранителей заметил террориста и успел перед первым выстрелом поднять на дыбы своего коня, кровь которого обрызгала царский мундир. Второй выстрел разорвал ствол револьвера и ранил только самого Березовского, после чего он был схвачен. Многие парижане и часть прессы объясняли поступок Березовского патриотизмом и выражали сочувствие трагической судьбе Польши. Когда одна из газет выступила с полонофобских позиций, Флоке вызвал ее редактора на дуэль. На улицах и в кафе только и говорили, что о покушении, причем чаще всего в тонах, враждебных российскому императору. Парижские пролетарии и представители различных слоев населения Парижа недвусмысленно высказались против царя, за свободную Польшу.

Выстрел Березовского имел отзвук и в других европейских странах. 18 июня 1867 года руководящий орган I Интернационала единогласно принял следующее решение: «Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих выражает благодарность рабочим, студентам и адвокатам, которые приняли участие в недавних демонстрациях сочувствия Польше в Париже и напомнили московскому царю, что господство азиатской и варварской державы над частью европейского населения, именуемой поляками, и над частью европейской территории, именуемой Польшей, наносит оскорбление чувству справедливости и здравому смыслу».

Березовский предпринял покушение на свой страх и риск — он вообще в то время был довольно далек от Политической жизни и не входил, по-видимому, ни в одну из эмигрантских организаций. Французский суд по требованию внутренней реакции и под давлением царского правительства вынес ему жестокий приговор: он был приговорен к пожизненной каторге и отправлен в Новую Каледонию, где и умер во время первой мировой войны. Б Париже о нем довольно скоро забыли. Но среди

польских эмигрантов его выстрел вызвал немало раздоров. Заправилы из «Отеля Лямбер» и их сторонники обратились к Наполеону III с петицией, в которой отмежевывались от радикальной части эмиграции, а покушение Березовского называли «бандитским», «недостойным поляка действием». Напротив, Объединение польской эмиграции хотя и осудило совершенный террористический акт, но не отказало его исполнителю ни в личном мужестве, ни в патриотизме. В таком же духе высказался Домбровский, который находился тогда в Карловых Варах и прислал в комитет Объединения специальное письмо.

Франция Наполеона III предоставляла убежище польским эмигрантам и разрешала им в какой-то мере политическую деятельность. Но это вовсе не значило, что симпатии французских сановников и буржуазии были на стороне революционных сил Польши. Не случайно правительство не только позволяло действовать во Франции многочисленной агентуре политической полиции русского царизма, но и оказывало отдельным ее представителям, в частности Балашевичу-Потоцкому, активную помощь собственными полицейскими силами. Эмигрантам не раз приходилось убеждаться в этом на своей шкуре. Один из очень чувствительных ударов, нанесенных совместными усилиями петербургских и парижских провокаторов, оказался направленным против Домбровского.

Французская конституция ограничивала возможности преследования эмигрантов по политическим мотивам. Поэтому полицейская агентура царизма и их французские партнеры изыскивали всяческие пути для того, чтобы запутать политических эмигрантов в уголовные дела, подготавливая для этого самые хитроумные провокации. Покушение Березовского подхлестнуло полицейскую службу обеих стран, и, хотя демократическая эмиграция не имела никакого отношения к подготовке террористического акта, удар был нацелен в основном против нее. На квартиру Домбровского был совершен налет. Обыск не подтвердил полицейскую версию о связях его с Березовским, но обнаружил косвенные данные о том, что Домбровский имеет контакты с многими лицами, которые нелегально пересекают границы Российской империи. Намереваясь создать неотразимый предлог для ареста Домбровского, французская полиция пустилась на прямое жульничество.

Начали с того, что пустили слух, будто Домбровский и его брат Теофиль делают фальшивые русские деньги. Потом какому-

то очень нуждающемуся и слабо связанному со своими соотечественниками старику эмигранту полицейский агент подсунул фальшивую купюру в пятьдесят рублей. При этом он назвался Ярославом Домбровским и заявил, что действует по поручению одной из эмигрантских организаций. Старика задержали, когда тот пытался разменять ассигнацию. Ничего не подозревая, он сказал в полиции, что получил ее от Домбровского. Этого было достаточно для ареста Домбровского, но для предания его суду улик не хватало и он был выпущен. Тогда в дело ввели некоего Хильке, который сумел втереться в доверие и получить от Домбровского задание на поездку в Лондон за бланками фальшивых паспортов. Из Лондона Хильке прислал такое письмо, что полиция получила основания (письмо было перлюстрировано) для ареста Ярослава и Теофиля Домбровских. Вскоре, однако, Теофиля освободили. Хильке, оставшийся пока вне подозрений, сумел вручить ему для передачи брату пакет с большим количеством фальшивых денег, с которыми Теофиль и угодил в руки ждавших этого момента полицейских. Хильке получил большую награду; полиция в Петербурге и Париже торжествовала. Но на суде адвокат братьев Домбровских Руссель во всех деталях раскрыл существо провокации, и присяжные единогласно вынесли оправдательный вердикт.

Через два месяца на квартиру Домбровских снова явилась полиция. На этот раз Ярослава обвиняли в произнесении антиправительственных речей перед участниками парижских революционных кружков. Рапорт об этом, сохранившийся в архиве полицейской префектуры Парижа, очень краток в мотивировке причин ареста. Поэтому исследователи не исключают возможности, что арест был связан также «с подозрениями полиции о том, что Домбровский ездил в Лондон, где, по-видимому, должен был вступить в I Интернационал». Но и на этот раз за отсутствием улик Домбровского в конце концов пришлось выпустить.

В изготовлении фальшивых денег царское правительство обвинило и старого друга Домбровского — Владимира Озерова. Были даже посланы в Париж его приметы, извлеченные из дела о покушении Каракозова на Александра II в 1866 году, где он фигурировал в качестве причастных лиц, которых не удалось разыскать. «Высокого роста, — гласит описание примет Озерова, — худощав, около тридцати лет от роду, волосы русые, усы и борода едва заметны, носит высокую мягкую шляпу и пальто, преимущественно на руке». Французская полиция пыталась обнаружить Озерова, но тщетно. А он с документами

Альберта Шаховского продолжал жить в Париже. Сам превосходно владея сапожным ремеслом, он возглавлял артельную сапожную мастерскую, в которой работали русские и польские политические эмигранты.

Преследования полиции снова привлекли к Домбровскому внимание как врагов, так и друзей. Никто, конечно, не верил, что он фальшивомонетчик, но к клеветническим обвинениям относились по-разному.

Балашевич-Потоцкий, в донесениях которого Домбровский фигурировал как «отъявленный враг» царизма, конечно, злорадствовал. В январе 1870 года царский агент писал: «Два месяца со времени открытия фальшивых кредитных билетов в Париже и ареста Ярослава Домбровского, главного заговорщика и коновода, польская эмиграция находится в тревожном положении; все их внимание обращено на следствие, и если Домбровский окажется виновным, тогда удар будет весьма чувствительным…»

Совершенно по-иному реагировали друзья — они были обеспокоены и возмущены. Герцен, находившийся осенью 1869 года в Париже, писал вскоре после отъезда оттуда Огареву: «Домбровский был схвачен при мне еще. Я впопыхах забыл написать». В это же время Огарев получил письмо от Бакунина, в котором есть такое место: «А Озеров пишет мне, что Dombrowski, польский коновод, бывший молодец, товарищ и друг нашего Потебни, арестован в Париже […] вследствие доноса и требования русского посольства, с одной стороны, а главное, вследствие письма, полученного им из Петербурга, в котором говорится о каком-то *паспорте* в таких выражениях, что истолковали в смысле фальшивых ассигнаций». Несколько позже, в январе 1870 года, Бакунин сообщил Огареву: «От Озерова получил два письма. Он пишет, что французское правительство теперь беспрестанно делает обыски у поляков и что будто бы не прочь и помочь также в розыске русских конспираций».

Изнуряющая кампания клеветы и полицейских гонений, обрушившаяся на Домбровского в 1869 году, не затихала долго. Она показала, что, несмотря на формальное отстранение его от дел Объединения польской демократии, он оставался фактически одним из самых влиятельных и популярных деятелей левого, наиболее радикального крыла польской эмиграции. Именно поэтому царизм избрал его главной мишенью своих козней, именно поэтому на его защиту встали прогрессивные силы Франции, именно поэтому о нем так беспокоились польские и русские революционеры. Это было ясно и в 1869 году. Но особенно очевидной роль Домбровского стала в последующие

годы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ГЕНЕРАЛ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Судебная расправа над Домбровским, инспирированная царизмом и подготовленная французской полицией, не состоялась. Однако в течение долгого времени его революционная деятельность была сильно затруднена, а моментами и вовсе парализована. В июле 1870 года, когда Домбровского вынуждены были вторично освободить из тюрьмы, политическая обстановка в Европе оказалась накаленной до предела: это был канун франко-прусской войны 1870–1871 годов. Правящие круги Франции еще до этого старались склонить на свою сторону общественное мнение и все те политические силы, которые можно было противопоставить юнкерской Пруссии. Правое крыло польской эмиграции бурно приветствовало эти заигрывания, так как готово было идти на любые комбинации, открывающие возможности для националистических спекуляций, с помощью которых обанкротившиеся деятели этого направления рассчитывали нажить себе политический капитал. Даже более умеренные круги были настолько увлечены начавшимся флиртом, что всерьез говорили о принце Жероме Наполеоне (Плон-Плоне) как желательном кандидате на престол будущей независимой Польши. Тот самый Беднарчик, с которым Домбровский полемизировал о судьбе Украины, разглагольствовал, например, так: «Только в нем, в принце Наполеоне, видим все мы предводителя, который в состоянии освободить край из неволи, под знамя которого встанет как народ, так и старая шляхта, голос которого будет слышен среди монархов Европы; после победы над врагами, верный принципам свободы, равенства и братства, он поведет народ дорогой благоразумного прогресса к его дальнейшему предназначению».

Остальные эмигранты тоже склонны были связывать те или иные свои надежды с надвигающимися событиями. «Малейшее нарушение европейского равновесия, — писала эмигрантская газета «Неподлеглость», орган Объединения польской эмиграции, еще в 1867 году, — для нас является уже бурей, способной очистить мир от враждебных стихий и воздвигнуть солнце свободы на нашем небе». Хотя предстоящая война была несправедливой и со стороны Пруссии и со стороны Франции, радикальная часть польской эмиграции симпатизировала последней. Не все они были склонны к идеализации «второй империи» во главе с Наполеоном III, но все рассчитывали на то,

что сложившуюся обстановку им удастся как-то использовать для новой попытки восстановить независимость Польши.

Планы и расчеты левого крыла эмиграции полупили отражение в проекте, который Домбровский представил французскому императору еще до начала франко-прусской войны. Вот что говорилось в проекте: «В настоящей ситуации можно предвидеть войну. Франция, прикованная к Рейну немецкими силами, не сможет охранять свои интересы на востоке Европы, где Россия получит возможность напасть на Турцию для завоевания славянских земель. Поэтому восстание в Польше выгодно Франции и невыгодно России и Пруссии […]. Восстание на польских землях, которые находятся под властью России и Пруссии, приуроченное к началу войны, могло бы в значительной мере парализовать обе эти державы. Восстание, однако, возможно лишь в том случае, если французское правительство совершенно определенно выскажется за восстановление независимой Польши. Остатки гражданской и военной организации 1863–1864 годов могут стать базой будущего восстания. Остатки эти, правда, очень слабы на землях, занятых Россией, но довольно сильны в Галиции и особенно в Познани и Западной Пруссии (старые польские земли); в Восточной Пруссии имеется также много связей и складов разного рода в непосредственном соседстве от русской границы. Развивая эти остатки последнего национального движения в Польше и организуя одновременно новые силы (недостатка этих сил в нашей стране не будет — их нужно только разбудить), можно без всяких трудностей поднять все население польских земель. Особенно при некотором попустительстве Австрии».

Проект Домбровского в какой-то мере может служить примером революционной дипломатии, стремящейся использовать в своих интересах столкновения между враждебными силами. В проекте нет и намека на отступление от политических принципов, он требует, в частности, от французского правительства прочных гарантий независимости Польши вместо туманных обещаний, которые давались раньше. Но самое главное — в проекте речь идет не о вооруженной демонстрации, а об организации восстания, опирающегося на живые силы внутри страны, па остатки конспирации 1863 года, которая имела весьма демократический характер. Это сразу же должно было отстранить от руководства им деятелей «Отеля Лямбер» и гарантировать движение от опасности справа. С целью парализовать влияние Мерославского и его сторонников Домбровский внес в проект специальную оговорку. «Чтобы достигнуть намеченных в ней целей, — писал он, — не следует

искать опоры в известных личностя с последней национальной войны, которые, заслуженно или незаслуженно, после поражения потеряли доверие в крае, которые совершенно чужды нынешним усилиям Польши».

Симпатии польской эмиграции склонялись на сторону Франции даже тогда, когда она была монархией. С сентября же 1870 года, когда после поражения французской армии при Седане Вторая империя рухнула под напором народного возмущения, эти симпатии распространились еще шире. Их реальным воплощением стала идея создания польского легиона во французской армии, который бы сначала участвовал в обороне Франции, а затем содействовал освобождению Польши.

Попытки создания легиона привели к усилению объединительных тенденций в польской эмиграции. При этом некоторые умеренные и правые деятели предлагали во имя объединения забыть различия в политических взглядах. Лидеры демократического крыла не соглашались на возрождение идеи универсальной, но политически аморфной эмигрантской организации. Позиции их здесь были близки, хотя, по-видимому, и не совпадали полностью. Существовали, в частности, некоторые различия между Домбровским, который занимал резко непримиримую позицию, и Врублевским, Который по временам проявлял склонность к компромиссам.

Рост объединительных тенденций вызвал к жизни Временную комиссию и так называемое Представительство польской эмиграции. Однако наиболее сильные эмигрантские организации, в том числе Объединение польской демократии, их не признали. В августе 1870 года от участия в Представительстве отказались избранные в него Гауке-Босак, Гейденрейх и Врублевский. Для характеристики состава и политической линии Временной комиссии достаточно сказать, что ее большинство признало возможным участие поляков только в войне с пруссаками; в случае же революции во Франции поляки, по его мнению, должны были заявить о своем невмешательстве в политическую борьбу.

Тем временем прусская армия, почти не встречая сопротивления, приблизилась к французской столице. Глава правительства Национальной обороны реакционный генерал Трошю считал войну проигранной и согласился бы на капитуляцию, если бы не боялся общественного мнения. Инициативу в организации отпора оккупантам взяли на себя народные массы, и прежде всего трудящиеся Парижа. Около полумиллиона человек вступило в батальоны Национальной гвардии. Однако предательская политика Трошю и ему подобных почти полностью парализовала эту огромную силу. Будучи

профессиональным военным и горячо сочувствуя республиканской Франции, Домбровский отчетливо видел нависшую опасность, много думал над тем, как найти выход из создавшегося положения. Одним из результатов этих раздумий была памятная записка, адресованная в военное министерство Франции.

Записка содержала краткий, но очень четкий и емкий стратегический анализ хода войны и оценку создавшейся ситуации. Домбровский считал, что пруссаки могут и должны быть остановлены, что Париж должен энергично готовиться к обороне, опираясь на не занятые противником южные и юго-западные департаменты. В то же время он предлагал создать подвижные кавалерийские соединения, которые могли бы действовать на широком фронте севернее Парижа (то есть в тылу прусской армии) с целью нарушения коммуникаций и нанесения урона методами партизанской борьбы. «В данный момент, — говорилось в записке, — все пространство между Бельгией, Рейном и массой неприятельских войск могло бы без помех стать ареной партизанских действий». Для создания подвижных сил Домбровский предлагал использовать находящихся во Франции польских эмигрантов. «Польская эмиграция во Франции, — писал он, — представляет прекрасный источник для создания Партизанского корпуса: хорошие кавалеристы, отлично приспособленные к войне, засадам и стычкам, знающие В большинстве немецкий язык; если их экипируют как спаги[40] и посадят на алжирских коней, то они готовы воевать за Французскую республику». Формирование корпуса и командование им Домбровский брал на себя.

Предложения Домбровского не получили поддержки французских военных властей. Причиной этого явилось прежде всего то, что речь шла о самоотверженной защите республиканского строя, а Трошю и многие его приспешники оставались в душе монархистами и тосковали о свергнутом Наполеоне III. Сыграли роль и соображения престижа: Домбровский своей запиской делал совершенно очевидной стратегическую беспомощность французского командования. После длительного молчания Вольскому изгнаннику дали понять, что в его предложениях не нуждаются.

Другой важный шаг польских эмигрантов, предпринятый в эти дни, заключался в опубликовании прокламации, которая была обращена к французскому народу через головы их своекорыстных правителей. «Наши ветераны польских восстаний, — говорилось в листовке, — организуются в легион для защиты Парижа. 200 или 300 юных польских волонтеров жаждут только одного — служить

делу Французской республики, которое стало делом всего человечества. Пусть каждому из нас дадут по хорошему коню (их еще есть достаточно в Париже), саблю, карабин, штук шестьдесят патронов, хорошую карту и с полсотни франков карманных денег — и пусть позволят нам очистить окрестности Парижа от неприятельских разведчиков, а затем действовать в тылу немецкой армии. Кавалерия — излюбленный род польского войска, и именно у нас Пруссия заимствовала организацию своих уланов, которые причинили такой урон неискусным и влюбленным в свои традиции генералам.

Мы верим, что дело Парижа далеко не проиграно. Теперь Франции есть за что бороться, со славой умереть или победить».

Желающих последовать этому призыву нашлось вполне достаточно. Надо отметить, однако, что мотивы их действий далеко не были одинаковымˆ. Применительно к какой-то части польских эмигрантов можно говорить о далеких от политики чисто материальных стимулах: вступление во французскую армию давало им, а иногда и их семьям, средства к существованию. Для кругов, связанных с белыми деятелями из «Отеля Лямбер», речь шла о возможности укрепить контакты и заслужить доверие французского правительства с целью использовать то и другое при осуществлении тех дипломатических комбинаций, в результате которых они рассчитывали достичь независимости Польши, не прибегая к пугавшему их восстанию. Демократическое крыло польской эмиграции, а оно дало большинство волонтеров, связывало свое участие в воине на стороне Франции с перспективами развития революционного движения в Европе. Они отстаивали французские республиканские традиции от монархизма пруссаков; они выступали против одного из государств, являвшихся оплотом политической реакции и оккупирующих польские земли; они защищали страну, которая предоставила им политическое убежище и которая при существовавшей расстановке сил волей или неволей оказывалась среди держав, противостоящих реакционным силам в различных международных конфликтах, включая и те, которые возникали в связи с польским вопросом.

Что касается Домбровского, то руководившие им мотивы подробно изложены в одном из его писем Брониславу Воловскому — польскому эмигранту сравнительно умеренной ориентации, но противнику наполеоновского режима и активному участнику вербовки польских волонтеров для защиты Франции. «Ты хорошо знаешь меня, — писал Домбровский в сентябре 1870 года, — и тебе известно, дорогой Бронислав, что я имею достаточное

военное образование и подготовку; тебе известно также, какое положение я занимал в крае, известно, наконец, что я был и остаюсь искренним республиканцем. Можешь поэтому заверить твоих политических друзей, что, не имея возможности здесь, на месте, отдать для пользы Республики ни мои знания, ни мои дела, я решился уже вступить в армию простым канониром для обороны стен Парижа. Я не могу сидеть сложа руки, когда идет эта борьба деспотизма против Республики, для меня Республика есть олицетворение дела свободы и человечности».

В результате усилий Домбровского и других руководящих деятелей эмиграции 380 поляков, проживающих в Париже, заявили о желании оборонять столицу Франции. Своим командиром волонтеры выбрали Гейденрейха, который когда-то вместе с Домбровским входил в революционный кружок офицеров-генштабистов в Петербурге, а затем был крупным повстанческим военачальником, действовавшим под псевдонимом «Крук». Сформировали три роты: одна из них в соответствии с предполагаемым вооружением была названа стрелковой, а две другие назвали по тем районам Парижа, в которых жили их бойцы, — монпарнасской и батиньольской. Командовать ротами было поручено бывшим участникам военнореволюционных кружков и восстания 1863 года Погожельскому, Рыдзевскому и Галензовскому.

Парижане приветствовали решимость польских эмигрантов сражаться на стороне Франции. Однако правительство ие согласилось на создание самостоятельных Вольских формирований: полякам было разрешено лишь вступать в батальоны Национальной гвардии по месту жительства. В Лионе тем временем при участии Воловского удалось достичь большего: 18 сентября 1870 года собрание жителей города приняло решение создать добровольческий франко-польский легион для партизанской борьбы, причем во главе его собравшиеся просили встать Домбровского. Тот с энтузиазмом встретил полученное известие и немедленно дал согласие командовать легионом. Но к этому времени Париж уже был окружен пруссаками и выбраться из него оказалось не так-то просто. Обе попытки Домбровского пересечь линию аванпостов окончились неудачей, причем оба раза его по указанию приспешников Трошю задерживали французские солдаты.

Часть своих злоключений Домбровский изобразил в письме к Воловскому от 9 ноября 1870 года. «Я ужо писал, — говорится в нем, — что решил поехать в Лион. Решение это не изменил и делаю все возможное для того, чтобы его осуществить. Уже два раза я пробовал прорваться сквозь прусские заставы, но оба раза

был арестован не пруссаками, а французами. Хотя я имел паспорт и пропуск, меня по поскольку дней таскали с поста на пост. Сегодня только выхожу из тюрьмы, завтра с новым пропуском отправлюсь навстречу новым приключениям. Может быть, на этот раз я буду более удачлив; из первого же города буду телеграфировать…» В конце письма Домбровский сделал две характерные приписки. Во-первых, он заверил Воловского: «Рассчитывай на меня так, как будто я уже в Лионе, потому что рано или поздно я туда приеду, и делай все, чтобы обеспечить будущее формирование, которое нужно будет провести быстро и по-польски». Во-вторых, несмотря ни на что, выразил оптимистическое отношение к общей ситуации. «Положение вещей здесь, — писал он, — несносное, ибо все рассчитывают только на провинцию, не обращая внимания на громадные силы самого Парижа. Но будем надеяться, что все окончится хорошо».

Трудно сказать, к чему бы привел второй арест Домбровского, если бы не вмешательство знаменитого Джузеппе Гарибальди, руководившего в то время вербовкой волонтеров-партизан для французской армии. Гарибальди в соответствии с данными ему полномочиями утвердил Домбровского в должности командира франко-польского легиона в Лионе и послал военному министру Франции Гамбетте срочную депешу: «Гражданин! Мне нужен Ярослав Домбровский, живущий в Париже, на улице Вавэн, № 52. Если вы сможете отправить его ко мне на воздушном шаре, я буду вам очень признателен». После этого Домбровского немедленно освободили из тюрьмы. Однако из Парижа ему удалось выбраться не сразу.

Что касается 250 поляков, записавшихся волонтерами в Лионе, то командование над ними принял пока Титус Обырн — также бывший участник кружка генштабистов и повстанец 1863 года. К сожалению, и этому польскому формированию не посчастливилось. Во-первых, неудачным оказался командир, отличившийся бестолковостью и невероятным гонором. Во-вторых, французское правительство так и не послало легион его против пруссаков, а послало в весьма удаленные от фронта альпийские районы, где полякам пришлось до конца войны выполнять преимущественно полицейские функции. Домбровский попал в Лион, когда уже ничего нельзя было исправить. В результате он вынужден был отказаться от своего поста в легионе. «В моем понимании, генерал, — писал он Гарибальди, — существование польского легиона в находящейся под Вашим славным руководством Вогезской армии являлось подтверждением ничем не нарушимых прав Польши, и я был бы по-настоящему горд командовать таким формированием. Но

легион без Вашего приказа перешел в другую армию и утратил политический характер. Поэтому я считаю своим долгом отказаться от принятия командования над ним. Мое сердце, генерал, разрывается в связи со столь несчастной судьбой Польского легиона, создание которого было всегда «мечтой для нашей страны».

В Париже Домбровский за время войны успел приобрести известность в политических клубах радикального направления и определенную популярность среди трудящихся. Именно поэтому, когда 22 января 1871 года была предпринята попытка свергнуть антинародное правительство, готовившее втайне изменнический мир с пруссаками, бланкисты, которые ее возглавляли, прочили Домбровского в начальники генерального штаба будущей революционной армии. Однако путчисты не получили поддержки масс и были разбиты. Вскоре после этого французское правительство подписало перемирие с пруссаками, приняв самые унизительные условия.

Проигранная война и торжество реакции очень угнетали Домбровского. Да и в домашних делах было немало трудностей: дороговизна достигла невероятных размеров, а у Домбровского было двое маленьких сыновей, жена снова ждала ребенка, здоровье ее было очень слабым. Сказывалась огромная усталость, накопившаяся за последние месяцы и годы. Все вместе привело Домбровского в состояние депрессии, которая сказалась в нескольких его письмах, относящихся к концу февраля — началу марта 1871 года. Одно из них сохранилось: оно помечено Лионом, датируется 28 февраля и адресовано дяде Домбровского — Петру Фалькенгаген-Залескому. Письмо написано под влиянием момента и полно вовсе не свойственного Домбровскому пессимизма. Но в нем очень живо описываются впечатления предшествующих месяцев, ярко рисуется порывистая, не знающая полутонов натура автора.

«К одним, — говорится в письме, — фортуна относится по-матерински, к другим — как злая мачеха. Для меня с некоторого времени она стала мачехой, особенно в эту войну, во время которой подлость, глупость и неспособность превзошли всякие пределы, когда авантюристы делали карьеру без всяких знаний и без какой-либо военной подготовки. Я бы мог тоже иметь обширное поле деятельности, но несчастье заставило меня остаться в Париже. За неделю до обложения города пруссаками моя жена была смертельно больна […]. Я остался в Париже, а когда здоровье жены улучшилось, то убедился, что в Париже ничего сделать не могу (господин Трошю поляков не любит и отстраняет от всяких должностей, на которых мы могли бы

принести пользу), и решил выбраться за прусские аванпосты. Усилия мои ни к чему не привели. Выбраться было можно, но я встретил столько злой воли и глупости французов, что вынужден был сдаться. Сидел несколько раз в каталажке, однажды хотели меня даже расстрелять, несмотря на паспорт и пропуск. Легко понять, что в конце концов мне все это опротивело, тем более что каждая попытка требовала расходов».

Далее Домбровский указывал на те многочисленные недостатки в обороне Парижа, которые трудно было не заметить. «Я не мог молчать, — писал он, — наблюдая все это; взялся за перо и начал строчить один мемориал за другим. Мои записки потревожили сладкую дрему военного министерства, и мне было дано понять, что меня эти дела не касаются, что я иностранец и не имею права голоса. Я начал тогда писать в газетах и даже на основе всех моих мемориалов прочитал в одном из самых активных клубов доклад под заглавием «Трошю как организатор и главнокомандующий». Работа эта вскоре будет напечатана, и я буду иметь удовольствие немедленно преподнести ее вам…»

«…Пока я воевал пером в осажденном Париже, не зная даже, что делается на свете, — продолжает рассказ Домбровский, — Гарибальди назначил меня командиром франко-польского легиона, формировавшегося на средства города Лиона. Назначение это было не только следствием моих старых связей с Гарибальди. Главная причина заключалась в том, что Гауке-Босак, которому сначала было предложено командование легионом, заявил, что считает меня более способным к занятию этой должности».

Мирный договор в корне изменил обстановку и разрушил все планы Домбровского. «Мир, — писал он, — постыдный мир заключен, и это, может быть, даже к лучшему, не потому что Франция не могла продолжать войны из-за истощения своих материальных ресурсов, а потому, что ей недостает *силы моральной,* которая, как бы то ни было, составляет главную опору каждого народа. Вогезская армия, в которую входит польский легион, будет распущена […]. Не знаю еще, на каких условиях это произойдет, знаю только, что министерство […] очень плохо относится к нам, гарибальдийцам. Торгуются с нами о чинах и создают нам тысячи трудностей, хотя, клянусь богом и истиной, что во всей французской армии сейчас только здесь и можно найти несколько способных офицеров».

Заканчивалось письмо изложением ближайших намерений Домбровского. «Что касается меня, — заявляет он, — то я немедленно подаю в отставку. Я так подавлен всем виденным, так обманут во всех своих надеждах и мечтах, так сломлен этой

ужасной драмой целого народа, полного вдохновения и самопожертвования, обладавшего огромными материальными средствами, которых было бы достаточно для восстановления мира и свободы во всей Европе, но деморализованного и бессовестно проданного горсткой мошенников и бездарностей, что решил навсегда отказаться от общественной деятельноси. Замкнусь в своей семье, буду для нее работать; воспитаю своих детей скромными и простыми людьми; научу их пренебрегать теми великими стремлениями, которые и в самом деле велики и прекрасны, но которые убивают человека физически и морально; постараюсь влить в них любовь к скромной работе и скромному положению, ибо только в этом заключается счастье, если его вообще можно найти на земле».

Человек действия, Домбровский, приняв решение, начал сразу же раздумывать над способами своего перехода к «обыденной» деятельности. «Есть у меня тут, — писал он дяде, — разные проекты, но об этом потом. Прежде всего добуду французское гражданство, на которое теперь-то уж я имею полное право, а потом, разобравшись, что можно сделать, буду просить Вас о совете».

Однако депрессивное состояние, вызвавшее мысли об отказе от политической деятельности, продолжалось недолго. Да и события принимали такой оборот, при котором Домбровский никак не мог оставаться в стороне от их развития. Незадолго до своего послания дяде Домбровский в письме Воловскому предсказывал: «В нынешней всеобщей разрухе, возможно, найдет себе опору будущая революция, которая наверняка не будет такой маленькой, как нынешняя». И предсказания эти вскоре начали сбываться.

Неуклонно нараставшая борьба трудящихся Франции против своекорыстной, изменнической политики правительства Тьера к весне 1871 года достигла предельного напряжения. 18 марта пролетариат Парижа восстал, сверг власть буржуазии и создал революционное рабочее правительство — Парижскую коммуну. Она явилась хотя и неполным, непрочным, но первым в истории человечества реальным воплощением в жизнь диктатуры пролетариата, неизбежность которой теоретически обосновали Маркс и Энгельс. Руководство Парижской коммуной, торжественно провозглашенной 28 марта и просуществовавшей до 28 мая 1871 года, делили между собой состоявшее главным образом из бланкистов «большинство» и «меньшинство», объединявшее преимущественно последователей Прудона. Отсюда те крупные политические ошибки в действиях Коммуны, которые в значительной мере обусловили как ее поражение, так и

противоречия в действиях ее административных и военных органов. Среди руководящих деятелей Коммуны и среди рядовых коммунаров было немало участников Международного товарищества рабочих, что оказало определенное положительное влияние на ход событий.

LE PLAN TROCHU

Карикатура на генерала Трошю, автора плана, который отдавал пруссакам ключи от Парижа.

Домбровский, Врублевский и многие из их соотечественников горячо сочувствовали освободительным стремлениям французских трудящихся, имели друзей и политических единомышленников среди активных революционных деятелей Парижа. Кроме этого, они отлично понимали, что победа демократической и социальной революции во Франции улучшит условия для освобождения Польши, тогда как поражение

восставших парижан непременно их ухудшит. Поэтому не приходится удивляться тому, что многие из них без колебаний оказались в рядах коммунаров. Что касается Домбровского, то он сразу почувствовал, что теперь его революционный опыт и военные знания непременно понадобятся, и не ошибся в этом.

На сторону Коммуны встало вообще много иностранцев. В последнем исследовании, затрагивающем данную тему, приводятся следующие данные о тех иностранных участниках Коммуны, которые предстали перед военным судом версальцев. Всего их насчитывалось 1725 человек из 35 тысяч преданных суду коммунаров. Больше всего среди иностранцев было бельгийцев; затем шли поляки и итальянцы. Исчерпывающего списка поляков — участников Коммуны пока нет; общая численность их достигала, как минимум, 400 человек.

Имеющиеся сведения показывают, что среди них самой многочисленной была группа участников восстания 1863 года. К этой группе относились, например, виленский подпольщик, сподвижник Сераковского и брат его жены Константый Далевский, литовский крестьянин Адомас Битис, командовавший когда-то повстанческим отрядом, повстанческие офицеры Розвадовский, Свидзинский, Рожаловский и многие, многие другие. По сословной принадлежности около одной трети поляков, участвовавших в Коммуне, были выходцами из дворянства (шляхты), но только десять человек из них происходили из помещичьих семей. Если говорить об источниках существования в эмиграции, то оказывается, что около 45 процентов зарабатывали физическим трудом (портные и сапожники, столяры и слесари, маляры, типографские рабочие, парикмахеры, фонарщики и т. д.). Из эмигрантских организаций наибольшее число коммунаров дало Объединение польской демократии. Около 50 будущих коммунаров так или иначе участвовали во франко-прусской войне.

Домбровский вернулся из Лиона в Париж между 48 и 24 марта. Сразу его пригласили на военный совет в Центральном комитете Национальной гвардии для обсуждения вопроса о задачах вооруженных сил Коммуны. Позиция, занятая Домбровским, не только подтверждает его полководческие дарования, но и показывает, что он отчетливо разбирался в Сложившейся ситуации, был гораздо более дальновидным и трезвым политиком, чем многие деятели Коммуны. Домбровский высказался за немедленную атаку Версаля, арест буржуазного правительства, роспуск потерявшего доверие страны Национального собрания и назначение новых выборов. Лишь некоторые участники дискуссии присоединились к

Домбровскому. Пытаясь убедить остальных, он говорил: «Вы близоруки, вы видите не дальше, чем на два шага впереди себя… Раньше или позже, а бороться вам придется, но тогда будет уже поздно! Если же вы сейчас нападете на Версаль, вы будете хозяевами положения».

Предложение Домбровского, однако, не было принято. Контрреволюция получила передышку и, располагая огромными материальными средствами, пользуясь прямой поддержкой пруссаков, начала быстро наращивать силы: с последних дней марта соотношение сил непрерывно менялось в пользу версальцев. Запоздалая и неподготовленная попытка наступления на Версаль была предпринята только 3 апреля. Она закончилась поражением нескольких легионов Коммуны и гибелью двух ее выдающихся военачальников — Дюваля и Флуранса.

Накануне неудачного наступления Домбровский явился в ратушу, где помещались руководящие учреждении Коммуны, и заявил о своем желании вступить в Национальную гвардию. Известный многим видным деятелям, он сразу же был назначен командующим легиона, который формировался в Одиннадцатом округе Парижа. Приступая к исполнению возложенных на него обязанностей, Домбровский обратился к жителям округа со следующим лаконичным и красноречивым воззванием: «Граждане! По предложению гражданина Авриаля, члена Коммуны, военный делегат назначил меня командующим легионом. Рассчитываю на патриотизм и помощь граждан в моих усилиях по безотлагательной реорганизации на прочной основе отважных батальонов Одиннадцатого округа. Надеюсь, что эти батальоны никогда не перестанут служить опорой Парижской коммуны — зародыша Всемирной республики. Командующий XI легионом генерал Я. Домбровский».

Через четыре дня — 6 апреля — Домбровский был утвержден в должности коменданта Парижского укрепленного района. В первый момент это вызвало в нескольких батальонах Национальной гвардии протесты, которые были в значительной мере инспирированы снятым с этой должности прежним комендантом Бержере. Обосновывая свой выбор, Исполнительная комиссия Коммуны выпустила воззвание «К Национальной гвардии», в котором о Домбровском говорилось как о талантливом военном специалисте и самоотверженном революционере. Быстрому росту авторитета Домбровского содействовало, однако, не столько это воззвание, сколько кипучая энергия, с которой он взялся за выполнение своих обязанностей, глубокое знание дела и необыкновенная храбрость, проявляемая им при каждом появлении на передовых позициях.

Уже 7 апреля Домбровского видели на западной окраине Парижа в районе Нейи спокойно осматривающим аванпосты под интенсивным огнем противника. А через два дня он возглавил неожиданную атаку двух батальонов Национальной гвардии на Аньер, закончившуюся паническим бегством версальцев, захватом пушек и других трофеев. Адъютант Домбровского — Влодзимеж Рожаловский оставил следующее описание этой схватки: «Бой, длившийся до самой ночи, начался бомбардировкой позиции врага. После того как мосты были спущены, 70-й батальон в боевом порядке двинулся вперед. Поддерживаемый адским огнем форта Мон-Валерьен и других батарей, неприятель встретил наших солдат страшным ружейным огнем. Люди падали справа и слева. Наступил момент колебания, который мог оказаться гибельным. Тогда Домбровский с саблей в руке лично стал во главе батальона. Видя его в первых рядах, гвардейцы бросились в штыковую атаку с возгласом: «Да здравствует Коммуна!» Словно по мановению волшебного жезла, умолкла артиллерийская и ружейная пальба, и началась рукопашная схватка. 70-му батальону приходилось с боем брать каждый дом […]. После полуторачасовой схватки враг отступил в беспорядке […]. Упавшая было духом Национальная гвардия вновь воодушевилась и преисполнилась абсолютным доверием к Домбровскому».

Дружеский шарж на В Врублевского в газете коммунаров.

Самые разные источники единодушно свидетельствуют о военных дарованиях и личном мужестве Домбровского, о его популярности среди подчиненных. Даже военный делегат Коммуны в первый период ее существования — Клюзере, которого Маркс называл честолюбивым, неспособным человеком и «жалким авантюристом», отмечал достоинства Домбровского, в частности его необыкновенную энергичность. «За всю свою долгую практику знакомства с людьми, профессия которых быть энергичными, — заявлял Клюзере, — я мало встречал таких людей, как Домбровский, который довел свою энергию до крайних пределов». Другой современник событий писал: «Превосходный республиканец, исключительно честный и преданный делу человек, обладающий всеми необходимыми для настоящего генерала качествами, Домбровский имеет только один огромный недостаток: избыток смелости».

Член Коммуны и ЦК Национальной гвардии Жоаннар выезжал на участок, которым командовал Домбровский, в конце апреля 1871 года. В своем официальном отчете на заседании Коммуны он говорил: «Мы видели генерала Домбровского; и здесь я должен воздать честь истине и сказать, с каким поклонением гвардия относится к этому генералу. Он подлинно любим своими солдатами, они счастливы под его началом». Не раз коммунары жертвовали жизнью, чтобы спасти Домбровского. Об одном из таких случаев рассказал Рожаловский. 18 апреля Домбровский в сопровождении капитана Тирара, возглавлявшего его штаб и охрану, и еще несколько человек отправились на передовые линии осматривать батареи противника. Чтобы лучше видеть, ои встал во весь рост в просвете между баррикадами и едва не погиб от пули версальского солдата. Капитан Тирар заслонил его своим телом и умер, успев сказать только «Да здравствует Коммуна!» и пожать руку Домбровскому. Рассказав о подвиге своего предшественника на посту главного помощника Домбровского, Рожаловский восклицает: «Версальцы, где вы найдете у себя генералов, ради которых приносились бы такие жертвы, где найдете солдат, способных на такой подвиг?! Не ищите их, потому что не найдете. Только народ выдвигает таких людей!»

В числе крупнейших военачальников Коммуны был друг, единомышленник и соотечественник Домбровского Валерий Врублевский. Начало его деятельности в вооруженных силах Коммуны связано с любопытным эпизодом, о котором рассказывается в воспоминаниях участника событий Лиссагарэ. Один из членов Коммуны, знакомый с ним до этого, разыскал Врублевского, привел в военную комиссию и представил как человека преданного и обладающего большими стратегическими способностями. Когда в ходе разговора Врублевский изложил свой план действий, слушатели с удивлением обнаружили, что он слово в слово совпадает с тем, что недавно предложил в комиссии Феликс Пиа. В ответ на просьбу объяснить, в чем дело, Врублевский сказал: «Я несколько дней тому назад послал Феликсу Пиа свой доклад». Сначала Врублевскому не поверили. Но после того, как в кабинете Пиа был действительно обнаружен этот доклад, авторитет Врублевского поднялся очень высоко.

Еще в ходе восстания 1863 года Врублевский проявил себя незаурядным военачальником. Но лишь во время Парижской коммуны во всю ширь развернулись его военные дарования. Врублевский действовал все время в южном секторе обороны Парижа, левее Домбровского, который сражался в западном секторе (с севера и востока находились прусские войска,

заявившие о своем нейтралитете, но фактически помогавшие версальцам). В конце апреля, когда вооруженные силы Коммуны были разделены на две армии, командующим первой из них, занимающей западный фронт обороны, оказался Домбровский, а командующим второй, действующей на юге, — Врублевский. Один из активных деятелей левого крыла польской эмиграции, Юзеф Токажевич, в корреспонденции из Франции от 12 мая 1871 года сообщал: «Врублевский очень энергичный. Домбровский — главнокомандующий. Руководство в руках поляков. Домбровский очень популярен у коммунаров: где бы он ни показался, раздаются крики: «Да здравствует Польша!»

Стараясь нарисовать живой образ генералов Коммуны и ради этого кое-где нарочито сгущая краски, Токажевич писал: «… Домбровский худой, низкий, бледный, имел прозвище Локетек; Врублевский на целую голову выше его, о нем не раз слышались восхищенные голоса женщин: «Прекрасен и сложен, как Аполлон» […]. Первый — светлый блондин с серыми, живыми, неустанно двигающимися глазами, а второй — темный брюнет с пронизывающе острым и горделивым взглядом…» Далее Токажевич пытается дать сравнительную характеристику особенностей военного дарования Домбровского и Врублевского. «В военном искусстве, — пишет он, — призванием и стихией является для первого оборона, для второго — наступление. Один сумеет спокойно умереть на последней баррикаде, другой должен победить в первой же шальной стычке или умереть. Один — олицетворение хорошо отработанных оборонительных приемов, машина сложнейших стратегических замыслов; другой (воспользуемся здесь словами Мерославского) «пламя редчайшего ума, обвивающее меч врожденного мужества».

Активный участник событий и историк Коммуны Дюбрейль отозвался о Домбровском и Врублевском как о знающих и храбрых офицерах, наличие которых изменило положение дел в Национальной гвардии. «С этими новыми офицерами, — вспоминал он, — Национальная гвардия по крайней мере не подвергалась неожиданностям и авантюрам, за которые до сих пор ей приходилось расплачиваться тысячами убитых и попавших в плен […]. Новые командиры умеют предвидеть опасность, комбинируют, маневрируют, сами ведут наступление, и солдаты могут сражаться, не ставя без пользы свою жизнь под угрозу». Характеризуя роль Домбровского и Врублевского, Дюбрейль подчеркивал, что они действовали, располагая весьма ограниченными силами. Он писал: «Домбровский, Врублевский и их помощники в самые важные дни имели в своем ведении не более 30–35 тысяч бойцов: 12–15 тысяч на юге и 15–20 тысяч на

северо-западе. Под непосредственным командованием Домбровского бывало иногда до 6 тысяч бойцов, и, несмотря на непрестанные обращения к Коммуне, более значительных сил он никаким способом не собрал».

Вслед за Домбровским и Врублевским к коммунарам стало присоединяться все больше и больше польских эмигрантов, на сторону Коммуны вставали революционеры из других стран. Естественно, что многие поляки действовали при этом через Домбровского. К его содействию и помощи прибегали, однако, и выходцы из других стран, желающие встать в ряды коммунаров, в частности русские. В их числе был старый друг Домбровского — Озеров.

В предшествующие годы Озеров сблизился с Бакуниным и стал активным участником возглавляемых им анархических организаций, которые имели своих сторонников и во Франции, особенно в ее южных городах Марселе и Лионе. События франко-прусской войны, до мнению Бакунина, в первые же месяцы создали во Франции условия для революции. Дав своим сторонникам в Лионе директиву готовиться к выступлению, он в сентябре 1870 года поспешил приехать туда в сопровождении Озерова и польского эмигранта Валентин Ленкевича. Восстание началось помимо воли сторонников Бакунина, а попытки придать ему чисто анархическую окраску не увенчались успехом. Бакунин и его спутники вскоре вынуждены были бежать в Швейцарию. Для правительства Тьера они стали серьезными политическими преступниками, и их поездки во Францию были теперь сопряжены с большим риском.

Когда рабочие Парижа взяли власть в свои руки и создали Коммуну, русские революционные эмигранты высказали ей полное сочувствие, а некоторые из них встали в ряды коммунаров. На баррикадах Коммуны сражались Корвин-Круковская и Дмитриева (Томановская), активно помогал Коммуне Лавров — тот самый профессор Артиллерийской академии, которого Домбровский хорошо знал по Петербургу (позже он бежал из ссылки я поселился в Париже). Большинство русских эмигрантов находилось в Швейцарии, и пробраться в Париж через территорию, занятую версальцами или пруссаками, им было нелегко. Планы же у них были весьма серьезные, о чем свидетельствует, в частности, письмо Озерова к Лаврову от 8 мая 1871 года, связанное с поездкой русского революционера-народника Сажина (Росса), который отправился в Париж с этими планами.

«Наконец, — писал Озеров из Женевы, — хоть от вас получил известие о Россе, о котором с 23 апреля ничего не знаю. Известие

вашего письма о том, что *хотя* при вашем посредстве удастся, быть может, Россу повидаться с Домбровским, утешило меня. От этого свидания я ждал (пока еще по необходимости жду) некоторых результатов, если Росс *серьезно* принял поручение, данное ему отсюда…»

И далее в письме излагается суть поручения, данного Сажину и его спутнику — поляку Ленкевичу: «Росс и Ленкевич должны были доставить Парижской коммуне (при посредстве Домбровского и Варлена) наш проект: как употребить революционные французские я иностранные сочувствующие революции элементы на помощь и поддержку Парижа… Наше предложение или, лучше, проект послан от имени целой группы интернациональных работников (конечно, в общих чертах, насколько позволял риск пересылки писанного документа), как решение съезда делегатов […]. Возможность призвать к содействию также иностранные и местные революционные элементы *существуют в быстром создании партизанских отрядов*…

В конце письма Озеров снова возвращается к своим надеждам на содействие Домбровского и сожалеет, что сам не поехал в Париж. Он пишет: «От Росса я получил все три письма, и ни в одном прямого ответа по поручениям (я много рассчитывал на Домбровского: 1-е, потому, что такого рода проект ему, как старому организатору подобных операций, должен быть симпатичен; 2-е, потому, что голос его в пользу этого предложения значил бы много перед Коммуной, и 3-е, то, что мы давно и хорошо друг друга знаем и испытали кое в чем)… Я жалею, и очень, что вместо Ленкевича я не мог поехать сам. Теперь иностранцу пробраться в Париж очень трудно, да и Росс пробрался каким-то чудом, как я узнал из письма его арестованного спутника-француза. *В тот день и в том же поезде в Тоннер арестовали тридцать семь человек иностранцев,* которых всех возвратили вспять… Что вы знаете о Париже, напишите!»

Точных сведений о том, встречался ли Сажин с Домбровским, у нас нет. Нет пока и подробных сведений о контактах Домбровского с Лавровым, несомненно имевших место как накануне Парижской коммуны, так и в ходе начавшейся вооруженной борьбы. Как бы то ни было, письмо Озерова лишний раз подтверждает, что революционеры различных стран знали Домбровского и считали его одним из наиболее влиятельных и энергичных деятелей Коммуны.

Версальские правители, вплоть до самых высокопоставленных, также не лишали Домбровского своего внимания. Понимая, что речь идет о крупном военном

специалисте и незаурядном организаторе, версальцы всячески старались устранить Домбровского от активной деятельности в пользу Коммуны. Начали они с попыток подкупа. Отвратительный карлик Тьер, заявивший, что Париж будет покорен «дождем снарядов или дождем золота», и наводнивший город наемниками контрреволюции, не раз подсылал к Домбровскому своих агентов с предложением огромных сумм за сдачу версальцам каких-либо ворот укрепленной городской стены или за измену Коммуне в иной форме. Об одном из таких агентов — некоем Вейссе — Домбровский рассказывал своему адъютанту Рожаловскому следующее: «Первоначально я решил расстрелять этого негодяя, но затем я подумал, что было бы неплохо использовать это обстоятельство в наших целях. Я предложил Комитету общественного спасения вот что: если мне дадут двадцать тысяч человек, то, притворно приняв предложение версальцев, я впущу часть их в ворота Парижа, а затем окружу и уничтожу». План этот, поддержанный Врублевским и Росселем (последний сменил Клюзере на посту военного делегата Коммуны), был принят. Однако осуществить его не удалось из-за невозможности собрать в нужном месте достаточное количество бойцов и артиллерии; вместо 20 тысяч собралось только 3–4 тысячи бойцов, а вместо 500 орудий — всего 50.

Через какое-то время была предпринята еще одна попытка подкупить Домбровского. На этот раз сомнительную честь эмиссара версальцев взял на себя польский эмигрант Воловский, сотрудничавший с Домбровским при организации польского легиона в Лионе. После событий 18 марта Воловский оказался среди тех, кто старался не допустить своих соотечественников к участию в борьбе на стороне Коммуны. В Париж он приехал как журналист. «Прибывши на Вандомскую площадь, где был главный штаб Домбровского, — рассказывает Воловский, — я застал его садящимся на коня. Если хочешь го мной поговорить, заявил он, то поедем со мной в Нейи — будем иметь время для разговора». Длительная беседа происходила под почти непрекращающимся огнем версальцев. Вот как описал ее Воловский:

«Мы тронулись — я в повозке, куда мне велел поместиться Домбровский, он верхом на своем коне, окруженный эскортом из шести человек. Опасности начались, как только мы выехали за Триумфальные ворота: ядра падали по обе стороны от дороги […]. Жители либо уже переселились из этой части города, либо в подвалах ожидали окончания той братоубийственной войны, которую версальское правительство осуществляло с такой жестокостью против Парижа. Помимо воли мне припомнились раздававшиеся на всю Европу громкие протесты господина Жюля

Фавра[41] против предпринимавшихся пруссаками варварских обстрелов Парижа — «этой столицы цивилизованного мира, крупнейшего средоточия искусств и наук». И под звуки пролетавших время от времени снарядов, которыми засыпали город версальцы, я раздумывал над притворством человеческого рода.

Из этих раздумий меня вывел Домбровский.

— Посмотри, Бронислав, здесь ядра падают в трех шагах от нас. Ты, наверное, думаешь, что я пригласил тебя на этот разговор, чтобы мы оба уже не вернулись отсюда? Что касается моей особы, то меня снаряды не трогают: иду в самый огонь, рискую и чем больше высказываю презрения снарядам, тем больше они меня уважают. Так что и на этот раз с нами ничего не случится, если ты не прихватил с собой какого-нибудь плохого талисмана.

— Пропуск господина Пикара?![42]

— Ну, насчет него не беспокойся — осколок снаряда не посмеет повредить подписи его хозяина.

И как раз в этот момент неподалеку разорвалась граната, осколки пронеслись над нашими головами, но ни один не попал ни в нас, ни в наших спутников.

— Видишь, — сказал Домбровский, — мы здесь каждый день имеем такой праздник».

На полпути Воловский решил выпустить пробный шар.

«— Отошли немного вперед твою охрану, — попросил он, — чтобы поговорить наедине: Версаль предлагает тебе подкуп.

— Ко мне и к моей жене приходило уже достаточно таких посланцев самого разного калибра. Судя по тому упорству, с которым Тьер старается меня убрать — ибо и покушения на меня тут были, — я вижу, что наше дело в Париже обстоит не так уж плохо […]. Говорят, будто коммунары — это отбросы общества. А что ты скажешь о людях, которые прикрываются правом и справедливостью, но вместо того, чтобы атаковать и победить нас, прибегают к подлому подкупу и хотят вести войну виселицами и золотом […]? Если ты мне докажешь, что это честные средства, то я оставлю Коммуну и пойду служить Версалю…

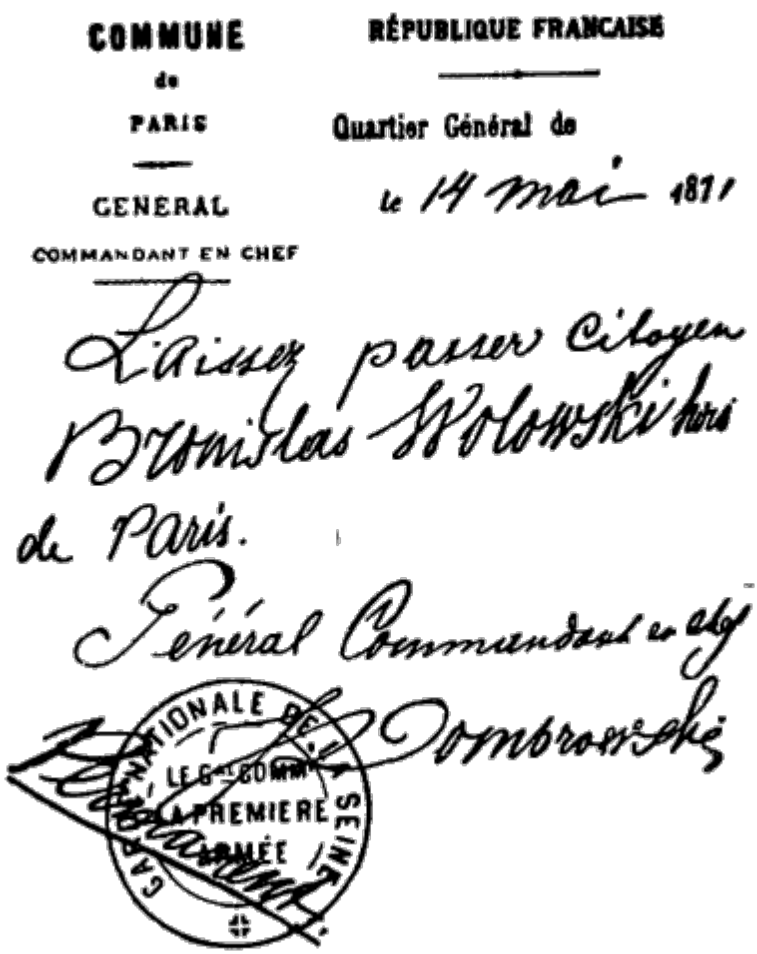
— Ну и как? — выждав минуту, спросил меня Домбровский.

Я склонил голову, признавая, что ничего не могу возразить на его логичные рассуждения.

— Вот видишь, — сказал Домбровский, — я не такой, каким меня изображают. Ты знаешь, что я еще в Лионе хотел отказаться от общественной деятельности, но судьба привела меня в Париж. Единодушие, с которым парижане отвергают позицию Версаля,

склонило меня к принятию командования над коммунарами. Пускай между членами Коммуны есть разные люди. Дело здесь не в людях, а в существе дела. Если бы я служил в армии такого преступника, как Наполеон, и получил бы генеральский чин, то меня прославили бы в Польше как человека великого […]. Так что, будь я честолюбцем, я пошел бы служить не Коммуне, а Версалю. Принял бы от версальцев самый скромный пост, а они наверняка повысили бы меня вскоре».

Подчеркивая, что сотрудничество с Коммуной является для него совершенно сознательным и единственно возможным выражением занимаемой им политической позиции, Домбровский не счел нужным скрывать от Воловского тех трудностей, которые он испытывал из-за неразберихи в высшем военном руководстве, из-за недостаточной подготовленности личного состава. Но выводы его от этого не изменялись. «Я имею все, — говорил он, — что нужно для ведения войны, недостает только морального духа. Но бойцы батальонов, которое были под огнем, очень быстро превращаются в настоящих солдат. Правда, создание батальонов идет через пень-колоду, иначе версальцы давно бы уж запели другую песенку. Знаешь ли ты, какие батальоны лучше всего идут за мной? Те, которые я водил в огонь несколько дней назад и половина которых осталась на поле боя убитыми или ранеными. Зато другая половина даст теперь изрубить себя на куски, но пойдет за мной в самое пекло. С ними я отбиваю атаки в десять раз сильнейших версальских войск».


COMMUNE
de
PARIS

GENERAL
COMMANDANT EN CHEF

RÉPUBLIQUE FRANCAISE

Quartier Général de

le 14 mai 1871

Laissez passer Citoyen
Bronislas Wolowski hors
de Paris.
Général Commandant en chef
Dombrowski

GARDE NATIONALE DE LA SEINE
LE G.al COMM.t
LA PREMIERE ARMÉE

Пропуск из Парижа на имя Бронислава Воловского, подписанный главнокомандующим 1-й армии Парижской коммуны генералом Ярославом Домбровским.

После предварительного прощупывания почвы Воловский приступил к выполнению возложенной на него щекотливой миссии. При этом, пользуясь положением близкого знакомого, он продолжал вести разговор в полушутливом тоне. Домбровского взбесила новая попытка подкупа, осуществленная к тому же через его соотечественника. Однако выдержка не оставила генерала Коммуны, и он облек свой ответ в довольно вежливую, хотя и резкую форму, вполне соответствующую тому тону, в котором шла беседа.

«— Знаешь ли ты, Ярослав, — сказал Воловский, — что я нахожусь в Париже с ведома версальского правительства? Оно хотело, чтобы я предложил тебе открыть ворота города для версальцев и арестовать членов Коммуны за вознаграждение,

величину которого ты сам можешь указать, причем торговаться с тобой не будут. Я, разумеется, отказался от такой миссии.

— Благодарю тебя, — ответил Домбровский, — за нас обоих. Иначе ты поставил бы меня перед неприятной необходимостью арестовать тебя, как Вышинского, который за эту недостойную для поляка роль и до сих пор сидит в Шершмиди[43]. Лучше поговорим о чем-либо другом. Что пишут в наших польских газетах?»

Воловский уехал ни с чем, но 12 мая он снова появился в Париже и предстал перед Домбровским.

«— Ну и что, злы на меня в Версале? — приветствовал меня Домбровский.

— Так злы, что если бы ты хотел, ты мог бы выехать по этому пропуску за границу. Любить тебя будут, но только издалека.

Домбровский взял из моих рук пропуск, прочитал его и, отдавая назад, показал на рукоятку своего палаша:

— Вот мой пропуск, можешь сказать об этом Пикару, Тьеру и ***всем его*** мамелюкам в Национальной ассамблее».

Разговор, таким образом, шел в том же полушутливом тоне. Но смысл его совершенно очевиден: Версаль снова предлагал подкуп, Домбровский снова отверг предложение.

Парижский пролетариат не ошибся, доверив Домбровскому исключительно важные посты в вооруженных силах Коммуны. Об этом лишний раз свидетельствует конец описываемого разговора с Воловским. Речь опять зашла о возрастающих трудностях обороны Парижа, о малочисленности сил и средств, которыми располагает Коммуна. Домбровский не отрицал, что дело идет к военному поражению.

«— А почему же ты не уходишь в отставку? — спросил Воловский».

Домбровский ответил так:

«— Поводов для этого у меня хватает, но весь Париж знает, что мне предлагали полтора миллиона франков за уход со своего поста, и все сказали бы, что я изменник. Такой славы я детям своим в наследство не оставлю. Разве некоторые не говорили уже и раньше, что я фальшиво-монетчик, шпион и бандит? Хотя знаю, что моя смерть не прекратит таких разговоров, я лучше сложу здесь свою голову».

В одном из разговоров с Воловским, цитировавшихся выше, Домбровский упоминают о тех покушениях на не-То, которые организовывали враги. Сколько покушений было всего — точно неизвестно, но не менее трех. Одно из них описано у Рожаловского. По его словам, однажды в помещении штаба Домбровского в замке Ла-Мюэтт появился неизвестный человек,

который разыскивал генерала для какого-то разговора наедине. Охрана заподозрила его, и он был задержан. При обыске у арестованного оказались документы версальского полицейского агента и кинжал, с помощью которого он попытался убить конвоира и сбежать, но был заколот штыком.

Домбровский командовал Первой армией Коммуны и был комендантом всего Парижского укрепленного района. Совмещать две эти должности в условиях непрерывных ожесточенных боев, недостатка живой силы, оружия, боеприпасов, при наличии постоянной неразберихи и острых противоречий в военном руководстве было не так просто. Только Домбровский с его поразительной энергией мог держать в руках все нити управления, появляясь везде, где требовалось его вмешательство. Очень много времени и сил отнимали ежедневные переезды от штаба армии, располагавшегося на западной окраине Парижа, до резиденции коменданта на Вандомской площади и обратно. Каждая поездка требовала, кроме всего прочего, большого личного мужества, недостатка которого, впрочем, не ощущалось ни у Домбровского, ни у его ближайших помощников. В промежутке между тысячью неотложных дел генерал Коммуны выкраивал еще время, чтобы навестить семью, приласкать сыновей, подбодрить любимую жену, которая мужественно преодолевала приходившиеся на ее долю трудности.

Во время своих поездок по городу Домбровский не мог не замечать тех изменений, которые произошли во внешнем облике Парижа после 18 марта. Вот как описаны эти изменения Марксом: «Коммуна изумительно преобразила Париж! Распутный Париж Второй империя исчез. Столица Франции перестала быть сборным пунктом для британских лендлордов, ирландских абсентистов[44], американских экс-рабовладельцев и выскочек, русских экс-крепостей ков и валашских бояр. В морге — ни одного трупа; нет ночных грабежей, почти ни одной кражи […]. Улицы Парижа впервые стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского […]. Кокотки последовали за своими покровителями, за этими обратившимися в бегство столпами семьи, религии и, главное, собственности. Вместо них на передний плац […] выступили истинные парижанки, такие же героические, благородные и самоотверженные, как женщины классической древности. Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы Париж почти забыл о людоедах, стоявших перед его стенами, с энтузиазмом отдавшись строительству нового общества!»

Об обстановке, в которой приходилось работать

Домбровскому, можно судить по некоторым эпизодам, воспроизведенным в воспоминаниях его адъютанта Рожаловского. По его описанию, штаб Домбровского в Нейи занимая одну комнату (все остальное предназначенное для штаба здание генерал отдал под госпиталь). Впрочем, обычно а в единственной этой комнате почти никого не было, так как большую часть времени все проводили на передних линиях среди солдат. К обеду, начинавшемуся в определенный час, собиралось иногда до двадцати офицеров. Сервировали стол остатками посуды, позаимствованной у аристократа, которому принадлежал дом. А еда была самая бедная: яйца, хлеб, сыр; даже столь привычной для французов бутылки вина к обеду Рожаловский, по его словам, ни разу не получал.

Ели деловито и быстро, затем снова расходились. Ночью также редко собирались вместе, и большинство постелей, в том числе и постель Домбровского, чаще всего пустовали. Однажды, вернувшись после полуночи, адъютант застал в штабе Домбровского. Он одетым лежал на своем сеннике и разговаривал с Потапенко, молодым русским революционером, участвовавшим в боях на стороне Коммуны.

Больше всего времени проводил в помещении штаба старший адъютант Домбровского (сначала эту должность занимал француз Тирар, а после его смерти — поляк Рожаловский). Помещение вовсе не было безопасным местом — туда долетали не только снаряды, но и пули версальцев. Несмотря на это, вспоминает Рожаловский, Тирар непрерывно работал со своими бумагами и схемами. Однажды осколок попал к нему на стол, разбил чернильницу, и чернила залили чуть не всю «канцелярию» штаба. Схватив еще горячий кусок металла, Тирар с чисто французской экспансивностью бросил его на землю и закричал: «Черт возьми! Никогда не удастся спокойно поработать, вечно что-нибудь да помешает!» «Домбровский, — вспоминает Рожаловский о Тираре, — очень его любил и давал это понять при каждой возможности».

Как-то в своем штабе в Нейи Домбровский принимал двух или трех корреспондентов крупной американской газеты, специально пробравшихся туда для встречи с прославленным генералом Коммуны. Домбровский держался с ними свободно и с большим достоинством. Та часть беседы, которую слышал Рожаловский, была посвящена главным образом вопросу о возможностях и специфике народной войны. Смысл высказываний Домбровского сводился к тем выводам, которые были сделаны им еще в «Критическом очерке войны 1866 года». Народ, говорил Домбровский, может победить в революционной войне, ибо дело

не только в материальных, но и в моральных факторах.

Ни в штабе, ни за пределами своей резиденции Домбровский никогда не становился в позу начальника, свысока наблюдавшего за действиями подчиненных. Восстановление одной из совершенно разрушенных огнем противника баррикад, рассказывает Рожаловский, было поручено вновь прибывшему артиллерийскому офицеру — поляку Волькерту. Тот при дневном свете заготовил в укрытиях все необходимые материалы, чтобы с наступлением темноты выполнить задачу как можно быстрее. Когда стемнело, Домбровский пришел посмотреть, как идет это важное дело. Восстановление баррикады шло довольно быстро, но Волькерт пожаловался на нехватку солдат. Тогда Домбровский воскликнул: «Да ведь нас здесь пять или шесть офицеров, беремся сейчас же за работу!» Он первым показал пример; остальные офицеры последовали за ним, усталые солдаты подбодрились. К полуночи баррикада была восстановлена, и на ней установили три орудия.

Другой описанный Рожаловским эпизод связан с частыми поездками Домбровского в военную комиссию Коммуны, где ему приходилось добиваться подкреплений, боеприпасов, продовольствия, проявляя при этом не меньшее упорство и находчивость, чем в бою. Однажды у здания комиссии Домбровский увидел обоз, давно уже ожидавший конвоя для того, чтобы отправиться в форт Исси — важный укрепленный пункт на южном фасе обороны, то есть на участке Врублевского. Узнав о том, что грузы весьма нужные, Домбровский заявил, что конвоя дать не имеет возможности, но предлагает свои услуги, так как вместе с охраной он как раз отправляется в Исси. Обоз с таким почетным эскортом был в полной сохранности доставлен к месту назначения.

В районе форта Исси и деревни с таким же названием, где долгое время шли ожесточенные бои, произошел еще один интересный случай, зафиксированный в воспоминаниях Рожаловского. Две роты версальцев неожиданной атакой заняли здесь тактически важное укрепление. Проезжая мимо, Домбровский узнал об этом в числе первых. С пятнадцатью конниками из своей свиты и примерно столькими же пешими бойцами из бывших защитников укрепленного пункта Домбровский немедленно организовал контратаку. Коммунарам удалось незаметно приблизиться на пятьдесят шагов к противнику, затем маленький отряд во главе с генералом бросился в рукопашную. Укрепленный пункт отбили, было захвачено одиннадцать пленных. Только после этого подошли запоздавшие подкрепления. Узнав, как было дело, коммунары

стали кричать: «Да здравствует Домбровский, да здравствует его штаб!» «Мы, — вспоминает Рожаловский, — ответили: «Да здравствует Париж!»

Об отдельных героических поступках и рядовых коммунаров и их руководителей можно рассказать много. Но в целом военные действия развертывались неблагоприятно для Коммуны, упустившей тот момент, когда противника можно было сломить быстрыми и энергичными действиями. Вскоре, создав значительный перевес в живой силе и вооружении, версальцы начали планомерное наступление. 12 апреля на участке Домбровского, где оборонялись примерно 1300 коммунаров, двинулся в атаку целый армейский корпус, насчитывавший до 10 тысяч человек. Батальоны национальных гвардейцев удерживали свои позиции, наносили чувствительные контрудары на отдельных участках. 16 апреля, например, Домбровский донес о том, что в Нейи коммунары овладели несколькими баррикадами, захватив в качестве трофеев боевые знамена противника. Однако при почти десятикратном превосходстве противника это не могло продолжаться долго, тем более что адресованные военному делегату Клюзере просьбы о подкреплениях оставались безрезультатными. 19 апреля версальцы неожиданным нападением потеснили батальоны Домбровского, и лишь смелой контратакой им удалось восстановить положение. «После кровавой борьбы, — доносил в этот день Домбровский, — мы возвратились на свои позиции. Левый фланг, продвинувшийся вперед, захватил неприятельский продовольственный склад, в котором оказалось шестьдесят девять бочек ветчины, сыра и солонины. Бои продолжаются. Неприятельская артиллерия с высот Курбевуа забрасывает нас снарядами и картечью, но, несмотря на это, наш правый фланг осуществляет в данный момент маневр с целью избежать окружения выдвинутых вперед подразделений. Мне нужно пять батальонов свежих солдат, не менее двух тысяч человек, потому что силы неприятеля очень значительны».

Клюзере и на этот раз не прислал подкреплений. Коммунарам пришлось оставить Аньер, Бэкон и 20 апреля почти полностью очистить западный берег Сены. На следующий день Домбровский организовал контрудар, в результате которого смог укрепить район Нейи, Левалуа, Клиши. Коммунары держались в нем еще три недели, несмотря на смертоносный артиллерийский огонь с занятых версальцами фортов и неоднократные атаки. Постройки и укрепления здесь превратились в груды камней и пыли; укрываться от пуль и осколков было очень трудно, но коммунары не отходили. «Домбровский, — свидетельствует

очевидец, — бесстрастно державшийся под ружейным огнем, хладнокровно смелый и как бы не замечавший опасности, поспевал лично всюду, наблюдал за всем и устранял все опасности».

Отсутствие подкреплений, неразбериха в распоряжениях Клюзере, постоянные перебои в снабжении заставляли Домбровского обращаться к руководящим деятелям Коммуны помимо ее военного делегата. О неполадках в военном хозяйстве Коммуны, о неспособности, а возможно, и нежелании Клюзере им руководить Домбровский говорил Делеклюзу, Дюбрейлю, Авриалю и другим видным деятелям Коммуны. 23 апреля на заседании Коммуны Авриаль потребовал от Клюзере точного отчета о том, сколько бойцов и сколько орудий на участке Домбровского. Делеклюз, возмущенный уклончивым ответом Клюзере и всеми его действиями, огласил сочиненную военным делегатом афишу с призывом предоставить ему диктаторские полномочия. «Домбровский, — сказал Делеклюз, — явился вчера в состоянии полного изнеможения и сказал мне: «У меня нет больше сил, заместите меня. Для защиты пространства от Нейи до Аньера у меня оставляют тысячу двести человек, и больше этого количества у меня никогда не было». «Если это верно, — добавил Делеклюз, — то это акт измены».

В тот день Клюзере удержался на своем посту, но вскоре группа членов ЦК Национальной гвардии в секретном письме к членам Коммуны указала на необходимость немедленных энергичных мер в военной сфере. «Надо арестовать Клюзере, — говорилось в письме, — назначить Домбровского главнокомандующим, организовать из военных специалистов военный совет под контролем комиссара Коммуны. Нужны ответственные гражданские организаторы для контроля, и все это быстрей, быстрей, быстрей, иначе все пропало!» 1 мая был создан Комитет общественного спасения. Клюзере в тот же день арестовали, а на его место был назначен полковник Россель. Кадровый офицер французской армии Россель был республиканцем, но не понимал и не одобрял намечавшихся социальных преобразований; поэтому он добросовестно служил Коммуне, но не больше. По настоянию Росселя назначение Домбровского на должность главнокомандующего было аннулировано, но фактически он обладал властью большей, чем любой другой военачальник Коммуны.

В мае версальцы перенесли направление основных ударов на южный фас обороны Парижа, в район форта Исси. Домбровский часто бывал в этом районе, поддерживая постоянную связь с командовавшим там Врублевским; поэтому он хорошо знал

обстановку на данном участке. Очень разные внешне, действовавшие на разных боевых участках, Домбровский и Врублевский сохранились в памяти коммунаров рядом, так как были одинаково преданными делу революции, храбрыми и умелыми военачальниками, командирами нового типа, возможного только в народных армиях.

4 мая обеспокоенный сильными атаками на Исси член Коммуны Феликс Пиа распорядился, чтобы туда немедленно отправились Домбровский и Врублевский. Положение в Исси было восстановлено, но в отсутствие Врублевского версальцы, воспользовавшись предательством командира одного из батальонов, заняли редут Мулэн-Сакэ и вырезали весь его гарнизон. Вину за это кое-кто пытался возложить на Врублевского, так как Пиа отрицал, что тот покинул свой пост по его приказу. В конце концов невиновность Врублевского полностью подтвердилась, а Пиа, уличенный во лжи, лишившись доверия коммунаров, вынужден был подать в отставку.

10 мая версальцы атаковали и заняли форт Ванв, расположенный рядом с фортом Исси. Врублевский поднял два батальона и повел их в штыковую атаку; противник был опрокинут и оставил занятые укрепления. К 15 мая положение в целом стало столь критическим, что новый военный делегат Коммуны Делеклюз (Россель, Испугавшись трудностей, подал в отставку) собрал военный совет, на котором присутствовали Домбровский и Врублевский. Было решено сделать некоторую перегруппировку сил, пополнить части, назначить к командующим участками обороны специальных комиссаров Коммуны. К Домбровскому комиссаром был назначен Дерер, к Врублевскому — Лео Мелье. О Дерере — бывшем парижском сапожнике — у Рожаловского остались прекрасные впечатления. Это был, вспоминает он, умный и интеллигентный человек, добрый, смелый и рассудительный. С появлением Дерера Домбровскому стало несколько легче, и вообще введение института комиссаров в какой-то мере укрепило вооруженные силы Коммуны. Но положение было уже безнадежным. Домбровский и Врублевский прекрасно понимали это. Тем не менее они оставались на своих постах. Южная часть Парижа, обороной которой руководил Врублевский, была одним из последних оплотов Коммуны. Когда версальцы потеснили его части, он организовал борьбу в районе Итальянского бульвара, площади Жанны д'Арк и на Бютто-Кейль. Здесь действовал 101-й батальон, воевавший раньше под командованием Домбровского в районе Аньера и Нейи; с 3 апреля этот батальон не выходил из боя и не отдыхал. 24 мая коммунары на Бютто-Кейль под

командованием Врублевского отбили четыре яростные атаки версальцев, причем сами неоднократно наносили контрудары. 25 мая вынужденные отойти коммунары организовали сопротивление *у* Аустерлицкого моста и площади Жанны д'Арк. Несколько тысяч коммунаров во главе с Врублевским отбивали здесь в течение тридцати шести часов атаки целого армейского корпуса. Лишь под угрозой окружения Врублевский согласился на отступление и в полном порядке вывел свои части на северный берег Сены. Делеклюз предложил Врублевскому принять командование оставшимися вооруженными силами коммунаров. Но Врублевский, зная их малочисленность, не мог взять на себя ответственность за продолжение столь неравной борьбы. Отказавшись от командования, он до последней минуты оставался в строю в качестве простого солдата.

Чудом избежав плена при разгроме версальцами одной из последних баррикад, Врублевский не хотел покидать Парижа. Озверевшие каратели знали прославленного генерала Коммуны и повсюду ето искали. А он в костюме парижского пролетария спокойно расхаживал по городу и появлялся в кафе, где можно было встретиться с друзьями и знакомыми. Сын Адама Мицкевича — Владислав, встретив однажды Врублевского, стал уговаривать его немедленно уехать в Лондон. «Кажется, там скверный климат, — отшучивался Врублевский. — А здесь, в Париже, мне очень хорошо. Меня окружают честные рабочие, оберегают меня, приглашают меня на обеды, где так сердечно пьют за мое здоровьем. Позже Врублевский все-таки вынужден был уехать в Англию; французский суд, действуя по указке распоясавшейся реакции, приговорил его заочно к смертной казни.

Но вернемся на участок Домбровского. В Первой армии Коммуны, которую он возглавлял, к 11 мая оставалось около 8 тысяч бойцов. А у версальцев на этом участке было свыше 30 тысяч солдат и несколько сот мощных артиллерийских орудий. Несмотря на это, коммунары удерживали свои позиции и не раз наносили чувствительные контрудары наступающим версальцам. Домбровский был душой обороны и инициатором контрударов; не раз он лично предводительствовал коммунарами в рукопашных схватках.

Большую часть времени Домбровский проводил в наиболее угрожаемом секторе Ла-Мюэтт, включавшем часть городской стены, ворота и один из парижских вокзалов. Очевидец и участник событий Лиссагарэ, побывавший на этом участке, описывает свои впечатления следующем образом: «Дождавшись некоторого затишья, мы доходим до ворот или скорее до груды развалин, которые лежат на их месте. Вокзала более не

существует, туннель завален, бастионы сползли во рвы. Среди обломков копошатся люди […]. Каждый шаг к Ла-Мюэтт грозит смертью. На укреплениях у ворот Ла-Мюэтт офицер машет кепи по направлению к Булонскому лесу. Пули свищут вокруг него — это Домбровский, забавляя себя и солдат, что-то кричит версальцам, сидящим в траншеях».

На рассвете 21 мая Домбровский направил Делеклюзу донесение с оценкой сложившейся ситуации и своими предложениями. Он писал, что неприятельские траншеи с каждым днем приближаются, что некоторые участки городской стены фактически не защищены, что штурм города неминуем. «В моем распоряжении, — заявлял Домбровский, — не более четырех тысяч человек в Ла-Мюэтт, двести — в Нейи и столько же в Аньере и Сент-Уэне. Мне недостает артиллеристов и особенно саперов. Положение требует громадного усиления крепостных работ, которые одни смогли бы отсрочить катастрофу». Лефрансэ, посетивший Ла-Мюэтт в ночь на 21 мая, записал в своем дневнике: «Казематы всюду покинуты, так как невозможно дольше оставаться в них без риска быть там погребенным […]. Траншеи неприятеля не доходят лишь на пятнадцать метров до фортификаций, и я ясно различаю лица солдат, которые даже не дают себе больше труда прятаться […]. Положение весьма серьезно».

Положение действительно было трудным, но коммунары еще могли бы сопротивляться, если бы в их рядах не оказался изменник. Мелкий служащий Коммуны Дюкатель, решившийся на гнусное предательство, днем 21 мая ввел версальцев в Париж. Через полтора часа после этого Домбровский послал в Комитет общественного спасения и в военную комиссию следующую депешу: «Версальцы вступили через ворота Сен-Клу[45]. Принимаю меры, чтобы их прогнать. Если можете прислать подкрепления, отвечаю за все». Депеша была доставлена по назначению с большим опозданием, к тому же члены Коммуны не поверили известию о вступлении противника в город. Не потрудившись как следует проверить его, они в восемь часов вечера расклеили афишу, в которой сообщение Домбровского называлось «пустой паникой». Тем временем за городские стены проникало все больше и больше версальцев, все новые и новые районы оказывались под их контролем.

Домбровский с остатками подчиненных ему подразделений Национальной гвардии пытался остановить противника, имевшего подавляющее превосходство в численности и вооружении. Теофиль Домбровский подробно описал впоследствии действия своего брата в эти часы. «Брат мой,

известивши о вступлении версальцев военную комиссию и ожидавший быстрой помощи в людях и артиллерии, решил тотчас же атаковать противника. Он собрал все имеющиеся в его распоряжении силы (около тысячи человек) и разделил их на две колонны, причем командование одной принял на себя, а другой поручил командовать мне. Мы должны были атаковать с двух сторон: я вдоль окопов, а брат — обойти и ударить с тыла, со стороны железнодорожного моста. Ведя бой с версальцами, я напрасно до семи часов вечера ждал условного сигнала штыковой атаки. Сигнала не было, и только в восемь часов я узнал, что брат, тяжело контуженный осколком снаряда в грудь, в почти бессознательном состоянии находится в своей главной квартире». Без руководителя, без ожидавшихся подкреплений контрнаступление коммунаров захлебнулось, и они должны были отойти.

Немного оправившись, Ярослав Домбровский в два часа ночи явился в Комитет общественного спасения, подробно рассказал о событиях истекших суток и просил в связи с контузией освободить его, хотя бы на время, от командования. Временным преемником Домбровского утвердили полковника Ферри. Некоторые из членов Комитета, издерганные, деморализованные, плохо разбирающиеся в обстановке, накинулись на Домбровского и стали обвинять в случившемся его лично. Понятно, что Домбровский был до предела возмущен этим.

«— Как, — воскликнул он, — Комитет общественного спасения принимает меня за изменника?! Моя жизнь принадлежит Коммуне!»

Большинство, впрочем, горячо отвергло вздорные обвинения: Домбровского наперебой старались успокоить, повели его к столу, зная, что он более суток не прикасался к пище. За столом Домбровский был немногословен и задумчив. Подкрепившись и немного отдохнув, он молча попрощался с присутствующими и вышел. Было очевидно, что измотавшийся, оскорбленный подозрениями, он постарается любой ценой доказать их необоснованность.

Следующий день Домбровский пытался использовать для передышки и лечения, но это не удалось сделать из-за множества неотложных дел, из-за непрерывной канонады и вражеских снарядов, которые рвались во всех, Кажется, районах города. 23 мая он находился на Монмартре: с обычной своей энергией организовывал оборону этого важного района. Однако усилия его были напрасными, так как прусское командование в нарушение всех своих заявлений пропустило версальцев через оккупированную территорию, и они атаковали Монмартр с

северной стороны, где силы обороняющихся оказались мизерными, а укреплений вовсе не было. «Если бы Коммуна послушалась моих предостережений! — писал позже Карл Маркс. — Я советовал ее членам укрепить северную сторону высот Монмартра — прусскую сторону, и у них было еще время это сделать; я предсказывал им, что иначе они окажутся в ловушке…» Неожиданный удар версальцев с севера деморализовал защитников Монмартра, скоро они попали в окружение и вынуждены были прекратить борьбу.

В два часа дня Домбровский находился у баррикады на углу улиц Мирра и Пуасоньер. Здесь во время контратаки его настигла вражеская пуля. «Четыре человека, — вспоминает одна участница боев на стороне Коммуны, — несли на плечах носилки со смертельно раненным Домбровским. Увидев нас, они остановились. Домбровский пожал нам руки и сказал: «Не идите туда, все кончено. Вы погибнете, и совершенно бесцельно. Я умру. Жизнь моя не играет роли, думайте только о спасении республики». Он с трудом говорил, был утомлен. «Прощайте, друзья мои», — сказал он». Со смертельной раной в живот Домбровского принесли в ближайшую больницу Ларибуазьер. Там через два часа он умер.

Тело погибшего генерала к ночи доставили в здание городской ратуши, где продолжал работать руководящий Орган Коммуны. С наступлением темноты бои несколько стихли, но перестрелка кое-где продолжалась. Во многих местах город горел, и тревожные блики пламени освещали то один, то другой из известных всему миру парижских дворцов. Друзья и соратники спешили в эту ночь к ратуше, чтобы попрощаться с Домбровским. «В знаменитой «голубой комнате», — вспоминает один Из очевидцев, — мертвый Домбровский лежит на постели, обитой шелком. Домбровский в форме — в черном сюртуке, единственное украшение его одежды — галуны на рукавах. Свеча озаряет бледным светом его спокойное, белое как снег лицо, тонкий нос, небольшой рот и белокурую заостренную бородку. Два-три офицера молча сидят в темных углах комнаты, около кровати сидит капитан — он быстро рисует портрет покойного».

Похороны состоялись тоже ночью. Обернутое красным знаменем тело Домбровского при свете факелов медленно двинулось к кладбищу Пер-Лашез. На площади Бастилии, около колонны, сооруженной в честь взятия тюрьмы народом, процессию окружили коммунары, защитники баррикад. Они сняли тело погибшего с катафалка и на некоторое время положили у подножья колонны. Боевые соратники подходили к нему один за другим, чтобы под барабанный бой попрощаться со

своим прославленным командиром. Все это было самым искренним выражением чувств и делалось как-то само собой, ибо в ту тревожную ночь никто не думал об организации траурной процессии и торжественных похоронах.

Наконец похоронный кортеж достиг кладбища. У тела покойного — его брат Теофиль, член Коммуны Верморель, офицеры из штаба Домбровского и частей, которыми он командовал, вокруг могилы двести национальных гвардейцев. Верморель произносит прощальную речь, полную любви и уважения к покойному. «Вот, — сказал он, — тот, кого обвиняли в измене! Один из первых он отдал свою жизнь за Коммуну. Что же делаем мы вместо того, чтобы подражать Домбровскому?! Поклянемся же, что уйдем отсюда лишь затем, чтобы умереть!»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Человека, который много сделал при жизни, не забывают сразу даже его заклятые враги. Героическая смерть Домбровского не заставила замолчать продажных писак из версальского лагеря, не прекратила клеветнических нападок на него со стороны пресловутого «Отеля Лямбер». Едва ли не на следующий день после похорон родным и близким, друзьям и соратникам Домбровского пришлось вступить в нелегкую борьбу за его доброе имя, за добрую славу всех тех, кто встал на сторону Коммуны, кто был связан с I Интернационалом. Это стало необходимым потому, что реакция не только заливала кровью улицы Парижа, но и вела идеологическое наступление, заполняя прессу грязными инсинуациями о Коммуне и коммунарах. Реакционеры понимали, что самый жесточайший террор сам по себе не сможет уничтожить привлекательности тех великих идей, ради которых тысячи людей шли на баррикады.

Возрастающий накал этой борьбы отразился в том письме Озерова к Лаврову, которое завершает их переписку, касающуюся Домбровского. «Не отвечал я вам так долго, — говорится в письме от 13 июня 1871 года, — потому, что хотел собрать *точные* справки […] от г-жи Дмитриевой […]. Мне удалось повидаться с ней […], и вот что рассказала она мне: *Домбровский* ранен во вторник 23 мая, а *умер в среду* 24-го и похоронен. Вот печальное известие, которое передаю вам как слышал от Дмитриевой. Rosse приехал, цел и невредим, вероятно, будет писать вам. Начинаются серьезные гонения против Интернациональной ассоциации […]. А между прочим, нам нужно бороться против всяких пакостей, которые распускает злонамеренная, подлая реакционная журналистика […]. Трулье, подлый, свирепствует хуже Муравьева; о нет, никогда русские войска не делали того в Варшаве, что усмирители Парижа делают в Париже!.. Придет

время, и мы *отомстим* им».

Враги снова вытащили на свет прежние фальшивки, в том числе распространявшиеся французскими властями небылицы о том, что Домбровский был будто бы прусским шпионом или версальским агентом, а также созданную польскими реакционерами лживую версию о том, что эмигранты перешли на сторону Коммуны не из идейных, а из корыстных соображений. Тот самый генерал Трошю, полную бесталанность которого Домбровский разоблачил в свое время перед всей Францией, теперь вовсю распинался о связях генерала Коммуны с прусским командованием. На эту клевету ответила Пелагия Домбровская, написавшая Трошю открытое письмо, которое было опубликовано в печати. Она писала:

«В своем последнем выступлении […] Вы несколько раз обвинили моего мужа в том, что он играл роль прусского шпиона во время осады Парижа. Единственным доводом в подтверждение этого обвинения служил выданный Вами же приказ об его аресте. К счастью, есть честные люди, для которых такого рода доказательства будут всегда недостаточными. Чтобы восстановить истину, Вам следовало бы добавить, что генерал Домбровский был арестован французскими аванпостами, несмотря на то, что имел выданный Вашим правительством пропуск, упомянуть, что он у Вас лично просил разрешения сражаться за Францию в парижской армии. Вы должны были рассказать также, что перед попыткой пробраться через прусские линии для присоединения к генералу Гарибальди, который предложил Домбровскому занять должность в его армии, мой муж в своих выступлениях и в брошюре, издание которой Вы никак не можете ему простить, прилагал все усилия для того, чтобы превратить оборону Парижа в нечто большее, чем кровавая комедия […]. Не следует вместе с тем забывать, господин генерал, что такие люди, как Вы, вообще ненавидят людей, подобных Домбровскому. Для подтверждения правоты своей партии, если не во имя самой бессовестной личной выгоды, Вы не остановилась перед тем, чтобы ранить сердце вдовы, Вы покусились на священную нанять о покойном. Вы захотели обесчестить его детей, которые долге еще не будут в состоянии потребовать удовлетворения за нанесенные Вами оскорбления».

Те, кто обвинял Домбровского в сношениях с пруссаками, ссылались также на официальное письмо, направленное им прусскому командованию 21 мая 1871 года. Однако текст письма сам по себе опровергает подобного рода ссылки. «Будучи тяжело контуженным, — писал Домбровский прусскому главнокомандующему, — обращаюсь к Вам с вопросом, могу ли я

в случае, если пожелаю оставить Париж так, чтобы не попасть в руки версальцев, рассчитывать на то, что Вы разрешите мне явиться в Сен-Дени со своим штабом и следовать далее в Бельгию». Легко понять, что прусскому агенту не было никакого смысла ставить такой вопрос, так как хозяева приняли бы его в любое время. На письмо Домбровского, кстати говоря, ответа не последовало, да, видимо, он лично и не рассчитывал им воспользоваться. Что же касается отношения прусского командования к коммунарам и к Домбровскому, то оно с предельной отчетливостью выражено в лаконичной резолюции на злополучном письме. «Могут висеть» — вот что написал на запросе Домбровского прусский главнокомандующий. Эта резолюция окончательно перечеркивает не только все заявления пруссаков о нейтралитете, но и всякие домыслы о связях с ними Домбровского.

Слухи о сношениях Домбровского с версальцами были порождены описанными выше попытками подкупа. Версальцы начали особенно муссировать эти слухи тогда, когда убедились в том, что их усилия не имели и не могут иметь никаких шансов на успех. После разгрома коммунаров французская реакция воспользовалась слухами для того, чтобы очернить память одного из крупнейших деятелей Коммуны. Реакционерам, по-видимому сам того не желая, очень помог один из эмигрировавших в Англию участников Коммуны, который без всяких доказательств заявил, яте ворота Пуэн-дю-Жур были открыты для версальцев при содействии Домбровского.

Опровержение этого вздорного обвинения взял на себя брат генерала Коммуны Теофиль Домбровский. В большом открытом письме, предназначенном для польской печати, он подробно описал все действия своего брата за последние дни обороны Парижа, показывая чае за часом, где он был и что делал. С помощью неопровержимых фактов и ряда сохранившихся документов клевета на Домбровского была опровергнута. Определенное значение имела при этом также публикация Воловского, который рассказал о своих встречах с Домбровским в осажденном версальцами Париже и о полной безрезультатности предпринятых им попыток склонить его к измене.

Деятели правого крыла польской эмиграции и раньше всячески старались оклеветать своих соотечественников, поддержавших Коммуну. Теперь их глава князь Чарторыский поспешил направить в Версаль специальное послание. В нем он вопреки истине утверждал, что «за исключением, может быть, одного Домбровского, который был более русским, чем поляком, и с давних пор связан с русскими социалистами, прочие поляки,

служившие Коммуне, были чужды идеям Коммуны… это были просто «кондотьеры», военные наемники, продавшие свои услуги Коммуне за титулы и плату». Отповедь Чарторыскому дал Теофиль Домбровский в том же послании редакции «Газеты Народовой», а также в своем написанном несколько раньше открытом письме к польскому писателю Крашевскому. От имени поляков, сражавшихся на стороне Коммуны, он писал: «Нашей целью было не только отстоять народное правительство Парижа, но и добиться победы социальной революции, которая, как мне кажется, и для нас не безразлична». «Первой нашей мыслью и первым вопросом, — говорилось в другом месте, — было всегда: что это может дать для Польши? Принимая участие в парижской революции, мы видели в ней социальную революцию, которая в случае успеха могла изменить существующие порядки во всей Европе. Потеряла ли бы от этого что-либо Польша? Нет! Выиграла бы что-либо? Все! Мысль эта была стимулом для всех поляков, боровшихся под знаменем революции».

Против кампании клеветы на Парижскую коммуну самым энергичным образом выступили Карл Маркс, Фридрих Энгельс и возглавляемый ими I Интернационал. Основоположники научного коммунизма дали глубокую оценку деятельности Коммуны и отдельных ее руководителей. В своей замечательной работе «Гражданская война во Франции», опубликованной в июне 1871 года, Маркс писал: «Вторая империя была праздником космополитического мошенничества […]. Коммуна предоставила всем иностранцам честь умереть за бессмертное дело […].

И Тьер, и буржуазия, и Вторая империя постоянно обманывали поляков громогласными выражениями своего сочувствия, в действительности предавая их России и выполняя ее грязное дело. Коммуна почтила героических сынов Польши, поставив их во главе защитников Парижа». Оценивая роль Домбровского, Врублевского и их соотечественников, Энгельс писал: «…В Парижской Коммуне они были единственными надежными и способными полководцами». В более позднее время аналогичные оценки высказывал В. И. Ленин. «Память Домбровского и Врублевского, — писал он в 1903 году, — неразрывно связана с величайшим движением пролетариата в XIX веке, с последним — и, будем надеяться, последним неудачным — восстанием парижских рабочих».

Многие поляки — участники Коммуны не были для Маркса и Энгельса людьми, о которых они судили с чужих слов. После разгрома Коммуны значительная их часть вынуждена была бежать в Англию. Жена Домбровского за несколько дней до его смерти с детьми выехала в Лондон. Позже эмигрировал в Англию и

Теофиль Домбровский. Семья Ярослава Домбровского, его брат, Валерий Врублевский и другие польские эмигранты — участники Коммуны, находясь в Лондоне, поддерживали контакты с Марксом и его семьей. Маркс не только хорошо знал о подвигах польских революционеров, сражавшихся за свободу французских трудящихся. Он оказывал им большую помощь либо из сумм, выделенных Интернационалом, либо из своих собственных весьма ограниченных средств. Помогали полякам и русские революционные эмигранты, особенно Лавров и Давыдов. Об этом свидетельствуют донесения находившегося в Лондоне царского агента Балашевича-Потоцкого и другие источники.

Сохранились письма Марксу от брата генерала Коммуны Теофиля Домбровского, от его адъютанта Влодзимежа Рожаловского, воспоминания которого неоднократно цитировались выше, от Юзефа Розвадовского и других поляков-коммунаров. Они обращались к Марксу за помощью и получали ее в виде денег, рекомендательных писем для устройства на работу, содействия в публикации статей и т. д. Они тесно сотрудничали с Марксом в I Интернационале, где существовала польская секция, которую с осени 1871 года возглавлял ближайший друг и соратник Ярослава Домбровского — Валерий Врублевский. Среди многочисленных писем польских корреспондентов к основоположникам научного коммунизма есть и письмо жены Домбровского, причем из его текста ясно, что оно не было единственным. «Находясь в критическом положении, — писала она в марте 1872 года, — я Не имею никого, к кому могла бы обратиться за помощью. Я очень прошу Вас извинить меня и помочь мне еще раз. Будьте уверены, что единственным моим желанием будет поскорее возвратить Вам свой долг и что я всегда буду Вам благодарна».

В июне 1871 года Балашевич-Потоцкий доносил: «Сюда прибыл из Парижа полковник Лавров»; он, по словам царского агента, «не отчаивается и надеется, что дела еще поправятся». Другое донесение содержало такую фразу: «Почти все поляки в Париже имели участие в Коммуне. Многие перебиты, арестованы, но другие еще на свободе и готовятся к, новой революции». «Интернационал, — говорилось в третьем донесении, — старается употребить поляков и русских для развития пропаганды в России, Галиции и Дунайских княжествах». В июле в Петербург пришло еще одно донесение: «Сочево[46] уехал в Шотландию, но за ним Давыдов послал приглашение прибыть в Лондон, где имеет быть при разрешении [от бремени] жены известного бандита Домбровского. Брат убитого Домбровского в Лондоне и получил пособие от Давыдова, который, как видно по его расходам,

состоит агентом революционной партии и получает от них деньги».

На благородном деле помощи вдове Домбровского пытались, между прочим, нажить себе политический капитал деятели, стоявшие в стороне от Международного товарищества рабочих и даже враждебные ему. Известно, в частности, что Ле-Любе, исключенной в 1866 году Из Интернационала за интриги и клевету, пытался использовать это дело в качестве предлога для саморекламы и дешевых эффектов, чем вызвал письменный протест Т. Домбровского. Этот протест был оглашен Марксом на заседании Генерального совета Интернационала.

Весьма любопытно наблюдать, как в данном вопросе пришлось изворачиваться царскому агенту. В июне 1871 года, желая угодить начальству, Балашевич-Потоцкий донес: «Жена известного Ярослава Домбровского с детьми прибыла сюда и находится в последнем месяце беременности без средств к жизни; обращалась к нам, но мы отказали по поводу участия ее мужа в Коммуне». В октябре следующего года под давлением общественного мнения агенту пришлось изменить позицию. «Жена Домбровского с детьми, — доносил он, — оставила Лондон, и мы снабдили ее деньгами на проезд, хотя это стоило нам значительной суммы. Но это не останется внакладе, и влияние наше увеличилось». Гнусность поведения Балашевича станет еще более очевидной, если учесть, что примерно в то же время он разными ухищрениями старался расстроить попытку Теофиля Домбровского опубликовать документы своего погибшего брата, а раздобытую каким-то образом редчайшую фотографию, на которой генерал Коммуны запечатлен сразу же после смерти, поспешил отослать в Третье отделение.

Пелагия Домбровская вместе с тремя сыновьями Петром, Вацлавом и Ярославом в 1872 году выехала из Лондона на родину — в Галицию. С 1880 года она почти безвыездно жила в Кракове, зарабатывая преподаванием французского языка сначала в различных пансионах, а позже — в Первой женской гимназии. Те, кто наблюдал ее в эти годы, вспоминают о ней как об очень интеллигентном и отзывчивом человеке с разносторонними интересами, квалифицированном преподавателе и хорошем педагоге. С двумя сыновьями Домбровских — Ярославом и Вацлавом — произошло несчастье: оба они в юношеском возрасте покончили жизнь самоубийством. Старший сын, Петр, стал мелким чиновником, перед первой мировой войной и в межвоенный период он жил в Жешове. Его сын и внук генерала Коммуны — Ромус Домбровский, по имеющимся сведениям, в годы гитлеровской оккупации находился в Варшаве; о

дальнейшей его судьбе ничего не известно.

Борьба за добрую память Домбровского не кончилась в 70-х годах прошлого века. Она продолжалась и в последующие десятилетия. Реакционеры, националисты так или иначе преуменьшали его историческую роль и принижали его личные достоинства, а несколько поколений революционеров и прогрессивных людей более или менее успешно мешали их фальсификаторским ухищрениям. Окончательно правда о Домбровском восторжествовала лишь в последнее время, когда в народной Польше и в Советском Союзе появились книги, статья, публикации, освещающие его жизненный путь не только достаточно подробно, но и в полном соответствии с исторической действительностью.

Могиле Домбровского на кладбище Пер-Лашез не посчастливилось: через восемь лет после похорон владельцу участка помешал склеп, в котором покоилось тело генерала Коммуны. Останки его были перевезены на кладбище Иври и зарыты на бесплатном участке, причем место захоронения никто не отметил. Так что ни парижане, ни гости Парижа, чтящие память Домбровского, к сожалению, не имеют возможности побывать на его могиле. Но он не забыт: память о нем бережно хранят не только его соотечественники, но и все прогрессивное человечество. Имя Домбровского написала на своем знамени одна из бригад Интернационального легиона, сражавшегося в Испании против франкистов; его имя принимали партизанские отряды, боровшиеся против гитлеризма. О Домбровском писали и пишут ученые и писатели, над воплощением его образа работали и работают деятели изобразительного искусства, театра и кино. В столице народной Польши — возрожденной из руин Варшаве — именем Ярослава Домбровского названа одна из улиц. Для вооруженных сил Польской Народной Республики готовит кадры Военно-техническая академия имени Домбровского, а польские военные специалисты высоко ценят его труды и считают генерала Коммуны одним из основоположников передовой военной науки.

Ярослав Домбровский — это один из наиболее ярких деятелей польского освободительного движения. Он жил в переходный период, когда для определенной части его участников типичным являлся путь от шляхетской революционности через революционный демократизм к научному социализму. Двигаясь по этому пути в числе первых, Домбровский всегда горячо ратовал за союз революционеров различных стран, неустанно боролся за сотрудничество между ними. Его имя заняло почетное место в истории революционной Польши. В то же время оно прочно вошло в историю русского,

французского и международного революционного движения.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯРОСЛАВА ДОМБРОВСКОГО

1830, 1(13) ноября — В Житомире, в семье Виктора и Зофьи Домбровских родился сын Ярослав.

1845 — июнь 1853 — Годы ученья Ярослава Домбровского в Брестском кадетском корпусе.

1853–1855 — Продолжение образования в Петербурге в Дворянском полку, переименованном в марте 1855 года в Константиновский кадетский корпус.

1855, 11 (23) нюня — Производство в прапорщики (первый офицерский чин русской армии) с назначением в 19-ю полевую артиллерийскую бригаду.

1855–1859 — Пребывание на Северном Кавказе в составе названной бригады; участие в походах и боевых действиях царской армии против горцев; производство в подпоручики и поручики.

1859, август — декабрь — Подготовка к сдаче вступительных экзаменов в Академию генерального штаба (Петербург).

1859, декабрь — 1861, декабрь — Ученье в Академии генерального штаба; вступление в созданный Зыгмунтом Сераковским кружок офицеров-генштабистов и руководство этим кружком; производство в чин штабс-капитана.

1860, май — Начало манифестаций в Варшаве.

1860, декабрь — 1861, январь — Первая поездка Домбровского в Варшаву для установления связей с польскими конспираторами; знакомство с П. Згличинской.

1861, 13(25) и 15(27) февраля — Патриотические манифестации в Варшаве, окончившиеся расстрелом манифестантов.

19 февраля (2 марта) — Манифест о крестьянской реформе в большинстве российских губерний.

Октябрь — Объявление Царства Польского на военном положении; возникновение в Варшаве городского комитета — руководящего органа партии красных, превратившегося позднее в Центральный Национальный Комитет (ЦНК).

Осень — Объединение революционных кружков в частях армии на территории Царства Польского и западных губерний, образование революционной организации во главе с Комитетом русских офицеров в Польше.

1862, 25 января (6 февраля) — Приезд Я. Домбровского в Варшаву в качестве старшего адъютанта штаба 4-й (6-й) пехотной дивизии.

Март — август — Активная работа Я. Домбровского в варшавском подполье в качестве конспиративного начальника города и члена ЦНК.

Июнь — Принятие разработанного Я. Домбровским плана восстания; воззвание «Русские офицеры солдатам русских войск в Польше», покушение Потебни на наместника царя в Польше генерала Лидерса; казнь членов военно-революционной организации Аргольдта, Сливицкого и Ростковского в Модлине.

2(14) августа — Арест Я. Домбровского (заключен в Десятый павильон Варшавской цитадели).

Сентябрь — Переговоры между представителями ЦНК партии красных и издателями «Колокола» в Лондоне.

24 сентября (6 октября) — Объявление о рекрутском наборе в Царстве Польском.

23 ноября (5 декабря) — Завершение петербургских переговоров между представителями партии красных и всероссийским тайным обществом «Земля и воля».

1863, ночь на 11(23) января — Начало восстания в Царстве Польском.

Март — апрель — Присоединение белых к восстанию.

1864, 19 февраля (2 марта) — Указы о крестьянской реформе в Царстве Польском.

24 марта (5 апреля) — Венчание Я. Домбровского с П. Згличинской в Десятом павильоне Варшавской цитадели.

Октябрь — Вынесение приговора военного суда по делу Я. Домбровского (приговорен к пятнадцати годам каторжных работ).

2(14) декабря — Побег Я. Домбровского из пересыльной тюрьмы на Колымажном дворе в Москве.

1865, 16 (28) мая — Побег П. Домбровской из г. Ардатова, где она находилась в ссылке (с помощью землевольца В. М. Озерова).

Июнь — Отъезд Я. Домбровского с женой из Петербурга; начало эмигрантского этапа его жизни.

Июнь — август — Пребывание Я. Домбровского в Швеции и Германии, поездки в Бельгию и Швейцарию; поиски заработка, установление контактов с революционной эмиграцией.

Осень — Приезд Я. Домбровского в Париж (поселился в районе Батиньоль, поступил на службу чертежником в управление железной дороги).

1866 — Возникновение организации Объединение польской эмиграции (позже — Объединение польской демократии), активным деятелем которой во второй половине 60-х годов

являлся Я. Домбровский.

1867 1 (13) февраля — Ответы Я. Домбровского на вопросник Гмины Батиньоль («Кредо»).

Июнь — Покушение польского эмигранта А. Березовского на русского царя Александра II, приезжавшего в Париж.

29 октября (10 ноября) — Письмо Я. Домбровского «Гражданину Беднарчику и его политическим друзьям».

1868 — В Женеве вышел в свет на польском языке военно-исторический труд Я. Домбровского «Критический очерк войны 1866 года в Германии и Италии».

1869 — Аресты французской полицией Я. Домбровского и начало клеветнической кампании против него с обвинением в изготовлении фальшивых русских денег.

1870, сентябрь — Мемориал Я. Домбровското французскому правительству национальной обороны о создании из добровольцев польских формирований для партизанских действий против прусской армии.

Октябрь — Назначение Я. Домбровского командиром польского легиона из добровольцев, формируемого в Лионе.

1871, 18 марта — 25 мая (н. ст.) — Парижская коммуна.

18–21 марта (н. ст.) — Возвращение Я. Домбровского из Лиона в Париж.

Апрель — Я. Домбровский назначен сначала командиром XI легиона коммунаров, а затем комендантом Парижского укрепленного района и командующим войсками западного сектора обороны Парижа. Коммуна присвоила ему звание генерала.

Апрель — май — Активное участие Я. Домбровского в боевых действиях вооруженных сил Коммуны против армии версальцев.

23 мая (н. ст.) — Я. Домбровский получил тяжелое пулевое ранение в бою у баррикады на углу улиц Мирра и Пуасоньер и, доставленный в больницу Ларибуазьер, через два часа умер.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА

К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения. Изд. 2-е, т. 17, стр. 350–353; т. 33, стр. 191; т. 35, стр. 222.

В. И. Ленин, Полное собрание сбчинений, т. 5, стр. 28–29, т. 7, стр. 237–238.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Я. ДОМБРОВСКОГО

Krytyczny rys wojny 1866 roku w Niemczech 1 we Wioszech. Warszawa, 1952.

Trochu jako organizator i wódź naczelny. Warszawa, 1955.

Listy. Zebrai, wstępem i przypisami opatrzyi Rafai Gerber. Warszawa, 1960.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ

«Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей», т. III, М., 1958.

«Русско-польские революционные связи» (сб. в серии «Восстание 1863 года. Материалы и документы»), т. I, М, 1963.

«Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде» (сб. в той же серии), М., 1961.

«Генеральный совет Первого Интернационала. 1866–1868. Протоколы», М., 1963.

Вольная русская поэзия второй половины XIX века», Л., 1959.

В. Э. Боград, Воспоминания Н. Д. Новицкого о Чернышевском и Добролюбове. «Литературное наследство», т. 67, М., 1959.

P. Dąbrowską, Pamiętnik. Twórcrość», 1946, И.

В. А. Дьяков, Заметки Владислава Коссовского. В сб. «Революционная Россия и революционная Польша». М, 1967.

О. Еленский, Мои воспоминания о забытом корпусе. «Русская старина», 1895, № 6.

В. Г. Короленко, История моего современника. Гослитиздат, т. I, М., 1948.

П. И. Огородников, Дневник заключенного. «Исторический вестник», 1882, № 6–9.

W. Rozaiowski, Żywot jeneraia Jarosiawa Dąbrowskiego. Lwów, 1878; wydanie 2-e, Warszawa, 1955.

Н. Г. Чернышевский, Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 годах, т. I, М, 1890.

С. И. Шкроб, Письма В. М. и Ал. Озеровых. «Литературное наследство», т. 62, М, 1955.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МОНОГРАФИИ, СТАТЬИ, СПРАВОЧНИКИ

Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. IX, ч. 3 — Гродненская губерния (Спб., 1849); т. X, ч. 3 — Волынская губерния (Спб., 1850); т. XVI, ч. 1 — Ставропольская губерния (Спб., 1851).

Jerzy W. Borejsza, Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966.

Jerzy W. Borejsza.W kręgu wielkich wygnańców. Warszawa, 1963.

K. Wyczafska, Polacy w Komunie Paryskiej 1871 r.

В. А. Дьяков, И. С. Миллер, Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964.

S. Kieniewicz, Warszawa w powstaniu styczniowym. Wydanie 2-e, Warszawa, 1956.

Г. И. Марахов, Сигизмунд Сераковский и его связи с Украиной. «Советская Украина», 1961, № 2.

О. П. Морозова, Материалы к биографии Бронислава Шварце. Сб. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960.

А. Ф. Смирнов, Революционные связи народов России и Польши. 30—60-е годы XIX в М, 1962.

D. Fajnhauz, Ruch konspiracyjny na Litwie. 1846–1848. Warszawa, 1965.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ИЗДАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА

W. Bortnowski, Jarosiaw Dąbrowski. Warszawa, 1951.

Д. Гранин, Генерал Коммуны (Ярослав Домбровский). «Советская Россия», М., 1965.

В. А. Дьяков, Ярослав Домбровский. В кн «Герои 1863 года», М., 1964..

M. Zlotorzycka, Jarosiaw Dąbrowski. Warszawa, 1948.

А. Я. Лурье, Ярослав Домбровский, генерал Парижской коммуны. В кн. А. Я. Лурье «Портреты деятелей Парижской

коммуны». М, 1956.

W. Markowska, Droga na barykady Komuny. Warszawa, 1952.

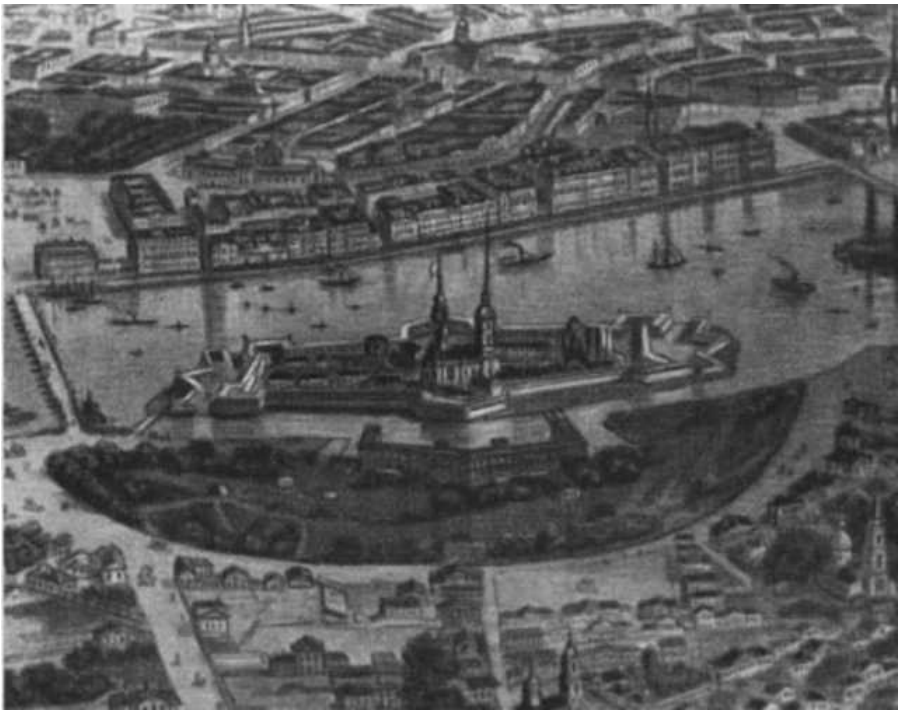
Л. Славин, За нашу и вашу свободу! Повесть о Ярославе Домбровском. М., 1968.

S. Strumph-Wojtkiewicz, General Komuny. Kraków, 1950.

S. Szymański, Jarosiaw Dąbrowski. Warszawa, 1947.

Иллюстрации

Ярослав Домбровский. Фото 1855 года.



Петербург в середине XIX века.

Н. П. Огарев и А. И. Герцен.

Н. Г. Чернышевский.

No. 94. THE BELL. MARCH 15. 1861.

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 94.

15 Марта 1861.

VIVAT POLONIA!

VIVAT POLONIA!

No. 94. THE BELL. MARCH 15. 1861.

КОЛОКОЛЪ

VIVAT POLONIA!

Листы «Колокола» и прокламация со статьей Герцена «Vivat Polonia!».

Группа членов кружка генштабистов.

Зыгмунт Сераковский в форме офицера генерального штаба русской армии.

Саксонский сад в Варшаве. Фото 50-х годов XIX века.

Военный лагерь перед замком наместника в Варшаве 1862 года.

Ярослав и Теофиль Домбровские.

Игнаций Хмеленский.

Андрей Афанасьевич Потебня.

Иван Николаевич Аргольдт.

Петр Михайлович Сливицкий.

Константин Игнатьевич Крупский.

РУССКІЕ ОФИЦЕРЫ

Солдатамъ Русскихъ Войскъ въ Польшѣ.

Солдаты! Жалкое положеніе наше заставляетъ насъ вамъ старшимъ братьямъ возвысить нашъ голосъ. Царь почти ничего не даетъ вамъ и давать не хочетъ. Жалованье ваше ничтожно, вы дурно одѣты, а между тѣмъ ваша рука достаточна для того чтобы не умереть съ голоду, даже составить достояніе вашей — деньги, которыя вы вырубили за неприбранный хлѣбъ безстыдно теперь отняты у васъ. Отправленные отъ родины, отъ всѣхъ ближнихъ и родныхъ вашихъ, вы служите въ тяжкой неволѣ большую часть своей жизни. Многіе изъ васъ гибнутъ на службѣ отъ изнуренія побоевъ и бываютъ, и если и удается кому изъ васъ возвратиться на родину, то для того только, чтобы послѣ двадцатилѣтней разлуки не узнать земли родной избы не отыскать даже своихъ родныхъ вашихъ. Увѣчья и потеряніе вами, служивые вашею тяжкой службой разве вознаграждаются чѣмъ нибудь? Тысячи севастопольскихъ героевъ, нынѣшнихъ нищихъ вашей милостыней, могутъ засвидѣтельствовать, что ожидаетъ васъ въ старости. Солдаты, вы несчастны, вы всѣми отвергнуты! Вы возбуждаете участіе во всѣхъ, тѣхъ называющихъ вашими, которые желаютъ васъ побить, но вы одни ничего не можете для васъ сдѣлать. Отъ васъ самихъ зависитъ теперь улучшеніе участи вашей; насталъ теперь удобный случай, и вмѣстѣ ваше и наше будетъ залогомъ побѣды. Отцы и братья ваши возстали уже противъ царя и помѣщиковъ, справедливо требуя себѣ земли и воли, они протягиваютъ къ вамъ руки, ищутъ отъ васъ помощи. Развѣ мы будемъ равнодушными зрителями погибели всѣхъ родныхъ и близкихъ нашихъ развѣ захотимъ заслужить справедливыя проклятія ихъ? Нѣтъ, нѣтъ! Мы составимъ вольныя дружины и поспѣшимъ въ Россію на помощь нашимъ. Все, что служитъ позорнымъ исполненію, долгу святого долга, все грабящее и угнетающее насъ должно погибнуть; кровь ихъ да смоетъ позоръ, наложенный нами русскою невинною кровью русскихъ крестьянъ и Поляковъ, пролитою по ихъ приказаніямъ.

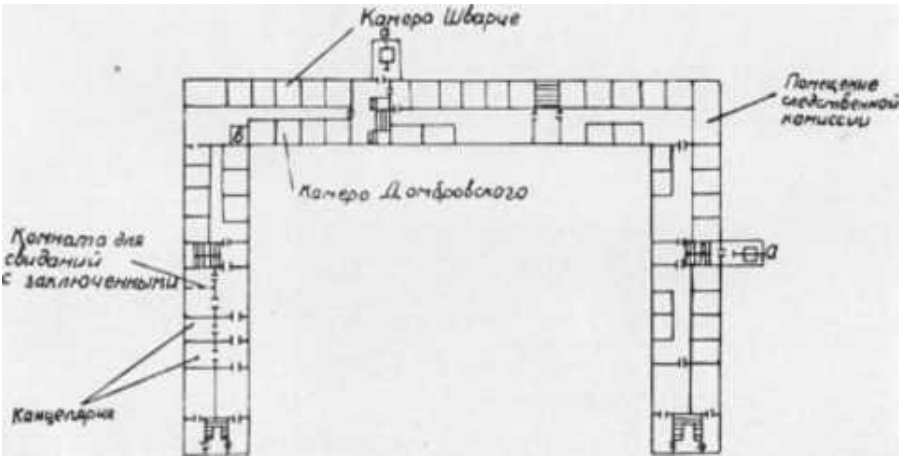
Поляки готовы возстать, падаютъ отцамъ и братьямъ нашимъ за нашу волю, за свою землю. Они протягиваютъ вамъ руку помощи — соединимся съ ними и никто не будетъ въ силахъ противиться намъ. Наши вольныя дружины, поддержанныя ихъ дружескими полками пройдутъ по Россіи съ кликами торжества и свободы. Побѣды наши достанутъ волю и землю отцамъ, братьямъ и дѣтямъ вашимъ и позволятъ вамъ возвратиться къ семействамъ вашимъ. Мы Офицеры ваши готовы сложить головы за нашу и вашу свободу, за свободу народа Русскаго и Польскаго, повсюду насъ, при помощи Божіей, на это святое и великое дѣло. Товарищи! мы ожидаемъ васъ къ намъ, и что дѣлать, мужества недостанетъ у васъ, чтобы придти за нами!

Варшава, (18) іюля 1862 года.

Достаточно [illegible] братьевъ

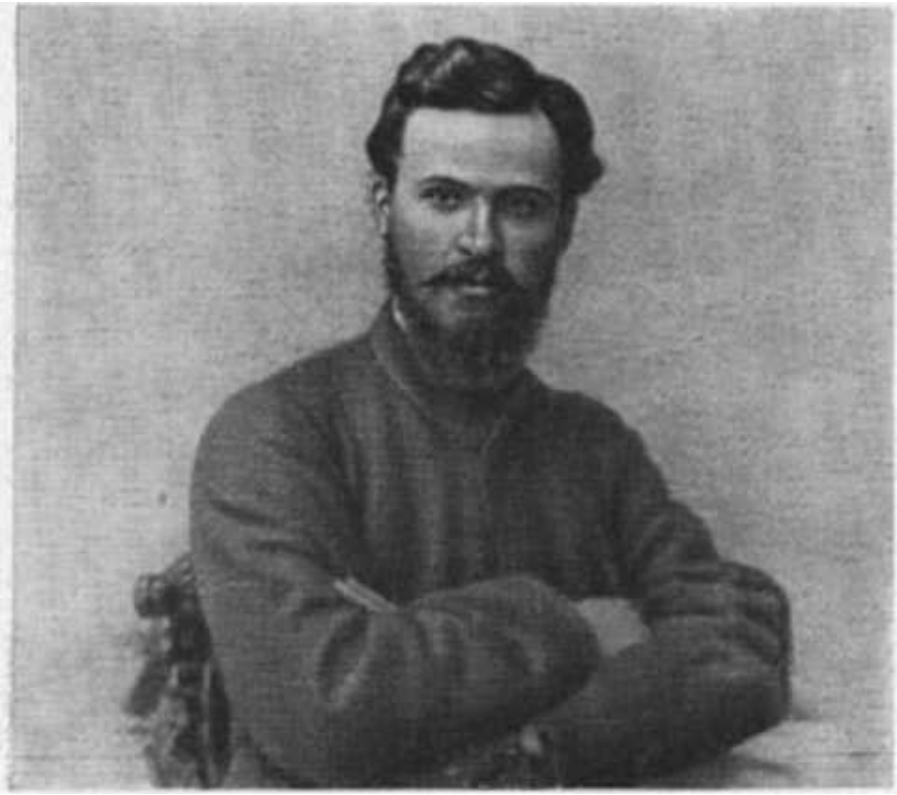
Воззвание революционной организации офицеров русской армии в Польше от 6 (18) июля 1862 года.

Ворота Варшавской цитадели.



Десятый павильон Варшавской цитадели. План второго этажа.

Мемориальная доска на ул. Видок в Варшаве.



Бронислав Шварце.

Показания Я. Домбровского на военном суде 26 июня 1863 г.

Пелагия Згличинская (Домбровская).

Комната следственной комиссии в Десятом павильоне Варшавской цитадели.

ДОПОЛНЕНІЕ

КЪ СУТОЧНОМУ ПРИКАЗУ

ПО МОСКОВСКОЙ ПОЛИЦІИ,

на 3 число Декабря 1864 года, за № 332.

2 ч. Декабря во время сопровожденія въ баню Польскихъ христіанъ изъ Калужскаго двора, бѣжалъ арестантъ бывшій [illegible] Ярославъ Домбровскій.

Приметы его: небольшаго роста, блондинъ, средняго тѣло-сложенія, усы небольшіе, закрученные къ верху, борода едва замѣтная, носъ прямой, глаза небольшіе сѣрые, ротъ правильный, лицо нѣсколько худощавое, чистое, лѣтъ не болѣе 30.

Постоянная одежда его была: дубленый полушубокъ, сѣрой казинетъ шаровъ, личные длинные сапоги, чёрная мерлушковая шапка.

Предписываю по Полиціи принять самыя дѣятельныя мѣры къ розыску Домбровскаго и по отысканіи сдѣлать у него обыскъ, задержать его и мнѣ донести.

Подписалъ: *Генералъ-Лейтенантъ, Графъ Крейцъ.*

Кто сказалъ?

Приказ по московской полиции о розыске Ярослава Домбровского.

Ярослав Домбровский.

Первый лист книги протоколов комитета Объединения польской эмиграции с подписью Я. Домбровского.

Валерий Врублевский.

Паника в Париже при приближении пруссаков в 1870 году.

Numéro 3. — 10 Floréal an 79 — 2 SOUS

LE FILS
DU
PÈRE DUCHÊNE
ILLUSTRÉ
Paraissant deux fois par semaine

LE GÉNÉRAL DOMBROWSKI

Дружеский шарж на Я. Домбровского в газете коммунаров «Сын отца Дюшена».

REPUBLIQUE FRANCAISE

LIBERTÉ — ÉGALITÉ — FRATERNITÉ

COMMUNE DE PARIS

DOMBROWSKI A EXÉCUTIVE.

Après un sanglant combat, nous avons repris nos positions. Nos troupes, portées en avant sur notre aile gauche, s'emparèrent d'un magasin d'approvisionnement de l'ennemi, dans lequel nous avons trouvé 69 tonneaux contenant du jambon, du fromage et du lard.

Le combat continue avec acharnement. L'artillerie ennemie, placée sur la hauteur de Courbevoie, nous couvre de projectiles et de mitraille; mais, malgré la vivacité de ces feux, notre aile droite exécute en ce moment un mouvement dans le but d'envelopper les troupes de ligne qui se sont engagées trop en avant.

Il me faut cinq bataillons de troupes fraîches, 2,000 hommes au moins, parce que les forces ennemies sont considérables.

Paris, le 19 avril 1871.

DOMBROWSKI.

Листовка с донесением Я. Домбровского об атаке на версальцев 19 апреля 1871 года.

Ярослав Домбровский. Фотография, сделанная сразу после смерти.

notes

Примечания

1

Вероятно, имеется в виду управляющий Третьим отделением Л. В. Дубельт.

2

Ныне станица Советская, районный центр Краснодарского края.

3

Записками тогда было принято называть конспекты лекций или книг, составленные для учебных целей.

4

Собственность есть кража *(франц.)*.

5

О том, кто скрывается за этой подписью, среди ученых до сих пор идут нескончаемые споры. Вероятнее всего, это был один из ближайших соратников Чернышевского по созданию «Земли и воли», издатель и публицист Н. А. Серно-Соловьевич.

6

Кружок из польских и украинских литераторов, чиновников, офицеров, в который, по словам Коссовского, входил и Т. Г. Шевченко.

7

Студенческий кружок, точнее, студенческие кружки в Петербургском университете, ставшие базой для создания столичного отделения «Земли и воли».

8

Кружок артиллеристов или чернышевцев, упоминавшийся выше.

9

Константин Игнатьевич Крупский — отец Надежды Константиновны Крупской.

10

Полковник, командир Ладожского пехотного полка.

11

Интересно отметить, что, переехав на улицу Налевки, Домбровский оказался поблизости от Цитадели, как раз в одном из таких домов, где могли бы собираться повстанцы перед штурмом.

12

Королевский замок, одно из красивейших зданий старой Варшавы, находился в центре города; во время второй мировой войны разрушен, и сейчас от него остался только фундамент.

13

Прагой называется расположенная за Вислой восточная часть Варшавы.

14

1 июля 1862 года орудия Петропавловской крепости салютовали в честь рождения ребенка у великого князя Константина.

15

Так в Варшаве называли извозчичью пролетку.

16

Генерал С. А. Хрулев — командир 2-го армейского корпуса, включавшего почти весь гарнизон Варшавы.

17

С декабря 1860-го по октябрь 1861 года Огородников учился в Академии генерального штаба, откуда был отчислен по болезни.

18

Огородников воспитывался в кадетских корпусах: Новгородском (1848–1855 годы) и Константиновском (1855–1858 годы).

19

Огородников был переведен из Варшавы в Модлин 17 сентября 1862 года.

20

Речь шла о револьвере, который был обнаружен у отставного юнкера Ковальского, арестованного по подозрению в покушении на Лидерса; Ковальский, по сведениям полиции, был связан с офицерами Шлиссельбургского полка и товарищами Потебни, которые бывали у сестер Петровских.

21

В действительности это была инструкция по тактике для будущих повстанческих командиров.

22

Прапорщик Вышемирский, однополчанин Потебни, посещал квартиру сестер Петровских и был арестован по тому же делу, по которому позже арестовали Домбровского.

23

Речь идет об Арнгольдте, Сливицком и Ростковском.

24

Польский конспиратор, сидевший в соседней камере.

25

Вместе с Огородниковым в камеру вскоре посадили поляка Яновича.

26

По преданию Левиту (Levitoux), умерший в Варшавской цитадели, изобрел или ввел в употребление теперешнюю польскую азбуку для перестукивания.

27

Чтобы парализовать действия армейских революционеров, царизм в это время широко прибегал к перемещениям, во-первых, всех «неблагонадежных» офицеров из западной части империи во внутренние губернии, во-вторых, всех, особенно затронутых оппозиционными настроениями, частей — из Варшавы в дальние уголки Царства Польского.

28

То есть лиц, внесенных в конскрипционные списки для отдачи в рекруты.

То есть письма жены и ее теток.

30

Так в XIX веке называли удостоверение личности — любой документ, аналогичный паспорту.

31

В переводе для краткости кое-что опущено.

32

М. Н. Муравьев, будучи председателем следственной комиссии по делу о покушении на царя, совершенном Д В Каракозовым, вовсю проявил те свои «таланты», за которые он довольно давно получил прозвище «Вешатель».

33

В те времена французскому языку обучали детей во всех шляхетских семьях, так как считалось, что его обязан знать каждый образованный человек; другие же европейские языки были знакомы очень немногим.

Имеются в виду правительства Франции и Англии, от которых ждали активного вмешательства в пользу восставшей Польши.

То есть общинном.

36

Имеются в виду Пруссия и Австрия как державы, оккупировавшие часть польских земель.

Домбровский имеет в виду легкую победу молодой прусской армии, строившейся отчасти на буржуазных основах, над чисто феодальной по принципам комплектования австрийской армией.

38

Дальний родственник будущей знаменитой ученой и общественной деятельницы Марии Кюри-Склодовской.

Местные организации Объединения назывались гминами, то есть общинами; они создавались в тех городах (или районах больших городов), где было много эмигрантов.

40

Спаги — легкая конница в турецких войсках; так же назывались колониальные войска во французских колониях, расположенных в Африке.

41

Министр иностранных дел в правительстве Тьера, палач Коммуны.

42

Министр внутренних дел в правительстве Тьера, один из палачей Коммуны.

43

Тюрьма, использовавшаяся Коммуной.

44

Крупные землевладельцы, никогда не жившие в своих именьях (от слова «absentes» — отсутствующие).

45

Точнее, ворота Пуэн-дю-Жур, ведущие от Сен-Клу к центру города.

46

По сведениям Балашевича-Потоцкого, это связанный е революционной эмиграцией харьковский врач, доктор медицины и акушерства, секретарь медицинского общества в Харькове.